

К. КОНКОБАЕВ

**ТОПОНИМИЯ
ЮЖНОЙ
КИРГИЗИИ**

ФРУНЗЕ 1980

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

К. КОНКОБАЕВ

ТОПОНИМИЯ
ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
Фрунзе 1980

Работа представляет собой типологическое исследование топонимов Южной Киргизии, в котором определены и проанализированы основные хронологические языковые пласты (иранские, тюркские, монгольский, арабский и русский), проведена лексико-семантическая классификация их и осуществлен структурный анализ. К монографии приложены «Краткий топонимический словарь» и «Краткий словарь географических терминов и других слов, наиболее употребительных в топонимии Киргизии».

Книга представляет интерес для специалистов-топонимистов, научных и издательских работников, географов, историков, этнографов, филологов, преподавателей и студентов вузов и для широкого круга читателей.

Утверждено к печати
Ученым советом Института языка и литературы
и принято РИСО
Академии наук Киргизской ССР

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор *Н. А. Баскаков*

Рецензенты:
доктор географических наук, профессор
Э. М. Мурзаев;
кандидат филологических наук *Д. Исаев*

ВВЕДЕНИЕ

Еще 20—30 лет назад ономастика была малонизученным разделом языкознания в СССР. Однако в последнее время помимо многочисленных журнальных и газетных статей появились фундаментальные исследования, внесшие огромный теоретический вклад в развитие ономастической науки. Определенные успехи достигнуты на специально созданных ономастических конференциях в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге, Самарканде, Уфе, Саранске и др.

Развитие советской ономастики заметно ощущается и на топонимической, антропонимической изученности республик Средней Азии и Казахстана. Только за последние годы вышли в свет топонимические словари Туркменистана, Узбекистана и Казахстана, которые «как итог, синтезирующий сумму известного» [151, 42], несомненно, внесут весомый вклад в развитие топонимики Средней Азии.

Изучение киргизской топонимии началось с выходом в свет в 1940 г. статьи Э. М. Мурзаева «К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня» [134, 315—327], не потерявшей актуальности и сегодня. Еще тогда Э. М. Мурзаев писал, что «эта задача (изучение географической терминологии и топонимии — К. К.) не может быть решена только географами, для ее выполнения совершенно необходимо участие лингвистов, которые, к сожалению, вопросами происхождения географических названий и терминов занимаются, на наш взгляд, мало и несистематически, хотя подобная работа может дать большой сравнительный лингвистический, исторический и этнографический материал [134, 315]. Впервые Э. М. Мурзаев связывает формирование киргизской топонимии с формированием киргизской народности и ее языка. Он пишет: «...на географических терминах отразились история киргизов и связь языка с языком сибирских тюрков и монголов. Из Сибири и Монголии киргизы привезли ряд интересных географических терминов, которые не приходится встречать где-либо в другом месте Средней Азии, но зато они свойственны Алтаю, южной части Восточной Сибири, Монгольской Народной Республике» [134, 317].

Кроме того, исследователь обратил внимание на некоторые особенности киргизской топонимии: большинство топонимов состоит из двух (реже трех) слов, из которых одно чаще всего является термином, характеризующим тот или иной объект; в Киргизии, как и во всей восточной части Средней Азии, название одной и той же реки часто меняется, многие названия монгольского происхождения [134, 317—320].

Впоследствии Э. М. Мурзаев неоднократно писал о киргизских географических названиях, в которых более глубоко проявляются закономерности киргизской топонимии и географической терминологии.

Среди вышедших в 40-х годах работ, имеющих отношение к топонимии Киргизии, следует отметить статью Н. Г. Малицкого [120, 278—287].

Топонимия Киргизии не исследуется учеными почти до начала 60-х годов. Затем появляются отдельные работы, в которых анализируется происхождение некоторых киргизских топонимов. Среди них особое место занимают статьи С. У. Умурзакова [142, 195, 196, 197, 198], в которых он делает попытку популяризировать изучение топонимии, и в одной из них [196, 95—200] исследует киргизские местные термины, обозначающие типы перевалов.

Среди лингвистических статей следует отметить работы Б. О. Орузбаевой [156, 222], Дж. Мукамбаева [132] и У. Асаналиева [14], из работ географов — К. Матикеева [123] и С. Б. Байгуттиева [22, 201—204]. Некоторым проблемам киргизской топонимики посвящены доклады С. У. Умурзакова, Т. К. Ахматова, Н. П. Бутенко и Ш. Жапарова на Первой среднеазиатской конференции по ономастике, проходившей в г. Бухаре 10—12 декабря 1974 г. [199, 58—61].

Изучение топонимии Киргизии до 70-х годов нынешнего столетия носило фрагментарный характер.

Топонимия Киргизии наиболее полно нашла свое отражение в диссертационных работах Н. П. Бутенко [42] и Д. Исаева [74]. В первой из них подняты такие проблемы, как словообразовательная структура русских топонимов Киргизии, вопросы русско-киргизского языкового взаимодействия в сфере собственных имен, калькированные и скрещенные русско-киргизские топонимы и др. В работе Д. Исаева впервые в киргизской топонимике выявлены и подтверждены топонимические пласты тюркских, иранских и монгольского языков. Наиболее обстоятельно исследуется монгольский пласт, ему посвящена отдельная статья [72]; прослеживается также возникновение иранского пласта. Особенно основательно последний изучается на основе топонимов с компонентом *сар* [69]. Д. Исаев подверг структурному и лексико-сман-

тическому анализу топонимы Северной Киргизии [74, 17—19; 19—20]. В 1977 г. вышла в свет его книга [73], написанная на основе диссертационной работы. Автором скрупулезно изучена вся литература, имеющая отношение к топонимике Киргизии, и сделаны соответствующие выводы и обобщения.

В настоящее время изучение топонимии Киргизии стало более углубленным и интенсивным. Последнее требует комплексного подхода, поэтому необходимо общими силами киргизских лингвистов, географов, историков, этнографов создать единую картотеку географических названий (особенно желательным представляется создание ономастической картотеки, включающей в себя антропонимические, топонимические, этнонимические и другие материалы). Создание таких картотек, а впоследствии и тщательное их изучение с применением современных, более точных, чем традиционные, лингвистических методов дало бы наиболее точные и полные сведения о системе географических названий Киргизии, об особенностях и закономерностях формирования топонимии, об истории киргизского народа и развитии его языка.

В республике издан ряд терминологических словарей [152, 153] и словарь географических названий (проект) [75], но все они не содержат полных сведений о топонимии Киргизии. В указанном словаре географических названий и справочнике-указателе топонимов [89], хотя они и были призваны упорядочить правописание местных географических названий на киргизском языке и их транскрибирование на русском языке, встречаются значительные искажения, неправильная передача географических имен.

Следует заметить, что исследования топонимии Киргизии на материале письменных памятников досоветского периода не проводилось, хотя такое изыскание, несомненно, восполнило бы большой пробел в изучении закономерностей формирования топонимической системы Киргизии. Подобная работа проведена С. Караевым на материале топонимии Узбекистана [83].

Предварительный анализ показал, что фрагментарные топонимические факты, содержащиеся в трудах древних авторов, а также в работах русских путешественников второй половины XIX столетия, дают ценный материал, объясняющий многие вопросы киргизской топонимики.

На тюркском топонимическом материале работ В. В. Радлова написана ценная статья Г. Ф. Благовой [38, 102—131], на топонимическом материале «Маджму ат-таварих» XVI в. — В. А. Ромадиным [163, 64—65]. Эти и другие подобные работы показывают важность изучения указанной проблемы. В

этом плане при изучении топонимии Киргизии представляют интерес труды арабо-персидских, тюркских авторов [22] и таких русских ученых, как Я. Бичурин, В. В. Радлов, В. В. Бартольд, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский, А. П. Федченко и др.

Таким образом, изучение киргизской топонимики тюркологами-топонимистами показывает, что образование современной топонимической системы Киргизии в целом и Южной Киргизии, в частности, тесно связано с формированием киргизского народа и его языка. Последнее обусловлено особенностями исторических условий, сложившихся в результате социально-политических и общественно-хозяйственных перемен, этнических и языковых взаимосвязей в истории киргизского народа. Основными историческими событиями, повлиявшими на формирование киргизского народа и на развитие его языка, были следующие:

- 1) образование в середине VI в. политического объединения — Тюркского каганата, созданного тюркскими племенами Алтая, завоевавшего и объединившего ряд племен;
- 2) создание государства енисейских киргизов в VI в. н. э. и последующее его падение, война с уйгурами;
- 3) проникновение тюркских племен на территорию Ферганы с середины VII в.;
- 4) возникновение государства караханидов в середине X—XII вв.;
- 5) проникновение кара-киданей на территорию Киргизии и создание ими крупного среднеазиатского государства в XII—XIII вв.;
- 6) монгольские завоевания с 1219 г.;
- 7) существование государства Могулистан в XV в.;
- 8) войны с ойрот-калмыками в XIV—XV вв.;
- 9) жунгарское нашествие XVII—XVIII вв. [77].

В результате указанных и других исторических условий начала формироваться киргизская народность, что хорошо показано в фундаментальной работе С. М. Абрамзона, подготовленной на основе киргизских этнографических материалов с учетом имеющихся антропологических, лингвистических и исторических данных [10, 69—70].

Сложение киргизской народности и формирование ее языка тесно взаимосвязаны. Такой вывод сделан и Н. А. Баскаковым в работе [27], в которой классифицируется развитие тюркских языков и приводится следующая последовательность развития киргизского языка: 1) хуннская эпоха до V в. н. э. — киргизско-кипчакская (з—ш; д/т) группа; 2) древнетюркская эпоха (V—X вв.) — древнекиргизский (д/т) язык; 3) среднетюркская эпоха (X—XV вв.) — киргизский (й)

язык; 4) новотюркская эпоха (XV—XIX вв.) — киргизский язык [27, 294—298].

Аналогичный вывод о развитии и формировании киргизского языка сделан Б. М. Юнусалиевым в работе «Кыргыз диалектологиясы» [220, 56—57]. Он выделил три основные эпохи в развитии и формировании киргизского языка: а) древнекиргизский язык — до IX—X вв.; б) киргизский язык — в XV—XVI вв.; в) новокиргизский язык — с XVI в. до наших дней. Этому же мнению о развитии и формировании киргизского языка придерживаются Б. О. Орузбаева [155, 14—21], К. К. Сартбаев [169] и другие.

Такая же хронологическая последовательность прослеживается и в складывании южнокиргизской топонимии, что показано, насколько было возможным, в данной работе.

Предлагаемая работа посвящена проблемам топонимии Южной Киргизии, она как бы является своеобразным продолжением исследований Д. Исаева [73], в совокупности они дают общую характеристику топонимии всей Киргизии.

Объектом настоящего исследования является топонимия Южной Киргизии, а точнее — Ошской области на площади 73,9 тыс. кв. км. Ошская область, занимающая значительную предгорную часть Ферганской долины, в прошлом была ареной важных исторических событий, повлекших за собой целый ряд преобразований в социально-экономической, политической жизни, а следовательно и в языке местных жителей. Они отразились и на топонимии Южной Киргизии. Так, в южнокиргизской топонимии автором выделены пласты иранских (согдийско-ягнобский, таджикский), тюркских (киргизский, алтайский, тувинский, уйгурско-узбекский), арабского, монгольского и русского языков. Географические имена подвергнуты лексико-семантическому и структурному анализу. Частично показано отражение особенностей южного диалекта на топонимии Южной Киргизии. Рассмотрены также местные географические термины и другие слова, употребляемые в топонимии (приложение 2), и дан историко-сравнительный анализ некоторых южнокиргизских топонимов (приложение 1).

Цель и задачи нашей работы определяются состоянием почти полной неизученности топонимии Южной Киргизии.

Задача исследования заключалась в сборе, систематизации и топонимической интерпретации топонимии исследуемого региона.

Цель работы — выявление определенных закономерностей в структуре, семантике географических имен, а также отличительных черт топонимии Южной Киргизии по сравнению с топонимией Северной Киргизии и с топонимией других тюрк-

ских языков, стратиграфия топонимов Южной Киргизии, определение особенностей ее формирования.

В исследовании в известной мере ставилась и практическая цель — правильная передача киргизских названий на русский язык, а также правильное написание названий на самом киргизском языке.

Использованы разные лингвистические методы: сравнительно-исторический, метод реконструкции, ареальный (формантный), сопоставительный, структурный, частично — статистические и др.

В теоретическом плане автор опирался на труды А. М. Селищева, В. А. Никонова, А. П. Дульзона, Н. А. Баскакова, Э. М. Мурзаева, А. И. Попова, Б. А. Серебренникова, А. А. Реформатского, А. В. Суперанской, С. Роспонта, В. Тащицкого, А. Абдрахманова, С. Караева, Д. Исаева, Х. Хасанова и др.

Материалы работы собраны автором в 1970—1976 гг. на территории Южной Киргизии путем опроса местных жителей, в картах Киргизской ССР, изданных в 1952—1975 гг., из «Словаря географических названий Киргизии» [75], а также других источников. Топонимическая картотека автора охватывает более 6 тысяч географических наименований.

Автор приносит особую благодарность сотрудникам сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР и сектора лексикологии и лексикографии Института языка и литературы АН Киргизской ССР, оказавшим помощь в подготовке этой работы. Также считаю своим приятным долгом выразить искреннюю признательность профессорам Н. А. Баскакову, Э. М. Мурзаеву, кандидатам филологических наук Д. И. Исаеву, Э. А. Абдулдаеву, Н. Б. Бейшекееву и Н. Д. Федосеевой, чьи советы и замечания принесли существенную пользу.

В работе в целях технического облегчения издания слова из других (например, древнетюркские, согдийские и др.) языков переданы в русской транскрипции, а географические названия Киргизии даны на киргизском языке.

ГЛАВА I

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СТРАТИГРАФИЯ

Изучение связей народов и их языков на материале топонимики имеет важное значение «для восстановления картины этнических контактов в далеком прошлом. Значение этих данных особенно велико в тех случаях, когда отсутствуют другие источники и прежде всего письменные свидетельства» [188, 3]. Кроме того, географические имена «дают значительные сведения о природе, языке, истории, быте, обычаях... на определенной территории» [170, 162].

Современная топонимия Киргизии по языковому составу неоднородна. Она складывалась в течение тысячелетий [148, 28], изменяясь под влиянием исторических условий, смены народов и языков на территории Киргизии. Все это нашло отражение в топонимии, состоящей из языковых наслоений разного возраста и происхождения [140, 7].

При топонимическом стратифицировании в составе географических названий Южной Киргизии выявлены пласты топонимов из иранских, тюркских, монгольского, арабского и русского языков.

Определяя задачи топонимической стратиграфии республик Средней Азии, Э. М. Мурзаев пишет, что «... на значительной территории среднеазиатских республик, в том числе тюркоязычных, наиболее древним из опознаваемых топонимических пластов оказывается иранский» [137, 60].

Хронологически за иранским топонимическим слоем следует пласт тюркских названий, который преобладает в топонимии Южной Киргизии. Основную часть его составляют топонимы киргизского происхождения. Далее прослеживается малочисленный пласт арабских топонимов. Он является общим для всей Средней Азии, так как в основу арабских по происхождению названий легли характерные для топонимии среднеазиатских республик определенные арабские слова: рабат, мазар, махалля, марказ и т. д. [137, 61].

Монгольский пласт в топонимии Киргизии хронологичес-

ки относится к средним векам. Он четко прослеживается в ее составе [137, 61] и является наиболее изученным.

По мнению Э. М. Мурзаева, самым верхним слоем в топонимии Киргизии считается русский, или славянский пласт.

Такова историческая последовательность отложения топонимических пластов Южной Киргизии. Именно путем постепенного, многовекового пополнения со стороны различных народов складывалась необычайно разнородная по происхождению топонимическая система Киргизии.

Ниже делается попытка систематизировать и интерпретировать собранный топонимический материал Южной Киргизии по ее стратиграфическим пластам.

ИРАНСКИЙ ПЛАСТ

На территории Ошской области топонимы иранского происхождения встречаются чаще, чем на севере Киргизии¹. В южных ее районах (Наукатский, Фрунзенский, Баткенский, Ляйлякский) их сравнительно больше, чем в северо-восточных (Сузакский, Токтогульский, Узгенский, Советский).

Иранская топонимия Южной Киргизии изучена недостаточно. Тем не менее иранские по происхождению киргизские географические названия не остались вне поля зрения исследователей. Они наряду с другими вопросами киргизской топонимики попутно рассматриваются в работах [71, 74; 123; 132; 137]. В работах Д. Исаева разбираются иранские топонимы Сан-Таш, Дөрө, Көй-Кап, Кажы-Сай, Куу-Сере и топонимы с компонентом *сары*—«желтый». Иранские по происхождению топонимы (Келте-Булак, Кыз-Дара, Зилзала-Булак, Санам-Булак, Бас-Мойнок, Баткен, Зардалы, Дөгмөн, Жопая, Ташты-Калан, Роут) проанализированы в статьях [123; 132]. Значения указанных топонимов в них объясняются на базе таджикского языка. Например, в топонимах Келте-Булак, Кыз-Дара, Зилзала-Булак, Санам-Булак, Бас-Бөлтөк их компоненты *келте* — «короткий», *дара* — «теснина», *зилзала* — «землетрясение», *бас* — «низкий» являются таджикскими. К. Матикеев в топонимах Зардалы, Дөгмөн, Жопая, Ташты-Калан, Роут находит таджикские слова *зардоло* — «абрикосовое поле», *дугман* — «страшное место», *жопая* — «ячменное поле», *дашкалон* — «безводная степь», *роут* — «зеленое поле». Разделяя мнение автора статьи о значении топонимов *Зардалы* — «абрикосовое поле», *Ташты-Калан* — «безводная степь», *Роут* — «зеленое поле», относитель-

но их семантики предлагаем свои соображения: *Зардалы* означает «желтый урюк»; *Ташты-Калан* (<ягн., тадж. *дашт*—«ровное место», «равнина») + *и* (суф.) + тадж. *калон*—«большой») — «большая равнина»; *Роут*, ягнобский географический термин, означает «боковое ущелье».

В топонимии Южной Киргизии иранский пласт представляют довольно многочисленные географические названия.

Иранский слой топонимии Южной Киргизии можно разделить на два подслоя: согдийско-ягнобский и таджикский.

Согдийско-ягнобские топонимы

Южнокиргизские топонимы, включенные в этот подпласт, имеют параллели (топонимические, лексические) на той территории Таджикистана, где население говорит на ягнобском языке (наиболее близком согдийскому из всех современных восточно-иранских языков) [221, 342—361], его даже называют новосогдийским языком [209, 12], а также в некоторых других соседних памирских (бартанский, ваханский, язгулямский, шугнанский) языках и отражены в документах на согдийском языке с горы Муг. По времени возникновения согдийско-ягнобские топонимы древнее, чем другие географические названия на территории Южной Киргизии. Они зарегистрированы в согдийских письменных источниках и находят отражение в близком к согдийскому ягнобском языке. Эти и другие факты дают основание говорить о том, что на современном этапе развития языкознания из выявленных топонимических пластов топонимы согдийско-ягнобские по происхождению могут рассматриваться как исторически самые древние.

Прониллюстрируем это на следующих примерах.

Бидона, ксуу., нп. Топоним образован от ягн. *бидон*—«средина» + *-а* (ягн. суф. *-а*, используется только в микротопонимии) [209, 13].

Боржой, фр., нп. Вероятно, восходит к согдийскому и ягнобскому языкам, ср.: согд. *бор*—«через», «напротив» [175, 102], *зух*—«земля», «страна» [90, 11]. Слова *пор*, *зой* встречаются как в памирских и ягнобском языках, так и в их топонимии. Ср.: руш., барт. *пор*—«через», «напротив»; ягн. *зой*—«земельный участок» и топонимы, в состав которых входят эти слова: Порбог, Порфиз, Порнов, Порвог, Пордар; Гурзой, Гарзой, Ханзой, Думзой [208, 95—96].

Боржой мы считаем киргизской адаптацией согдийско-ягнобского Порзой. Что касается перехода звуков п/б, з/ж, то эти явления вполне могли произойти в процессе адаптации.

¹ Из-за отсутствия статистического изучения определить их количественное соотношение представляется затруднительным.

Вахум-Чартак, лр., нп. Ср.: ягн. *векхун* — «дальняя летовка», также ягнобские топонимы *Вехун*, *Векхун* [209, 27], *Вакум-Чартак* — «летовка за пределами ущелья Чартак».

Гарым, фр., г. Топоним Гарым сравниваем с согдийским названием *Гарм* — «селение», «местность» [176, 104]. Оно сохранилось как название области и ее центра в Таджикской ССР.

Дароот-Коргон, ал., нп. Топоним состоит, вероятно, из иранских слов: *дара* — «ущелье, небольшая долина» и согд. *оут* — «селение» [176, 101], что означало «селение в ущелье». *Коргон* относится к более поздним вкраплениям, сделанным киргизами (можно даже утверждать, что это произошло в XIX в., когда на территории Киргизии, в том числе нынешнего Алайского района, было построено множество крепостей-курганов: Дароот-Коргон, Кызыл-Коргон, Сопу-Коргон).

Жай-Терек, лр., нп. Маловероятно предположение о том, что киргизский компонент *жай* — «лето» семантически может сочетаться с *терек* — «тополь», так как в киргизских составных (сложных) топонимах названный объект, т. е. определяемое, всегда сочетается с определяющим словом. В слове *жай* находим ягнобское *зой* — «земельный участок», ягнобское *зой*, даже весь топоним, представляет структуру образования иранских географических названий. Киргизский топоним является, на наш взгляд, ассимилированной формой ягнобского топонима в киргизском языке. Значит, *Жай-Терек* < *Зойи дирахт* (?) или *Зойи терек* — «земельный участок, где растут тополя».

Кандава, узг., нп. Топоним ягнобско-таджикского происхождения. Ср.: *Кандава*, ягн., тадж. *канта*, *канда* — «рытвина» + *ав* (<тадж. об) — «река» + *-а* (ягнобско-таджикский топонимант) — «следы или высохшее русло реки».

Каравшан, батк., р., нп. Ср.: структуры топонимов Каравшан в Киргизии, Зеравшан в Таджикистане. Обе реки берут начало вблизи Туркестанского хребта. *Зеравшан* в переводе «золотоносная река», *Каравшан*, вероятно, восходит к согд.-ягн. *гар* — «гора» + *ав* — «вода», «река» + *шан* (<шан, ср. тадж. непродуктивный суффикс, при помощи которого образуются слова со значением изобилия чего-либо) [161, 542] — «река, текущая в горах», или «горная река».

Кыштут, батк., нп. Его можно сравнить с сохранившимся согдийским топонимом *Кштут* — названием владения и их центра [176, 104—105]. Ныне такое же название носит левый приток Зеравшана выше Магйан-Дарьи [176, 104—105]. Значение не выяснено.

Лаглан, ксуу., нп. Второй компонент *лан* не ясен. *Лаж*

можно сравнить со словом *лаж/лагч* — «скользкое место». Это слово в долине Ягноба встречается в качестве топонима: *Лаж*, мест., *Лажч*, мест. [209, 42—42].

Ноокат, ноок., нп. (Есть селения *Эски-Ноокат*, *Жаңы-Ноокат* — в русском переводе соответственно «старый», «новый»). Топоним по составу сложный. Компонент *ноо* в ягнобском и таджикском языках и в их топонимии употребляется в форме *нов*, *ноу*, что означает «лощина, небольшая долина» [209, 15, 19]. Компонент *кат* в разных фонетических вариантах распространен на обширной территории Европы, Азии. Эта тополема означает «селение», «квартал», «город». Ученые считают, что *кат* восходит к согдийскому *кт* — «город», «селение» [141, 117—119; 209, 19]. Топонимант *кат* с вариантами *кант*, *кен*, *гон* встречается в киргизских топонимах Ноокат, Ноокент, Токент, Мункент, Темиркент, Өзгөн. *Ноокат* — «селение в лощине, в небольшой долине», что отражает местоположение селения *Ноокат*.

Мады, ксуу., нп. Ср.: согд. «Мадм — селение в Фальгаре. Современный Мадм лежит в горах левобережья Зеравшана, на одноименной речке, в 5 км от места впадения в Зеравшан...» [176, 105]. Согдийский Мадм вполне мог перейти в киргизский Мады.

Палал-Ооз, батк., р., мест. Ср.: с ягн. *палол* (вид растения), и ягнобским топонимом Палалвара — «местность, где растет «палол» [209, 50]. *Палал-Ооз*, ягн.-кирг. — «местность (точнее, селение) при выходе из ущелья Палол».

Паткул, фр., нп. О топонимах на *пад-* (*пат-*) А. Л. Хромов пишет, что, возможно, *пад-* < согд. *пт* (префикс со значением «в», «внутри», «на»). Отсюда: *Падро*г — «местность на лугу» [175, 96]. Компонент *кул* этимологически связан с ягнобским словом со значением «пастбище». Киргизский топоним Паткул, по-видимому, согдийского происхождения.

Пидау, батк., нп., р. Ср.: ягн. *пид/пит* — «передняя часть» + ягн. *ау* (<об) — «река» > *Пидау* — «передняя часть реки».

Роут-Коут, батк., нп. Ср.: ягн. *кабуд/кабут* — «зеленый», компонент *розут*, *роут* тоже ягнобское слово, означающее «боковое ущелье» [209, 37, 15]. *Роут-Коут* — «ущелье, где растет сочная зеленая трава». Ср.: с ягнобскими топонимами *Йагроут* — «ледяное ущелье», *Роут* — «ущелье», *Роутак* — «небольшое ущелье», *Кабуд хок*, *Кабут хокак* — «источник, вокруг и внутри которого растет сочная зеленая трава», или «зеленое ущелье».

Чартак-Сай, лр., нп., ущ., р. Ср.: ягн. *чор* — «узкое ущелье», «теснина» + ягн. *так* — «низ», «низина» + тюрк. *сай* — «река». *Чартак-Сай* — «низина у ущелья или низ у ущелья», компонент *сай*, вероятно, позднее вкрапление, так как река,

текущая по ущелью, тюрками была названа *Чартак-Сай* — «река, текущая по Чартаку».

Чоң-Нават, узг., нп. Название образовано от тюркско (киргизско)-иранских слов: *чоң* — «большой» + *нав* (<ягн.-тадж. *нов*, *ноу*, «лощина») + *а* + *т* (-а, -т иранские топоформанты). Значение топонима «большая или широкая лощина».

Приведенные согдийско-ягнобско-киргизские топонимические параллели не исчерпывают всего собранного материала. Обилие материала показывает, что это не случайный факт, а отражение исторической действительности.

В согдийско-ягнобском подпласте топонимии Южной Киргизии используется определенная лексика, в состав которой входят согдийско-ягнобские (слова или топонимы, засвидетельствованные в памятниках согдийского языка, и современные ягнобские) географические термины, а также знаменательные слова: *оп* (<согд. *ап*) — «вода», «река»; *вит* — «луг»; *так* — «низ», «низина»; *дарв* (напр., Дарбаза) — «гребень горы»; *мар* (<ягн. *марг*) — «луг»; *гар* — «перевал», «гора»; *рак* (<ягн. *рег*) — «мелкая галька»; *чор* — «узкое ущелье», «теснина»; *кан* (<ягн. *хан*) — «ручей»; *кон* (<ягн. *хон*) — «летовка»; *хаук* — «сурок»; *ровут*, *роут* — «боковое ущелье»; *кул* — «пастбище» *хавз* — «водоем»; *ау* — «этот», *ван* — «длинный»; *кабут* — «зеленый»; *зард* — «желтый»; *ворик* — «узкий» и др.

В согдийско-ягнобском подпласте выделяются следующие топоформанты:

-ак (<өк, -ек): Зымырак, Чайнак, Чачак, Дүкөнөк, Кепенек;

-пара (<-вара): Испара, Аспара;

-т: Ноот, Шарат, Паут;

пада: Пада-Күнгөй.

Ему присущи типы топонимических моделей, характерные для ягнобского языка [209, 12—13]:

1) существительное без каких-либо формальных элементов: Роут, Каук, Газ, Тагап;

2) топонимы, образованные путем словосложения: Шах-дар, Даргаз, Шарап, Апкан, Ярван, Азван и т. д.;

3) топонимы-словосочетания: Ташты-Калан, Шахимардан, Чалдысар, Дашти-Бала, Калта-Шыман, Ранкаш, Берик-Суу и т. д.;

4) топонимы, состоящие из основы + топоформант (примеры приведены выше).

Примечательно, что в южных районах Ошской области (на юго-западе они граничат с долинами Зеравшан, Матча, Ягноб, на юго-востоке — с Памиром) данный подпласт четко выделяется (исключение составляют некоторые адаптации

таких топонимов в киргизском языке), при этом сохранены лексико-грамматические модели структур ягнобских (согдийских) географических названий.

При адаптации топонимы согдийско-ягнобского происхождения приспособились к особенностям фонетики, орфоэпии, синтаксиса киргизского языка. Например, в области фонетики: *Дүкөнөк* (<ягн. (?) *ду* — «два» + ягн. *хон* — «летовка» + *ак* (<суф. -ак) — *у/ү*, *х/к*, *о/ө*; *Шакаптар* (<ягн. *шах* — «крупная скала» + согд.-ягн. *ап* — «река» + *тар* (<ягн.-тадж. *дор* — «сланец») — *х/к*; *д/т*; Дароот-Коргон (<согд.-ягн. *дара* — «ущелье» + *оот* (<согд. *оут* — «селение», «место») — *дара оут* — *дар(а) оот*: *оу/оо* и т. д.

Характерное звуковое явление при адаптации — переходы звуков *х > к*, *д > т*, *б > п*, *о > а*.

В области синтаксиса ягнобский *Дашти калон* — «большая степь» > Ташты-Калан аналогичен киргизскому Талды-Суу, Карагатты-Сай.

Таджикский подпласт

Таджикские по происхождению географические названия в топонимии Южной Киргизии многочисленны. К этому подпласту относятся те географические названия, которые выясняются на базе таджикского языка.

Проиллюстрируем это на следующем материале.

Апшир-Сай, ноок., ущ., р., водопад. Апширом называют скалу, из которой бьет сильный поток воды. Апшир-Сай — название ущелья, где протекает такой поток.

Значение топонима можно этимологизировать двояко.

1. Апшир — название таджикское, состоящее из словосочетания *оби ши́р* — «горный поток, вода которого цветом похожа на молоко» [209, 49]. Бурный поток, бьющий из скалы, вода в котором молочного цвета из-за сильного вспенивания. Последнее явилось причиной такого метафорического названия.

2. Компонент Апшир, возможно, восходит и к другому слову из иранских языков, ср.: перс. *абшар* — «водопад»; *абшир* — «сточная труба», «сточная яма» [157, 3]; урду *абшар* — «водопад» [200, 16]; тадж. *абшор* — «водопад», «поток»; «изобилующий, богатый водой (о местности)» [181, 282].

Следовательно, Апшир — водопад, поток.

Аук, лр., нп. Ср.: тадж. *ау* (<об) — «река» + *-ак* (суффикс уменьшительности) > *Аук* — «речка».

Аустан, фр., пер., р., нп. Аустан — ср.: *ау* (ягн. *ау*) — «тот» + *стан* (тадж. *-стон*, суффикс, образующий слова со значени-

ем: а) названия страны, места жительства какого-либо народа или племени; б) места, изобилующего чем-либо [161, 542] — «то место», «та страна, область». Ср.: ягнобский топоним *Ау гузар* — «тот квартал» [209, 24]; Кыргызстан, от кыргыз.

Баястан, жжол., нп., р. Баястан (Байастан) — ср.: *байа* (тадж. *поя*) — «стебель»+*стан* — «место, изобилующее поя».

Берик-Суу, ал., р., пер. Ср.: тадж. *борик* — «узкий»+кирг. *суу* — «река» — «узкая река».

Бурса, ноок., нп. Ср.: тадж. *бурс* — «арча»+*-а*> Бурса — «арча».

Газ, батк., нп. Ср.: ягн. -тадж. *газ* — «камыш», а также ягнобские топонимы *Газ*, *Газароут* [209, 74].

Гаузен, фр., г., мест. Гаузен — ср.: *гауз* (<тадж. *хавд*, *хавз*+суф. *-ен* (<-он) — «место, где находится множество водоемов со стоячей водой».

Даргаз, лйк., нп. Восстанавливаемая таджикская форма *Дари газ*, ср.: тадж. *дара* — «ущелье»+*газ* — «камыш»> *Даргаз* — «ущелье, где растет газ».

Дашман, лр., нп. Ср.: тадж. *дашт* — «степь», «поле»+*ман* (<*манд*—суффикс, обозначающий обладание каким-либо предметом или качеством и образующий прилагательные и существительные) [161, 542] — «степной».

Жёйбөлөнт, алб., нп. Ср.: ягн. *зой* — «земельный участок»+тадж. *баланд* — «высокий» — «верхний участок земли».

Ковсубар, батк., нп. Ср.: тадж. *гов* — «корова»+*чубар* — «ручей», «канал»>*Ковсубар*, буквально «коровий ручей».

Маргун, лйк., нп. Таджикская форма Марггун, ср.: тадж. *марг* — «луг»+*гун* (суф., обозначающий подобие, образует прилагательные [161, 542]>Маргун — «подобный лугу».

Мустан, узг., пик. Ср.: кирг. *муз* — «лед»+тадж. *стан* — «ледник».

Мырзаке, узг., нп. Ср.: тадж. *мирзо* — «господин» или «имя собственное»+*аки* (суффикс, образующий прилагательные и существительные (имена деятеля) от именных основ) [161, 542].

Пайзават, узг., нп. Ср.: тадж. *файз* — «изобилие», «обилие»+тадж. *обод* — «заселенный», «цветущий», «благоустроенный»>*Пайзават* — «место, цветущее, изобилующее, благоустроенное».

Параканда, лр., нп. Ср.: тадж. *парра* — «сторона», «край»+тадж. *канда* — «рытвина»>*Параканда* — «край рытвины или сторона рытвины».

Тагап, лйк., нп. Ср.: тадж. *тагоб* — «боковое ущелье» [209, 19].

Ташты-Калан, батк., нп. Ср.: тадж. *дашт*+*и*+*калон* — «большая степь».

Чуянги, батк., нп. Ср.: тадж. *чу* — «ручей», «канал»+тюрк. (узб.) *янги*—«новый» — «новый канал».

Эски-Аучу, лйк., нп. Ср.: тадж. *ау* (<об) — «река»+*чу* — «ручей», «канал»>*Эски-Аучу*, первоначально «река+канал», затем по-тюркски (киргизски) — «старый канал».

Шура, лйк., нп. Ср.: тадж. *шур* — «обрыв», «осыпь»+*-а*>*Шура* — «обрывистое место».

Як-Писта (*Як-Писта*), ар., нп. Ср.: тадж. *йак* — «один»+*писта* — «фисташка» — «одинокая фисташка».

Таджикских географических названий значительно больше, чем согдийско-ягнобских. Таджикские топонимы на территории Южной Киргизии представлены почти всюду, тогда как согдийско-ягнобские названия встречаются лишь в Алайской долине, в Наукатском, Фрунзенском, Баткенском, Ляйлакском, Ленинском районах Ошской области.

Основным источником образования топонимов в таджикском подпласте топонимии Южной Киргизии являются таджикские географические термины и некоторые существительные, прилагательные, числительные: *боло* — «верх»; *бурс* — «арча»; *гузар* — «квартал»; *гов* — «корова»; *дара*—«ущелье»; *кафтар* — «голубь»; *катк* — «горный лук»; *кух* — «гора», *кутал* — «перевал»; *мур* — «ложбина»; *рах* — «тропа»; *сар*—«верх»; *санг* — «одиноким камень»; *тагоб* — «боковое ущелье»; *об* — «река», «горный поток»; *таңги* — «теснина»; *чаима* — «источник», «ключ»; *шах* — «крупная скала»; *чу*, *чубор* — «ручей», «канал»; *калон* — «большой»; *чор* — «четыре»; *чил* — «сорок» и другие.

По типам топонимических моделей таджикские названия почти не отличаются от согдийско-ягнобских:

- 1) топоним-апеллятив: Таңги, Тагап, Газ, Гузар;
- 2) топонимы, образованные путем словосложения: Говсубар, Кафтархана (Кәптәрхәнә), Пайзават, Параканда, Кандава, Даргаз;
- 3) топонимы-словосочетания: Жёйбөлөнт, Дашман, Охна, Ташты-Калан;
- 4) топонимы, состоящие из основы и топоформанта. В таджикском пласте встречаются следующие топоформанты:
 - а: Шура, Бурса, Бидона, Кандава;
 - ан: Ормузан, Маран, Таран, Кулан, Шаран, Исфара-Лакан;
 - он: Дунон;
 - стон: Баястан, Мустан, Аустан;
 - обод: Пайзават, Жалал-Абад, Кемпир-Абад;

-дон: Шахимардон, Мазардан, Чачма-Чылдан, Шордон, Додон.

**Согдийско-ягнобские и таджикские слова,
образующие географические названия иранского пласта
в составе топонимии Южной Киргизии**

В образовании топонимии любого региона участвуют определенные слова-апеллятивы. Изучение их дает различные сведения о характере географического (называемого) объекта, о значении топонима и т. п. Исследование согдийско-ягнобских и таджикских слов, образующих иранскую топонимию Южной Киргизии, показывает, что основные значения топонимов заложены в значениях слов-апеллятивов. Большую часть апеллятивов составляют географические термины, преобладающими среди знаменательных слов-апеллятивов являются качественные прилагательные и т. д. Ниже приводим примеры, подтверждающие в определенной степени высказанное.

Бидон — «середина», ягн., ср.: Бидона, ксуу., нп.

Бог — «сад», тадж., ср.: Баглан, ноок., нп.

Боло — «верх», «верхний», тадж., ср.: Бала-Кыш, фр., г., нп., *Дашти-Бала*, ноок., нп.

Борик/ворик — «узкий», тадж., ягн., ср.: Ворул, фр., нп., Ворул-Суу, алк., пер., р., Берик-Суу, ар., ал., р.

Бурс — «арча», «можжевельник», тадж., ср.: Бурса, ноок., нп., Замбурч, ляйк., нп.

Ван — «длинный», ягн., ср.: Ишкован, ксуу., нп., Ярван, лр., нп., Азван, узг., пер., Араван, ар., нп. (?), Караван, ноок., жжол., нп. (?).

Векхун — «дальняя летовка», ягн., ср.: Вахум-Чартак, лр., нп. Ср.: ягн. топонимы Вехун, Векхун [209, 27].

Вуз — «коза», ягн., ср.: Калаваз, фр., нп.

Гар — «перевал», «гора», ягн., ср.: Кардыгар, фр., г., р., Унгар-Дөбө, алб., пик.

Гарм, ср.: согд. «Гарм — селение, местность» [176, 104], ср.: Гарым, фр., г.

Гузар — «квартал», ягн.-тадж., ср.: Гузар, сов., фр., нп.

Гур — «большой круглый камень», ягн., ср.: Лукур, лр., нп.

Даңги/таңги — «теснина», тадж., ср.: Даңги, ал., алк., уш., р., Жол-Таңги, фр., нп., р. (В топонимии Южной Киргизии слово *даңги/таңги* встречается очень часто, особенно в южных районах).

Дара — «ущелье», «небольшая долина», тадж., ср.: Даргаз, ляйк., нп., Дархум, ляйк., нп., Дара-Сай, алб., р.

Дашт — «ровное место», «равнина», ягн., тадж., ср.: Даш-мала (Дашмээлэ), фр., нп., Даш, суз., нп.

Ду — «два», тадж., ср.: Дукур, лр., нп., Динау, ляйк., нп. *Зак/зек* — «сырость», «болото», ягн., тадж., ср.: Канызак, фр., нп., р., Зак-Кашка-Суу, ксуу., р., Зек-Сай, алб., р.

Зар — «золото», тадж., ср.: Зар-Таш, батк., нп., Зар, узг., г., р., Заркан/Заркент, алб., нп.

Зилзала — «землетрясение», «колебание земли», тадж., ср.: Зил-Булак, ал., р.

Зир — «тмин», тадж., ср.: Зир-Таңги, фр., мест.

Зой — «земельный участок», ягн., ср.: Боржой, фр., нп., Жөйбөлөнт, алб., нп.

Як — «один», тадж., ср.: Як-Писта (Як-Пистэ), ар., нп.

Калон — «большой», тадж., ср.: Ташты-Калан, батк., нп.

Калта (*кэлтэ/келте*) — «короткий», тадж., ср.: Калта, фр., батк., лр., мест. (часто встречается).

Калф — «большой грот», ягн., ср.: Кулпу, фр., ледн., г.

Канда/канта — «рытвина», ягн., тадж., ср.: Кандава, узг., нп., Параканда, лр., нп.

Катк — «горный лук», тадж., ср.: Катыран (<Катки ран), батк., нп.

Кул — «пастбище», ягн., тадж., ср.: Паткул, фр., нп., Мыян-Кул, чатк., р., мест.

Кутал — «небольшой перевал», тадж., ср.: Орто-Кутал, фр., нп., Кутал-Чита, ар., нп.

Кух — «гора», тадж., ср.: Жыл-Куу, ал., пик, Куу-Майдан (<Кухи майдон), ноок., нп.

Марг — «луг», ягн., тадж., ср.: Маркуш, фр., пик, нп., Маргун, ляйк., нп., Маран, ал., пер.

Миона — «средний», тадж., ср.: Мыян-Кул (<Мийони кул), чатк., р., мест., Халмион, ар., нп., Чимион, фр., нп.

Мур — «ложбина», тадж., ср.: Мурдаш, ал., уш., р., Муркут, ноок., нп., Мураул, фр., нп.

Об/on/ay — «вода», «река», согд., ягн., тадж., ср.: Охна (<Оби хана), фр., нп., Апкан, батк., нп., Апшир, ноок., уш., Куршап, узг., нп., р.

Овут — «место», согд. (?), ср.: Овут, жжол., нп., Дароот-Коргон, ал., нп.

Пара — «сторона», «край», тадж., ср.: Параканда, лр., нп.

Ран — «краска» тадж., ср.: Ранкаш, фр., нп., Шивран, фр., нп., Катыран (<Катки ран), батк., нп.

Рах — «тропа», тадж., ср.: Чатрак-Сай, алб., лр., р. (или *рак/рег* — «галька», ягн., тадж.).

Ровут/роут — «боковое ущелье», ягн., ср.: Роут-Коут, батк., нп.

Сан /санк/ санка — «большой одинокий камень», ягн., ср.: Кара-Сан, Сан-Таш.

Сар — «верхняя часть», ягн., тадж., ср.: Сумсар.

Селик — «русло селевого потока», ягн., тадж., ср.: Селик, фр., мест., Салык-Булак, чатк., нп., р.

Тагоб — «боковое ущелье», тадж., ср.: Тагап, ляйк., нп.

Так/така — «низ», ягн., тадж., ср.: Чартак, лр., нп., Вахум-Чартак, лр., нп.

Хавз — «водоем со стоячей водой», тадж., ср.: Гаузен, фр., г., мест.

Хан — «ручей», ягн., ср.: Апкан (<Оби хан), батк., нп., Канызак (<Хани зак), фр., нп., р.

Хон — «летовка», ягн., ср.: Кан-Жайлоо, жжол., лет., Жыл-Кон, ал., г.

Чор — «узкое ущелье», ягн., ср.: Чартак, лр., нп., Вахум-Чартак, лр., нп., Чарку-Лейлек (<Чори кух лайлак), ляйк., нп.

Чил — «сорок» тадж., ср.: Чили-Сай, ноок., нп., ущ., Чил-Устун, ар., пещера, Чачма-Чылдон, ноок., нп., р.

Чу/чубар — «ручей», «канал», тадж., ср.: Чуянги, ляйк., нп., Ковсубар, батк., нп.

Шах — «крупная скала», ягн., тадж., ср.: Шахмардан, фр., нп. (территория Шахмардан принадлежит Узб. ССР, находится во Фрунзенском районе Ошской области), Шахдар, фр., мест., Шакаптар (<Шахи об дор), алб., нп.

Шарра — «водопад», ягн., тадж., ср.: Шаран, ар., р., Шаран, лр., р., пер.

Иранские (по структуре) топонимы Южной Киргизии не поддающиеся расшифровке при современном состоянии языкознания

В составе топонимии Южной Киргизии встречаются географические названия, значение которых не поддается расшифровке при современном состоянии киргизского языкознания. Но компоненты и структура этих топонимов наводят на мысль об их иранском происхождении. Таковы топонимы со следующими языковыми элементами:

кыш, куш: Кыштут, Чакуш, Куш, Маркуш, Кишемиш, Балакыш;

сым, сум, чум, чун, чым: Сымап, Сумсар, Чумгут, Чунген, Чымгент, Калта-Шыман;

да: Дашир;

лан: Лаглан;

аз, оз, оз: Азван, Озген, Озгур;

ис, ас: Испара, Исфана, Избаскент, Исфайрам; Аспара;

фан: Исфан, Исфан-Жайлоо, Исфана;

файрам: Исфайрам, Лефайрам;

ле: Лефайрам и т. д.

Сюда же можно отнести и топонимы: Далбак, Ормузан, Зымыран, Зымырак, Хамчан, Чокет, Чаңгет, Андарах, Гурдуй, Дугман, Шудман, Лембур, Пум, Пскем, Вуадил, Баул, Пуат, Матча, Малмут, Маляран, Масы и другие.

В основе иранского слоя топонимии Южной Киргизии лежат согдийско-ягнобские и таджикские слова. Это прослеживается из лексических соответствий, лежащих в основе, с одной стороны, киргизских топонимов иранского происхождения, с другой — согдийских, ягнобских, таджикских топонимов и слов. В топонимии Южной Киргизии и Таджикистана имеются топонимические параллели (несколько примеров показано выше), свидетельствующие об иранском происхождении киргизских топонимов. Кроме того, прослеживаются фонетические, морфологические, синтаксические особенности, не характерные для киргизского языка. Например, в топонимах Тагап, Аппшир, Апкан, Вахум, Вуадил, Шахмардан, Ташты-Калан, Дашты-Бала и других слова никогда не оканчиваются на звук *б* в киргизском языке, тогда как в таджикском языке это допускается: тагоб — Тагап, обшир — Аппшир, оби кон — Апкан; в начале слова (в исконно киргизских словах по сравнению с таджикскими) не употребляется звук *в*, например: векхун — Вахум; Ташты-Калан — в киргизском языке этот топоним принял иной облик, в таджикском языке он должен быть в форме Дашти калон: в значении и структуре киргизский топоним обнаруживает таджикское происхождение.

Исторически иранские топонимы, несомненно, древнее других географических названий Южной Киргизии. Об этом можно судить по южнокиргизской топонимии, имеющей много согдийских и новосогдийских (ягнобских) заимствований в своем составе. Как известно, согдийцев считают одними из древних аборигенов Средней Азии, в том числе Ферганской долины. Кроме того, имеющиеся таджикские топонимы также достаточно древни, поскольку таджики известны, как древние жители Ферганы. Во всяком случае с древнейших времен на территории Южной Киргизии звучала иранская речь. В частности, в «Истории Киргизской ССР» относительно Южной Киргизии отмечено, что «в пехлевийском тексте это государство называется Паркана, ... В III—I вв. до н. э. Фергана представляла собой самостоятельное государственное объединение. Окруженная со всех сторон горами, она занимала несколько обособленное положение среди государств Средней Азии. Это была страна высокоразвитой зем-

леделческой и городской культуры... Говорили на языке, об- щем для оседлых среднеазиатских племен (он был, по-види- мому, близок к согдийскому или другим восточно-иранским языкам» [77, 89].

Таким образом, иранский пласт топонимии Южной Кир- гизии хронологически более ранний, чем остальные слои. И исторические и топонимические материалы свидетельствуют об их древности.

ТЮРКСКИЙ ПЛАСТ

Тюркский пласт — основная часть топонимии Южной Кир- гизии. Он представлен киргизскими, южносибирскими и уй- гурско-узбекскими географическими названиями. Преоблада- ющими в нем, несомненно, являются географические назва- ния самих киргизов. Киргизский подпласт состоит из групп названий древнетюркского (древне- и среднекиргизского)¹ и современного периодов развития киргизского языка. Южно- сибирский подпласт — это топонимы, объяснения которым находим в тюркских языках Южной Сибири, прежде всего в алтайском и тувинском. Другую небольшую по численности группу составляют географические названия уйгурского и особенно узбекского происхождения. Кроме того, иногда то- поним объясняется на базе казахского языка, напр., *Чаткал*, ср.: каз. *шаткал* — «каменистая возвышенность, изрезанная многочисленными глубокими ущельями», «узкое ущелье»; *Татыр*, *Дөбө-Татыр*, *Ак-Татыр*, ср.: каз. *татыр* — «солончак, солончаковая местность» и др.

Тюркский пласт топонимии Южной Киргизии делится на четыре подслоя. Исторически они возникли в следующей пос- ледовательности: древнетюркский (древне- и среднекиргиз- ский); киргизский; южносибирский (алтайский, тувинский); уйгурско-узбекский.

Древнетюркский (древне- и среднекиргизский) подслой

Трудности решения вопросов относительной принадлеж- ности киргизских топонимов к древнетюркскому (древне- и среднекиргизскому) подслою объясняются прежде всего ма- лоизученностью исторической грамматики киргизского языка в целом и исторической лексикологии (в том числе киргиз-

¹ Древне- и среднекиргизский подслой назван в данной работе ус- ловно, так как выявленные сведения трудно отнести к какому-либо кон- кретному тюркскому, даже к киргизскому языку, несмотря на то, что современными носителями их являются киргизы. Вероятнее всего, эти названия восходят к языкам тюркских племен, живших там или эмиг- рировавших на территорию Южной Киргизии.

ской топонимики) в частности. В связи с этим мы ограничи- ваемся некоторыми результатами, которые были получены путем сравнения киргизских географических названий с язы- ковыми элементами древних тюркских языков, отраженных в «Древнетюркском словаре» [59] и современных.

В качестве примера приведем следующие названия древ- не- и среднекиргизского подслоя, сохранившиеся в составе то- понимии Южной Киргизии.

Агач-Арт, ал., пер. Слова *агач* и *арт* понятны не всем кир- гизам. По данным проф. К. М. Мусаева, *агач* является наи- более древним словом для обозначения растущего дерева. Он пишет, что «слово *агач* имеется во всех тюркских языках, поэтому оно выступает как общетюркское, вместе с тем раз- личается по семантике в разных ареалах» [144, 167]. Этимологию слова *агач* приводит в своем словаре Э. В. Севор- тьян [172, 71—73]. Слово *агач* в значении «растущее дерево» употребляется в киргизском языке лишь в лаялякском говоре [133, 14]. В топониме *Агач-Арт* оно является сохранившейся древнетюркской формой современного киргизского *жыгач*. Компонент *арт* — также древнетюркская форма, дошедшая до нас в составе отдельных топонимов (*Кыз-Арт*, *Эшек-Арт*, *Көк-Арт*, *Торугарт* и др.) и в говоре киргизов Памира [133, 123]. Изложенные данные помогают раскрыть значение то- понима *Агач-Арт*. Возможны два его значения: либо «пере- вал, где много агачей», либо «перевал, где растет агач» (в данном случае одно или несколько деревьев). Поскольку пе- ревалы в Памиро-Алайских горах безлесные, можно утверж- дать, что истинно последнее значение, и отличительным (на- зывательным) признаком таких перевалов могли быть одни или несколько *агач'ей*.

Ак-Богуз, сов., р., ущ., устье. Река *Ак-Богуз* является пра- вым притоком р. *Тар*. Местность, где сливаются реки *Тар* и *Ак-Богуз*, называется *Ак-Богуз чаты* — «устье р. *Ак-Богуз*». В основе второго компонента топонима лежит древнетюрк- ское *богаз*, *богуз* — буквально «горло», «глотка» [59, 109, 110], топонимическое значение которого — проход в горах, проток, пролив [141, 129, 134]. Этот топонимический термин- метафора употребляется в топонимии ряда тюркских языков, напр., в узб. *богуз* — «пролив», «горловина», кирг. *богаз*, *богоз* — «ложбина», «место, где сходятся две или несколь- ко ложбин» [216, 137; 133, 359] и др. Слово *богаз*, *богоз* не имеет широкого распространения в киргизском языке. В сло- варе К. К. Юдахина оно отмечено как южнокиргизское, но и в южном диалекте сфера его употребления ограничена: сло- во встречается лишь в говорах киргизов Таджикистана [133, 123].

Таким образом, Ак-Богуз — ущелье, проход или козбуна с белыми камнями¹.

Арт. Топонимический термин *арт* как название самостоятельно в Киргизии не встречается. Он всегда является вторым компонентом в топониме-компоните. Напр., Кум-Арт, чатк., пер.; Кыз-Арт, токт., пер., р.; Көк-Арт, суз., пер., мест.; Эшек-Арт, алк., пер., мест.; Агач-Арт, ал., пер.; Кайың-Арт, Кызыл-Арт, алк., пер. и другие. Топонимы с указанным компонентом также широко представлены в районах Памира, где живут киргизы: Айык-Арт, Кара-Арт, Улуг-Арт, Көк-Арт (пер.) и др.

Ныне слово *арт* сохранилось в киргизском языке только в географических названиях. По данным О. Т. Молчановой, «в составе географических наименований термин не получил широкого распространения в горном Алтае, хотя в речи населения встречается во всех диалектах, имея значение «углубление между горами, невысокий перевал» (ип. Балыкту-юл); «*арт* гораздо меньше *ажу* и по высоте и по ширине; *арт* можно переезжать каждый день и йаламы здесь нет, а на *ажу* есть (ип. Теленгит Сары-Токой)» [129, 115]. Термин *арт* в значении «перевал» употребляется только в современных тувинском, шорском и алтайском языках, в остальных тюркских языках оно имеет другие значения: кирг., азерб., башк., ккалп., ног. *арт/ард* — «зад, задняя часть, спина»; кирг., хак. *арт* — «перекидывать что-либо, навьючить, нагружать»; шор., тув. *арт* — «перевал»; др.-тюрк. *арт* — «горный перевал».

Как видно из этих сопоставлений, топоним *арт* сохранилась в составе алтайских и киргизских топонимов и как топонимический термин ныне употребляется в тувинском, шорском языках. Судя по данным Махмуда Кашгарского *арт*, по-видимому, был распространен в древних тюркских языках Средней Азии. Исходным пунктом его распространения, вероятно, была Южная Сибирь².

Южнокиргизские географические названия с компонентом *арт* имеют следующие значения: *Кош-Арт* — «двойной перевал», *Кыз-Арт* — буквально «девичий перевал». Последний топоним неоднократно встречается в разных районах Киргизии и вполне вероятно, что происхождение компонента *кыз* связано с этнонимом *огуз*, являясь результатом эллипсиса в киргизских топонимах. *Көк-Арт* — дословно «синий перевал»;

Кызыл-Арт — «красный перевал» (это связано с цветом почвы, щебня, песков на данных перевалах); *Агач-Арт* — буквально «деревья+перевал»; *Кайың-Арт* — «береза+перевал» — обычно перевалы киргизских гор бывают каменистыми или покрываются травой, данные топонимы составляют исключение. По-видимому, на этих перевалах росли деревья, в частности береза, что и послужило признаком такого их названия в отличие от других.

Жылкол, сов., небольшая долина, ип. Местные жители связывают топоним со словами *жыл* — «год» и *кол* — «рука». Это народная этимология. *Жыл-Кол* восходит к древнетюркскому языку. Ср. с др.-тюрк. *йул* — «источник», «ручей», *йулак* — «ручей», «поток» [59, 277—278] и *кол* — «долина»¹ [59, 453]. Эти слова и по форме, и по значению объясняют происхождение наименования. *Жыл-Кол* — долина, где много родников, источников. Заметим, что древнетюркские слова *йул*, *йулак*, *кол* не исчезли бесследно из тюркских языков, например, кирг. *жылга* — «ложе ручья», башк. *йылга* — «река», тат. *елга* — «река», ног. *йылга* — «река»; тюрк.-монг. *кол* — «река», «горная долина» (в Киргизии есть многочисленные топонимы на *кол*: Таркол, Каракол, Узункол и др.). Этимологически др.-тюрк. *йул* близко к тунг.-маньчж. *жу* «родник» [177, 255]. С названием *Жылкол* ср. также *Жуул-Кыр*, узг., пер., *Жыл-Куу*, лаяк., пик.

Жыл-Куу, лаяк., небольшая долина, пик. Первый компонент топонима *жыл* восходит к древнетюркскому *йул* — «источник», «родник» [59, 277]. Компонент *куу* — киргизская адаптация таджикского *кух* — «гора» [181, 200]. *Жыл-Куу* — родниковая гора или гора, где есть источники. Ср. с *Жыл-Кол*.

Карагуз, сов., ложб., ип. Есть основания полагать, что второй компонент — *гуз* образован от др.-тюрк. *куз* — «часть горы, не освещаемая солнцем»; *куз таг* — «гора, не освещаемая солнцем» [59, 475]. Действительно, зимой, когда дни короткие, многие изгибы, складки, склоны гор, глубокие ложбины не освещаются солнцем, а если и освещаются, то на несколько часов меньше, чем другие близлежащие места². Это имело важное значение для скотовода-кочевника в прошлом — и послужило основным признаком, по которому дано название. Компонент *кара* — «не покрытое снегом место в горах» [216, 346] — употребляется в южном диалекте киргиз-

¹ В ущелье и в его устье, где сливаются реки Тар и Ак-Богуз, имеются камни и скалы беловатого цвета, чем можно объяснить определяющее слово *ак* — «белый» в составе топонима.

² Ср. точку зрения В. А. Никонова [151, 100—102] и С. У. Умурзакова [151, 56].

¹ По мнению С. Кудайбергенова, *кол* — в составе киргизских топонимов — монгольского происхождения [112, 41—42].

² По сведениям Султанова Айдара — старожилы Карагуза.

ского языка. Таким образом, *Карагуз* — частично не освещаемое солнцем, не покрытое снегом место, ложбина в горах. К др.-тюрк. *куз* близки по значению слова *хууш*, *куз* в монгольском и казахском языках, ср.: *хууш* — «место, где солнце поздно появляется и рано заходит» [131, 580]; *куз* — «утес», «скала» [81, 470]. Ср.: также *Жалаң-Куз*, лаяк., пер.

Кара-Чукур, алк., лет., пер. В киргизском языке, буквально «черная впадина, углубление». Но это совсем не соответствует рельефу названного объекта, так как там нет впадины, которая могла бы служить признаком для называния. Наоборот, летовка, перевал, называемый *Кара-Чукуром*, характеризуется куполообразной огромной горой, сплошь покрытой горами камней (*корум*, *шагыл*). Несколько ниже, на правой стороне каменного пика, имеется перевал с этим же названием, связывающий горные долины Узун-Айрык и Терек в их верховьях. Первоначально, вероятно, был назван перевал. Это подтверждается наличием древнетюркского названия Кара-Шыкур, что было зафиксировано в Подкуниинской рунической надписи, найденной на берегу р. Енисей в 25—27 км от г. Минусинска. Древнетюркское название Кара-Шыкур переведено Э. Р. Рыгдылоном как «черный перевал» [165, 60]. Мы склонны считать киргизский топоним Кара-Чукур тождественным древнетюркскому названию Кара-Шыкур. Если верен перевод Э. Р. Рыгдылона, то это значение несомненно подтверждается значением киргизского оронима.

Кой-Булак, *Сары-Кой*, ал., р., пер., родн. В этих топонимах представляет интерес компонент *кой*, так как по значению он не сочетается со словами *булак*, *сары*. Справедливо мнение Д. Исаева о том, что «кой» — в современных тюркских языках употребляется только в форме *койун*, *коюн*, *койын* (основное значение «пазуха»). Однако в географических названиях оно означает «лог, горную ложбину, узкую горную долину, продолговатую впадину между двумя возвышенностями» [74, 12]. Слово *кой* — «дно долины» давно известно в тюркских языках [59, 453; 124, 156]. Оно, как отмечено в работе Д. Исаева, употребляется в различных вариантах в казахском, каракалпакском, киргизском языках, например: каз. *койын* — «небольшой, защищенный от ветра залив, бухта»; «небольшая долина в горах» [100, 22]; ккалп. *койнау* — «лощина», «ложбина» [82, 396]; кирг. *тоо койну* — буквально «в горах», *койнот* — «овраг», «лог» [216, 394].

Таким образом, *кой* является реликтовым древнетюркским словом, сохранившимся в составе киргизских топонимов, в том числе южнокиргизских наименований *Кой-Булак*, *Сары-Кой*. *Кой-Булак* означало «родник в горной долине», а *Сары-Кой* (букв. «желтая горная долина, ложбина») — вероят-

но, «большая горная долина, ложбина»¹ или «верхняя ложбина» [43, 13].

Көк-Жаңгак, суз., г., впадина, гор. Местная форма топонима *Көк-Жаңак* — буквально «зеленый орех». По нашему мнению, *Көк-Жаңак* — это древнетюркское название, значение которого местные киргизы связывают со словами *көк* — «зеленый» и *жаңак/жаңгак* — «орех»². В действительности в основе топонима лежат слова *көк*, *жаңак/жаңгак* — соответственно «зеленый», «синий»³ и «сторона» — «зеленая сторона горы», «зеленый склон». Это объясняется следующими фактами. В ряде древнетюркских письменных памятников встречается слово *йаңак* (с вариантами *йаңгак*, *жаңак*, *йыңак*, *йак*) «сторона», «направление» [59, 233, 237, 267, 641], которое и лежит в основе второго компонента разбираемого названия. Компонент *көк*, который является определяющим словом определяемого *йаңак* — «сторона», обозначает цвета поверхности горного склона — от зеленых трав, кустарниковых растений. Древнетюркское значение также подтверждается из сравнений лежащих противоположно друг другу холмов, гор, разделяемых долиной *Көк-Арт*. Во все времена года, кроме зимы, правая сторона длинных цепей холмов и гор от долины *Көк-Арт* остается зеленой, в то время как противоположная солнечная сторона без растительности. У обеих горных цепей нет названия. Только за маленькой впадиной закрепилось название *Көк-Жаңак*, которым был впоследствии назван город шахтеров.

В основе топонима лежит, возможно, и другое древнетюркское слово. Ср.: *йаңрак* — «складка», «изгиб горы» [59, 234] и *Көк-Жаңак* — местность, которая носит это название, в действительности является складкой, изгибом горы.

Кыпчакей, сов., р., ложб., мест. В основе топонима лежит древнетюркское слово *капча* — «место слияния реки с притоком» [59, 420]. Местность, называемая *Кыпчакей*, находится при впадении правого притока, несущего это же название, в реку *Терек*, которая, слившись с р. *Көк-Арт*, составляет р. *Тар*. *-кей* является топорформантом, так как этот формант сохранился только в нескольких географических терминах и топонимах: *куңгөй* — «солнечная сторона», *тескей* (по-казахски *терискей*) — «тенивая, северная сторона», *беткей* —

¹ Например, ср.: *сары карын* — «большой живот», *сары жол* — «большая дорога», *сары талаа* — «просторная степь» и др. [74, 14—15].

² «Көк-Янгак» — зеленый орех — так звучит название шахтерского города. Когда-то в самом Кок-Янгаке и вокруг него, как утверждают старожилов, буйно росли могучие деревья грецкого ореха». — См.: Рнм ов В. Решили оправдать название. — Советская Киргизия, 1973, 17 апреля.

³ «Көк» (о растениях) — зеленый, незрелый, зеленая трава [216, 418].

«склон горы», Кыпчакей, Тескей-Ала-Тоо, Күңгөй-Ала-Тоо. Чередования звуков *а/ы* в первом слогe (как это наблюдается в *капчак/кыпчакей*) лишний раз подтверждают наше предположение, ср., напр., ташта/тышта, чакыр/чыкыр и др.

Муздак, алб., пик. Название образовано от древнетюркского *муз* — «лед» + *даг* — «гора» — форма, не характерная для киргизского языка.

Сузак, суз., пос., по нему называется район в Ошской области. В прошлом употреблялась форма *Созок*. Впрочем, старожилы произносят как *Созок* и в настоящее время.

Ареал топонима *Сузак* довольно обширен. Он встречается в различных вариантах на территории Казахстана (*Созак*, пос., район в Чимкентской области [98, 196], Туркменистана (нп. *Созок*, *Сузак*¹). В этих вариантах отмечается одна основа.

Относительно названия *Созак* мнения казахских топонимистов А. Абдрахманова и Е. Койчубаева разделились. А. Абдрахманов считает топоним *Созак* древним этнотопонимом. «В свете последних исследований, — пишет он, — нет никакого сомнения в этнической связи саков и казахов, каракалпаков и др. Название так называемых апасиakov (водных саков) сохранено в топониме *Созак* (су+сак—водный сак). По исследованию С. И. Толстова, наиболее ранними предками каракалпаков являются племена Приаралья (массагеты болот и островов греческих авторов), в том числе предшественники печенегов, апасиaki. В связи с этим необходимо обратить внимание на тот поразительный факт, что в самых популярных родословных казахов указывается на родственность казахов и созака (они братья), и притом от созака производят каракалпаков! ...этнотопоним *Созак* является тюркским вариантом апасиakov (водных саков)» [5, 188]. Другого мнения об основе топонима *Созак* Е. Койчубаев: «*Созак*—пос., по нему и район в Чимкентской области. От древнетюркского „поселение“ (вероятно, оседлое). Буквально „поселок“» [98, 196].

Точка зрения А. Абдрахманова, хотя и представляет наибольший интерес, вызывает сомнение. На наш взгляд, трудно предположить, что *Созак* — полукалькированное тюркское название от этнонима апасиак (водных саков).

В древнетюркском языке (X в., памятник «Алтун Яруг») встречается слово *созак*² (*азу созактарта* «или в поселениях») — «поселение» [59, 509], которое и сохранилось как то-

поним. Не отрицая мнения Е. Койчубаева об основе топонима *Сузак*, мы предлагаем другое возможное толкование.

В Джанги-Джольском районе Ошской области употребляется слово *созок*, означающее долину, нижняя часть которой ровная и обширная, а верхняя, наоборот, узкая, или вообще долину между двух гор, холмов. Кроме того, слово *сусак* в значении «сопка», «холм» употребительно в башкирском языке [109, 121; 159, 278]. Семантика киргизского топонима *Сузак* (<*Созок*) идентична указанным значениям киргизского и башкирского слов *созок*, *сусак*, причем оба отражают географические признаки называемого объекта.

Сунганды, ал., нп. Топоним восходит к древнетюркскому *сынчган* (бот.) — «лиций» [59, 504]. Аффикс *-ды* указывает на изобилие *сунгана*. Этого слова в киргизском языке нет.

Тамга, иск., нп. В основе топонима лежит древнетюркское *тамга* — «рукав», «приток реки»; «небольшая речка», «ручей, залив» [59, 530]. В действительности *Тамга* — один из больших заливов озера Иссык-Куль, в который впадает одноименная речушка. В данном случае древнетюркский географический термин сохранился лишь как топоним.

Таркол, алк., уроч. Образовано от кирг. *тар* — «тесный», «узкий» [216, 706] и др.-тюрк. *кол* — «долина» [59, 453]. *Таркол* — «узкая долина, урочище». Такое объяснение хорошо подтверждается рельефом местности.

Татыр, сов., мест., *Ак-Татыр*, батк., мест., нп., *Дөбө-Татыр*, нарын., мест. Ш. Жапаров пишет, что топоним *Ак-Татыр* происходит от названия травы *татыр* [62, 15]. Это же слово было зафиксировано в форме *татыраң* (растение из семейства вязовых) [216, 359]. Но мы склонны видеть в основе данного топонима и в других географических названиях с компонентом *татыр* тюркский местный термин *татыр* [*тактыр*]/*какыр*. *Татыр*, *тактыр* как географический термин широко распространен в Средней Азии, на Алтае и участвует также в топонимообразовании, напр., урочище *Татыр* в Казахстане [98, 213], *Татыр*, *Ак-Татыр*, *Дөбө-Татыр* и другие в Киргизии. Термин *татыр* известен со времен Махмуда Кашгарского: *татыр йер* — «ровное глинистое место, лишенное растительности» [59, 542]. В такой же форме он употребляется и в казахском языке: *татыр* — «солончак», «солончаковая местность» [81, 337]. По мнению М. Гельдыханова, общетюркский термин *тактыр* — «гладкая твердая голая глинистая поверхность» — является современной формой древнего *татыр* [49, 15]. В этом плане интересно сравнить *татыр*, *тактыр*, *какыр*, где находим звуковые соответствия *т/к* в анлауте и в инлауте. Причем все эти слова имеют одинаковое значение («место, лишенное растительности», «солончак») в тюркских

¹ Кербабаяев Б. Небит-Даг.—М., 1972, с. 26.

² По мнению Е. Койчубаева, именно это слово лежит в основе топонима.

языках. Переход звука *к* в *т* зафиксирован в чувашском, сарыкском диалекте туркменского языка. Ср.: чуваш. *тин/тат. кин* — «сохнуть», чуваш. *тузэ/тат. кусэ* — «безбородый» [115, 12]. А. М. Щербак считает чередование звуков *к/т* более поздним явлением в чувашском и туркменском языках. Он пишет, что чувашские слова с начальной *т* могут быть отнесены к числу заимствований из татарского языка [212, 168]. Чувашское *т* в начале слова, возможно, древнее, чем *к* в татарском, киргизском, казахском языках. Ср.: др.-тюрк., каз., кирг. *татыр* и общетюрк. *такыр, какыр*.

Следовательно, киргизские названия образованы от тюркского географического термина *татыр*, восходящего к эпохе Махмуда Кашгарского, и означают «место, лишенное растительности» (такое объяснение подтверждается характером местности Татыр в Советском районе), «солончак», «солончаковая местность».

Тес-Куңгөй, суз., нп.; *Терс*, чатк., мест., р.; *Терс-Жайлоо*, токт., лет., пер.; *Терс-Жылга*, сов., р.; *Терс-Суу*, сов., р.; *Терс-Агар-Суу*, ал., р. В указанных географических названиях представляют интерес компоненты *тес*, *терс*. В киргизском языке слово *тес* самостоятельно не употребляется и в такой сокращенной форме встречается лишь в составе слова *тескей* — «тенивая сторона», тогда как *терс* встречается в ряде тюркских языков: кирг. *терс/терис* — «наоборот», «навыорот» [216, 728—729]; алт. *терс* — «наоборот», «навыорот», «противоположный»; [150, 148]; каз. *терис* — «неправильный», «наоборот» [81, 343]; узб. *терс* — «противоположная сторона» [191, 426]. Значения компонентов *тес* и *терс* в киргизских географических названиях и термина, легшего в основу данных названий, требуют некоторых уточнений, так как их значения не тождественны.

Тес-Куңгөй — такой же ороним встречается в долине Алай-Куу. Как было указано, форма *тес* отмечается в составе слова *тескей* и в названиях *Тес-Куңгөй*. Слова *тескей* и *куңгөй* — антонимы, обозначающие соответственно «несолнечную, теневую сторону северного склона горы» [216, 729], *терскей* — «обращенный на север», «несолнечный» [191, 426], *терискей* — «северная сторона» [81, 343] и «солнечную сторону южного склона горы» [216, 467], *куңгай* — «солнечный, обращенный к солнцу» [191, 223], *кунгей* — «солнечная сторона» [81, 220].

Название *Тес-Куңгөй* образовано от *тес* (<*тескей*) + *куңгөй*. Следовательно, дословно оно означает «несолнечную, теневую сторону» + «солнечную сторону». Нам представляется, что *Тес-Куңгөй* — реликт того далекого времени, когда мышление людей было еще примитивным. Для обозначения не-

солнечной, теневой стороны, вероятно, употреблялось словосложение *тескей-куңгөй* — «тенивая сторона напротив кунгея», т. е. «солнечная сторона». В названии *Терс-Жайлоо*, наоборот, сохранилось другое значение слова *тескей/терскей* — «северный склон горы». Отсюда следует, что *Терс-Жайлоо* — «летовка на северном склоне горы». Таким образом, компоненты *тес*, *терс* в этих названиях являются усеченной формой географического термина *тескей, терскей*. Вероятно, киргизское *тескей* появилось в результате усечения от *терскей-куңгөй*.

Что касается гидронимов *Терс, Терс-Жылга, Терс-Суу, Терс-Агар-Суу*, то они состоят из компонентов *терс* — «неправильный», «противоположный» и *жылга*¹, *агар суу*, (*суу* — «река») и означают «реки, текущие в противоположную сторону». Такие же гидронимические названия зафиксированы в составе казахской топонимии, напр., *Терсаккан, Терсайрык* [98, 217].

Толук, токт., нп., р.; *Торук*, алб., мест.; *Торук-Сай*, алб., нп.; *Турук-Сай*, сов., р. Исходя из положения о том, что имена получают лишь те части и зоны пространства — времени, которые могут быть восприняты предметно [179, 102], мы утверждаем, что указанные киргизские названия образованы от древнетюркского *турук* — «жилище», «стоянка», «пастбище» [59, 588]. Ламдаизм (*толук*) и ротаизм (*торук, турук*) объясняются древнетюркским чередованием *р/л* [27, 115], а чередования звуков *о/у* — допустимое явление, напр., кирг. лит. *топурак/южн. турпак* — «земля», «глина»; кирг. лит. *томолок/южн. тумалак* — «круглый», «шар».

Чаткал, чатк., дол., р., нп. Известны в основном два совершенно различных толкования значения топонима. Х. Х. Хасанов, ссылаясь на словарь Шайх Сулаймана Бухарий, пишет, что *чаткол* означает «неровную местность, теснину, высокий перевал», и этот местный термин лег в основу топонима Чаткал, который хорошо отражает географию места [207, 56]. Г. К. Конкашпаев возводит Чаткал к казахскому географическому термину *чаткал, шаткал*, имеющему значение «каменистая возвышенность, изрезанная многочисленными глубокими ущельями» [100, 40]. Другое мнение о значении топонима Чаткал было высказано М. С. Андреевым. Он пишет, что «Чаткал в дарвазских говорах — береза, которой много в долине этой реки» [11, 154]. Этого же мнения придержи-

¹ *Жылга* — в значении «ручей», «ручеек», ср.: каз. *жылга* — «ручей», «ручеек» [81, 183], а не в значении «ложе ручья», «ложбина», «балка» в киргизском языке [216, 279].

вается узбекский топонимист С. К. Караев [84, 135]. Э. М. Мурзаев в своей книге ссылается на мнения М. С. Андреева и Г. К. Конкашпаева о топониме Чаткал [136, 257].

Топоним образован от слова *чаткал* — «впадина между двух гор» [216, 851], восходящего, возможно, к древнекиргизскому периоду. Собственно слово *чаткал* с указанным значением не сохранилось в киргизском языке, но оно часто встречается в эпосе, где при помощи эпитета *чаткаягы чаткалдай* [«у богатырского коня промежуток между задними ногами (чаткаяк) подобен впадине между двух гор»] [216, 851] воспеваются богатырские кони. Киргизское слово *чаткал* и по формальным признакам, и по семантике близко к словам *чаткал*, *шаткал*, зафиксированным в словаре Бухария и в казахском языке. Кроме того, киргизский топоним не является единственным, такие географические названия встречаются в Казахстане.

Чаткальская долина расположена между двух вершин Ферганского хребта, что вполне созвучно со значением древнекиргизского географического термина *чаткал*.

Мнение М. С. Андреева об этимологии слова *чаткал*, подержанное С. Караевым, нам представляется маловероятным. Во-первых, название *Чаткал* распространено на обширной территории с тюркоязычным населением, во-вторых, образование топонима от названия березы малоубедительно. В Киргизии на берегу многих рек растут березы, которые если и служат признаком названия, то не в чистой форме, а с формальными элементами или в сочетании с географическими терминами, напр., *Кайыңды*, *Кайың-Талаа*, *Кайыңды-Булак*, *Кайың-Суу*, *Кайың-Өтөк*.

Чогон, ар., нп. Ср.: кирг. *согон* — «дикий лук» [216, 649], также топоним *Согонду* в Алайском районе. Наблюдается соответствие *с/ч* в анлауте, как, напр., узб. *сачтарах*/кирг. *чачтарах* — «парикмахер», кирг. *сагыз/чакыз* — «сера (жевательная)»; *сыз/чыз* — «черти», *сөз/чөз* — «слово» и т. д. *Чогон*, *Согонду* — «места, где растет согон».

Эгизек, ал., нп. Топоним восходит к древнетюркским *егиз*, *едиз* «высота», «высокое место» [59, 163, 165] *-ек*, аффикс уменьшительности [59, 650]. Этот аффикс встречается в словах *кыргыек*, *коделек*, *коёнек* в киргизском языке [113, 29, 95]. *Эгизек* — «невысокое место».

Яссы (местное произношение *Жасы*, *Жаасы*¹), узг., равн., степь, пер., р., существует также совхоз «Яссы». Название

¹ Мурдаа күнү Жаасынын башынан атышкан имиш. Кечээ дагы атышптыр, ошол кечеге атыштан бери басмачылардын артынан кууп жүрсө керек. См.: Жантөшев К. Тандалган чыгармаларынын жыйнагы, т. 3.—Фрунзе, 1972, с. 31.

происходит от др.-тюрк. *йазы*—«степь», «равнина» [59, 251]. В современных тюркских языках оно звучит так: кирг. *жазы*; каз., ккалп. *жазык*; тат. *ясы*; башк. *ясы* — «обширный», «просторный»; узб. *ясси* — «плоский» и др. Это слово употребляется как компонент в топонимах Киргизии: *Жазы-Сай*, р., *Жазы-Токой*, мест., *Жазы-Бел*, пер., *Асы*, мест.; Средней Азии: *Яссы*, нп., близ г. Туркестан в Казахстане [207, 78]; *Ясыдепе*, нп., с/совет в Чарджоуском районе Туркменистана [190, 31]; нп. *Язи-Яван*, *Акъези*, *Язтепе* в Ферганской области Узбекистана [52, 179] и др.

Яссы является одним из названий местностей Киргизии, засвидетельствованных в арабо-персидских источниках. В формах *Язы*, *Яасы*, *Яасы* оно зафиксировано в работах средневековых авторов Ибн ал-Асира, Низам ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина Али Йезди, Абд ар-Раззака Самарканди, в сочинениях «Аноним Искандара», «Маджму ат-таварих» [122, 104, 203, 205].

В топониме сохранился нехарактерный для южного диалекта (кроме говоров жителей Ала-Букинского и Джанги-Джольского районов) звуковой переход *с/з*; *Жасы/Жаасы*, совр. кирг. *жазы*, а также первичная долгота: *Жаасы*. Кроме того, наблюдается семантическая дифференциация; ср.: в современных тюркских языках *жазы*, *йасы* употребляются в значении «обширный», «просторный», «плоский», тогда как в древнетюркском языке — «равнина», «степь».

Таким образом, *Яссы* — «равнина», «степь».

По предварительным данным, древне- и среднекиргизские географические названия представлены в киргизском языке следующими, совсем или частично устаревшими словами: *агач* (совр. кирг. *жыгач*) — «дерево»; *арт* (сохранилось в говоре киргизов Памира, совр. кирг. *артуу*, *ашуу* — «перевал»; *богуз* (сохранилось в говоре киргизов Таджикистана в форме *богаз*, *богос*) — «проход», «пролив», «ложбина», «место, где сходятся две или несколько ложбин»; *жыл* (возможна этимологическая связь со словом *жылга*) — «ложбина», «источник», «ручей»; *кол* — «долина»; *гуз* — «часть горы, не освещаемая солнцем»; *кой* — «лог», «ложбина»; *жаңак* — «сторона», «направление» или «изгиб горы»; *кыпчак* — «место слияния реки с притоком»; *даг* (древняя для киргизского языка форма, совр. *тоо*) — «гора»; *созок* — «поселение», «сопка», «холм»; *сунган* — (бот.) «лиций»; *тамга* — «рукав», «приток реки», «небольшая речка»; «ручей», «залив»; *чаткал* — «межгорная долина, впадина», «ущелье»; *эгиз*, *эгизек* — «высота», «возвышенность»; *жасы/ясы* (совр. кирг. *жазы*, общетюрк. *жазы*) — «равнина», «степь».

В области фонетики, хотя и редко, наблюдаются особен-

ности звукового строя древне- и среднекиргизского языка. Например, в некоторых географических названиях сохранилась так называемая первичная долгота (Жол-Бөөрүлүк, Бөөрүлүк, пам., мест.; Бөөрү-Көрвөс, батк., уроч.; Бөөрлүк-Ашув, батк., пер., мест.), а также звуки, характеризующие развитие вторичной долготы гласных в киргизском языке¹.

Примеры неразвитой формы среднеязычного звука *Ғ* в инлауте: Согон, Согонду, Чогон, Сөгөт, Кара-Сөгөт, Бөгөт, Сары-Сөгөт. Слова *согон*, *сөгөт*, ставшие основой указанных названий со значениями соответственно «дикий лук», «ива» или «тальник», встречаются в киргизском языке, но они малоупотребительны, их можно отнести к разряду устаревших.

Как известно, губные дифтонги типа *ов*, *ув*, *өв*, *үв* являются одной из ступеней развития и образования системы гласных в киргизском языке². Это тоже находит отражение в географических названиях Южной Киргизии. Примеры: Сувлуг-Голбо, лаяк., мест.; Тувра-Жылга, батк., мест., уроч.; Эдирек-көв, батк., мест.; названия летовок Ат-Жайлов, Дем-Жайлов, Көттө-Жайлов, Түнөк-Жайлов, Кан-Жайлов, Кызыл-Тов и многие другие.

Древнетюркский заднеязычный звук *Ғ*³ в топонимах Киргизии сохранился в ауслауте: Сарык-Могол (сарык<сарыг) ал., нп.; Курук-Сай (курук<куруг), батк., р., г.; Сарык-Токой, лаяк., мест., р.; Кичик-Карагатты, Кичик-Бешик, Кичик-Арал (кичик<кичиг), лаяк., мест., р.; Улуг-Арт, пам., пер.; Айык-Арт (айык<айыг), пам., пер.; Торугарт, алк., пер.; Кырк-Кечик, ал., мест. и др.

В географических названиях также сохранились некоторые особенности консонантизма древне- и среднекиргизского языка, представляющие определенный интерес при изучении истории звукового строя киргизского языка. Например, звуковой переход *р/л*: Толук/Торук, Торук-Сай; *м/б* (*н*): Миязды/кирг. лит. *пияз*, сев. *бийаз*; *с/ч*: Согон, Согонду/Чогон; *й/ж*: Иасы/Жасы (здесь же, вероятно, *с/з*); *д/т*: Муздак/даг, таг—«гора»; *р/й*: Арык-Төр/кирг. *аюу*, *айык*—«медведь».

В топонимии Южной Киргизии встречается ряд реликтовых морфологических форм, давно не употребляющихся в киргизском языке. Большинство из них было рассмотрено в работах Б. О. Орузбаевой [154, 71—91; 113, 93] и Д. Исаева [74, 19; 73, 57—60]. Весьма заслуживает внимания также мнение Е. Кой-

чубаева относительно интерпретации топонимических формантов типа *-ты*, *-ды*, *-лы* [97, 140—146]. О происхождении и развитии аффиксов *-лы*, *-лыг* (с вариантами) в тюркологии имеются различные точки зрения. Мнения всех исследователей сходятся на том, что эти аффиксы несомненно восходят к древнему периоду развития тюркских языков, в том числе и киргизского. Значительная плотность распространения древних топонимических формантов *-лы* (с вариантами *-ли*, *-лу*, *-лу*; *-ды*, *-ди*, *-ду*; *-ты*, *-тү*), *-лык* (с вариантами *-лук*, *-лик*; *-дук*; *-дык*; *-тык*; *-тик*) в Южной Киргизии позволяет еще раз утверждать, что они были весьма продуктивными в топонимическом образовании в древне- и среднем периодах образования топонимической системы Киргизии. Из древних аффиксов, сохранившихся в топонимии Южной Киргизии, отмечаем следующие:

-лы: Майлы-Суу, лр., р.; Майлы-Сай, лр., р., гор., Уларлы, узг., г.; Ыргайлы-Колот, узг., ложб., ур.; Арчалы, Карагайлы, токт., г., р.; Саймалы-Таш, лр., г.;

-ли: Кепели, алб., г.; Шилбили, сов., пер.; Шибели, ал., пер.; Текели, ал., алк., г.; Эчкили-Суу, узг., р., г.;

-лу: Жошолу, ал., нп.;

-лү: Бүлөлү, ал., нп., ур.;

-ты: Табылгыты, токт., пер.; Балыкты, токт., мест.; Ташты-Сай, токт., р.; Карагатты-Сай, батк., р.; Карагайты, алк., лет., мест.; Балыкты-Сай, узг., р.; Чабыкты, сов., угодия; Карагатты, алк., г., лет.; Шырыкты, узг., мест.;

-тү: Сүлүктү, лаяк., гор.; Өрүктү, ноок., нп.; Өрүктүнүн бели, батк., пер., р.;

-ды: Куранды, токт., г.; Жарды-Суу, чатк., р.; Талды-Булак, чатк., сов., узг., ал., ксуу., р., уроч.; Жубанды-Сай, чатк., р.; Жыланды-Сай, чатк., р.; Талды-Сай, чатк., р.; Чымынды-Сай, чатк., р.; Шамалды-Сай, лр., пгт., р.; Караганды, лр., р., мест.; Чалканды, лр., мест.; Кайыңды, сов., лет., р.; Балгынды, сов., мест., р.; Жалбызды, сов., мест.;

-ди: Четинди-Сай, алк., р.; Четинди, алб., пик; Эрменди, лр., мест.;

-ду: Корумду, токт., узг., сов., р., пер.; Борду, токт., р., мест.;

-дык (<*-лыг*) (с вариантами *-лук*, *-дык*, *-тук*): Такталык, токт., г., пер., р.; Алмалык, ноок., нп.; Будадык, ал., нп.; Талдык, ал., пер.; Булгандык, лр., нп.; Аюлук, ал., г.; Все вышеприведенные аффиксы *-лы*, *-ди*, *-лу*, *-ты*, *-тү*, *-ды*, *-ди*, *-ду*, *-лык*, *-лук*, *-дык*, *-тук* являются вариантами *-лы*, *-лык* и в указанных географических названиях восходят к древнетюркскому аффиксу *-ли*, означающему обладание чем-либо [59, 659];

¹ О путях развития вторичной долготы гласных в киргизском языке подробнее см. [220, § 32, 33; 64—79].

² См. об этом подробно, в [220, 107—109; 47, 61—62, 201, 203, 207, 210].

³ Нетипичное для современного киргизского языка явление, развитое в нем во вторичную долготу; см. об этом в [220, 110—111].

-лик (обозначающий принадлежность, отнесенность по исходной основе) [59, 656]: Жийделик, фр., нп. — «люди из Жийде»; Чекелик, фр., нп. — «люди из Чеке»; Кокондук, лр., нп. — «люди из Коканда»; Кең-Туулук, токт., нп. — «люди из Кен-Туулука»;

-ек: Эгизек, ал., нп. — «небольшая высота», «возвышенность» Ак-Төбөк, ляйк., мест., р. — «белый небольшой холм, сопка»; Дүкөнөк, ляйк., мест., р. — «смысл основы не ясен. Аффикс -ек со значением уменьшительности встречается в киргизском языке в словах *коёнек* — «зайчонок», *кыргыек* — «ястребок» [113, 95] и восходит к древнетюркскому -ак [59, 650].

В составе некоторых топонимов сохранился аффикс -лак¹ с вариантами -дак, -так, обладающий синонимичными показателями: Каргалак, ал., нп., — «место, изобилующее воронами, при *карга*—«ворона»; Ташлак, лр., нп.; Таштак, суз., нп. — «каменистый»; Төр-Жайлак, токт., г. — «горное пастбище». Вероятно, сюда можно отнести и следующие названия с неясными основами: Чалкылдак, ал., пер., мест.; Баркалак, ар., р.; Чайнак, батк., мест.; Тумак-Кенилак, ксуу., нп.; Кашкалдак, ноок., нп.

Киргизский подпласт

Киргизский подпласт — основная часть топонимии Южной Киргизии. В нем представлены разнообразные языковые элементы киргизского разговорного и литературного языка. Одной из характерных особенностей топонимии исследуемого региона в отличие от топонимии Северной Киргизии является отражение в географических названиях лингвистических элементов южного (по другой классификации юго-восточного и юго-западного) диалекта² киргизского языка.

В качестве примера можно привести следующие лексические факты: *агача* — «распадающаяся на две части река», «ложе ручья», «ложбина», «лог», «узкая долина»; *анна* — «глубокий большой яр»; *ачы* — «мутная, солоноватая вода»; *башат* — «родник, источник» (представляет интерес ареал этого гидронимического термина в Южной Киргизии — об этом см. *башат*); *гөңдү* — «чернозем»; *агыл* — «загон для скота»; *акур* — «ясли (для скота)»; и др. Кроме того, в некоторых географических именах встречаются слова, значения

¹ Подробнее об этом см. [116, 145—146].

² Классификация диалектов киргизского языка до последнего времени не нашла окончательного решения. Одни киргизоведы (К. К. Юдахин, И. А. Батманов, Э. Абдулдаев и др.) делят его на два диалекта: южный и северный, другие (Б. М. Юнусалиев, Дж. Мукамбаев, Г. Бакинова и др.) на три: северный, юго-восточный, юго-западный. См. подробнее [220].

которых непонятны в настоящее время. К таким топонимам относятся: *бөлөк* — «выделяющийся»; *буйга* — «ложбина на склоне горы», «укромное место в стороне от дороги»; *кары* — «старый»; *сеңир* — «мыс горы»; *сары* — «большой», «равнинный»; *татыр* — «место, лишенное растительности», «солончаковая местность»; *тес* — «тенивая несолнечная сторона», «противоположное направление»; *толук*, *торук* — «жилище», «пастбище», «стоянка»; *чук терек* — «густой тополь»; *шырык* — «ель» и др.

Все приведенные топонимы находят подтверждения в следующих географических наименованиях.

Агача, ляйк., лет., уш., р. В основе топонима лежит слово *агача* — «распадающаяся на две части река»; «ложе ручья», «ложбина»; «лог», «узкая долина», что зафиксировано в говоре киргизов Джерге-Тал [133, 14]. На наш взгляд, слово *агача*, лежащее в основе топонима *Агача*, имеет связь со словом *агачы* — «вода (букв. текущий)», употребляемым в речи женщин в алтайском языке [150, 12]. Если обратить внимание на сужение широкой гласной фонемы *a > y* в тюркских языках [47, 127—128] (кстати, оно, хотя и редко, встречается в киргизском языке: *азгана/азгына*, *акак/акык* [220, 88], то переход *a* в *y* в словах *агача*, *агачы* можно считать результатом такого сужения в алтайском и киргизском языках. Кроме того, слова *агача*, *агачы* и топонимы *Агача*, *Агачакол* в Южной Киргизии имеют семантику, общую для слов *агача*, *агачы* — «текущая вода», и связанных с ней таких топонимических понятий, как река, русло, ложе ручья, балка. *Агачакол*, сов., уш., лет., р. Топоним образован из слов: *агача* — «текущая вода», «ложе ручья», «горная долина» и *кол* (<тюрко-монгольская топонимическая, означающая «река», «русло реки», «речная долина»). См. *Агача*.

Ана-Кызыл (совр. с. Кеңеш), узг., нп. Ср.: *анна* — «глубокий, большой яр», встречается в ляйлякском говоре [133, 94]. Название *Ана-Кызыл* — «красный, большой яр», подтверждается существованием такого яра в действительности.

Ачы, суз., мест., нп. Местные жители объясняют значение топонима следующим образом: *бул жердин суусу ачы*, *аты да Ачы* «у этой местности вода мутная и солоноватая, т. е. ачы, название тоже Ачы». Этим именем названа болотистая местность с мутной, солоноватой водой [144, 155]. *Ачы* является усеченной древней формой общетюркского *ачык*, *ачуу* — «горький», которое сохранилось в говоре киргизов Сузакского района и нашло отражение в топониме *Ачы*. Переход *y/ы* имеет место в ряде тюркских языков, напр., ср. каз. *кору/кирг. кору* — «защита»; каз. *куры/кирг. куру* — «попусту»; каз. *торы/кирг. тору* — «гнедой» и др.

Башат. Этот гидронимический термин распространен в определенных районах Киргизии. По предварительным данным, в Южной Киргизии насчитывается 18 топонимов с компонентом *башат*, причем все названия составные: термин *башат* в них обычно составляет второй компонент. Напр., Там-Башат, нп., Ак-Башат, р. (ал.); Ак-Башат, Таш-Башат, Кызыл-Башат, нп., Ак-Башат, Кашка-Башат, пики, Кара-Башат-Сай, Кара-Башат, р. (жжол.); Ак-Башат, р. (токт); Беш-Башат, р. (алб.); Алча-Башат, Казган-Башат, Жар-Башат, нп., Ак-Башат, пик, Улар-Башат, р. (узг.); Шоро-Башат, Бел-Башат мест. (алк).

В словарях киргизского языка находим следующие толкования термина. *Башат* — *таштуу, кургак жердеги булак* — «источник, родник в каменистых сухих местах» [114, 93]; *башат* (или *таш башат*) — «родничок (вода которого впитывается землей недалеко от выхода)» [216, 120]. В некоторых районах Южной Киргизии *башат* выступает как синоним термина *булак* — «родник», «источник», напр., в Джанги-Джольском, Узгенском, Советском районах. Следовательно, значения *башат* различны в разных районах Киргизии. Топонимы с компонентом *башат*, как показывают наши наблюдения, распространены не во всех районах Южной Киргизии. Они зафиксированы в Алайском, Джанги-Джольском, Ала-Букинском, Токтогульском, Узгенском, Советском районах. В остальных районах (Кара-Суйском, Сузакском, Ленинском, Араванском, Наукатском, Фрунзенском, Баткенском, Ляйлякском) нами не обнаружены. Если судить по ареалу, то термин *башат* носит этнолингвистический характер; он встречается в районах, где население представлено неичкиликскими родами. В местах, где живут представители ичкиликов, *башат* не употребляется, и географические названия с компонентом *башат* отсутствуют.

Бөлөк-Дөбө, сов., высокий холм, возвышенность. Это название в переводе на русский язык означает «чужой холм, часть холма». Компонент *бөлөк* в составе данного топонима употреблен в значении «выделяющийся», так как холм, называемый Бөлөк-Дөбө, довольно высокое конусообразное возвышение, выделяющееся на фоне окружающих его гор. *Бөлөк-Дөбө* — «одиноко выделяющийся холм, бугор».

Буйга, сов., нп., ложб. В словаре К. К. Юдакина приводится целый ряд слов, формально близких к топониму *Буйга*, ср.: *буй*, *буйга*, *буйгаал*, *буйтка* — «укромное место», «прикрытие», «укрытие»; *буйгат* — «ложбина на склоне горы (ближе к ее вершине)», «верхние разветвления»; *буйтоот жер* — «укромное место в стороне от дороги» [216, 155—156]. Ложбина, которая носит название Буйга, находится

справа от р. Тар. Это укромное место в стороне от главной дороги, поэтому ложбина и названа местным термином *буйга*.

Бүлөлү, ал., г., ложб., нп. Топоним происходит от киргизского *бүлөө* — «брусок (точильный)» [216, 167] и *-лү* (<-лыр). *Бүлөлү* — «место, где имеется много точильных камней». Возможна этимологическая связь с монгольским *билүүдэх* — «точить» [131, 70].

Гөңдү, ал., нп. В основе топонима лежит диалектное слово *гөңдү* — «чернозем», «черноземная земля» [133, 467]. Такое же название зафиксировано в Каратегине [133, 467]. Это производное слово от *көң* — «сухой помет».

Кайнар, чатк., р.; **Кайнар-Дөбө**, алб., р. Слово *кайнар* как синоним географических терминов *булак*, *башат* — «родник», «источник», «ключ», мало известно в Южной Киргизии. Вероятно, оно диалектного характера. В словаре К. К. Юдакина *кайнар* (или *кайнар булак*) — «ключ, «источник» [216, 320]. В такой же форме и значении оно распространено в казахском языке и в его топонимии [81, 423; 98, 113; 141, 170]. *Кайнар* — «родник, с силой бьющий из земли», *Кайнар-Дөбө* — «холм, где есть родник».

Кары-Жыгач, ал., нп. Слово *кары* — «старый» в современном киргизском языке почти не употребляется по отношению к неодушевленным предметам, в частности, к старым деревьям. Такие понятия, как *кары жыгач* — «старое дерево». *кары чынар* — «старый чинар» арханчны, поэтому название *Кары-Жыгач* представляет определенный интерес.

Кош-Агыл, пам., мест. Ср. др.-тюрк. *агыл* — «загон для скота» [59, 18], кирг. (узг., пам., жерг., батк., суз.) *агыл* в том же значении [133, 15]. *Кош-Агыл* — «двойной загон, сарай».

Көк-Айдар, лр., холм., нп. Второй компонент образован метафорическим способом от устаревшего слова *айдар* — «чуб, коса (у мужчины)» (например, *аркасында айдары* — *тору айгырдын жалындай* (фольк.) — «сзади у него коса, как грива у гнедого жеребца» [216, 30].

Көк-Айдар — метафорическое название со значением «зеленый холм». Ср. каз. *Айдарлы* — названия поселков в южных районах Казахстана, а также ур., г., бугор. *Айдар* — «хохол», афф. -ды, т. е. «холм в виде хохолка» [98, 18].

Кызыл-Аңгел, сов., мест. Ср. *аңгел* — «овраг», «глубокая широкая промоина» [216, 58, 133, 97]. *Кызыл-Аңгел* — «красный ангел». Интересно, что в киргизском языке с указанным значением встречаются два ряда слов в нескольких вариантах: пам. *ар* [133, 109] — кирг. лит. *жар*, где наблю-

дается выпадение начального *ж* или *й*¹, относительно ко второму ряду: *аң/аңгел* (*аңгэл*) — пам. *аңгэр, аңгил* [133, 194]. И здесь, вероятно, также древнетюркское чередование звуков *р/л*.

Кызыл-Сеңир, узг., нп. Название происходит от киргизского *кызыл* — «красный», *сеңир* — «покрытый травой высокий гребень горы». Слово *сеңир* ср. с др.-тюрк. *сеңир, сеңыр* — «мыс горы» [59, 495].

Миязды, ал., нп. Название образовано от киргизского *мияз* — «лук»+*-ды*. Следовательно, оно обозначает «место, изобилующее луком». Ср. *бийаз, мийаз, бийаз, мыйаз* в северном диалекте [133, 334], *пияз* в южном диалекте и в литературном киргизском языке. Вероятно, это следы древнекыпчакского, древнеогузского чередования звуков *м/б* (>*п*) [27, 122, 278], сохранившиеся и в топонимах.

Сары-Талаа, алб., степь. В данном названии компонент *сары* означает «большой». *Сары-Талаа* — «большая степь, равнина». Ср. *сары карын, сары таман ат, сары төр, сары өзөн* и др., где первые компоненты словосочетаний употреблены в значении «большой» [69, 86-91].

Сыр-Коо, др., нп. Ср. гидроним *Сыр-Дарыя* (<др. гидронима *Сыр*) [21, 6—23; 91, 190; 4, 89—96]+тюрк.-монг. *коо/гоо* — «ложбина». Примечательно, что гидроним *Сыр* в бассейне р. Кара-Дарыя (хотя и река называется Кара-Дарьей) сохранился в памяти народа до настоящего времени. Например, *Жүр келинжан кетели, Сырдын сувун кечели, Сыр сүз кечүз бербесе, Салга түшүп кетели*, или *Пийдэдэг Сыр кыйын, билбегенге ыр кыйын*², или *Эки-Суу арасындагы (Сыр-Дайра менен Кара-Дайранын ортосундагы) кыпчак уругуна, Ташкен багытындагы курама уругуна тили ширин элчилер барды*³.

Таш-Акур, узг., нп. Ср. компонент *акур* с литературной его формой *акыр* — «ясли» (для скота) [216, 42]. К. К. Юдахин отметил это слово как иранское. Слово *акур* употребляется в Узгенском, Джанги-Джольском, Кара-Суйском⁴, Баткенском

¹ См. о природе начального *й* в тюркских языках [47, 261—271].

² Дословный перевод: Пошли, милая, за реку Сыр. Если реку Сыр не удастся перейти, переплывем на пароме. Трудно пешему переправиться через реку Сыр. Трудно петь не знающему песен. — Эта песня зафиксирована в Узгенском районе (со слов кандидата филологических наук Ирисова Пайзилды).

³ К племени кыпчак, обитающему в «Эки-Суу арасы» (на территории между реками Сыр-Дайра и Кара-Дайра) и к племени курама, живущему в стороне от Ташкента, прибыли красноречивые послы. К а с ы м б е к о в Т. Сынган кылыч (Исторический роман). — Фрунзе, 1971, с. 53.

⁴ Дж. Мукамбаев не указывает на употребление этого слова в Кара-Суйском районе, но оно там встречается.

районах, а также в Таласе и Замине [133, 55]. Кроме того, оно встречается в форме *авгыр* в Баткенском районе [133, 10]. Это южнокиргизское слово нашло отражение в топониме *Таш-Акур* — «каменный *акур*».

Тогон-Ой, токт., нп. Ср. чуй. *тогон* — «разветвление арыка»+*ой*—«низина», «впадина». В этом же значении в Чуйской долине употребляется слово *тук*.

Чөкө-Дөбө, суз., нп. Первый компонент — *чөкө* в современном киргизском языке не встречается. Он сохранился только в названии *чөкө таан* — «галка». Нам представляется, что *чөкө* в составе топонима и в названии галки имеет значение *кичине* — «маленький». Это можно мотивировать результатами сопоставлений названий галки в киргизском языке: ср. *ак тумшук таан* — «альпийская галка»; *ак моюн таан* — «обыкновенная галка»; *кызыл тумшук таан* — «клушка», «клуша» (вид галки) [216, 684]. Как видно, различается четыре вида галки. *Чөкө таан* намного меньше, чем другие. Значит, *Чөкө-Дөбө* — «маленький холм».

Шыраан-Талаа, ксуу., лет. В основе первого компонента оронима лежит местное слово *шыраан* — «полян». *Шыраан* — усеченная форма от киргизского литературного *шыраалжын*. *Шыраан-Талаа* — «степь, покрытая *шыраан*».

Шырыкты, лаяк., пер., г. Образовано от киргизского *шырык* — «тонкая молодая ель», «тонкая и длинная сухая ель» и *-ты* (<-лыг)¹. *Шырыкты* — «гора, изобилующая елью».

Ызар, алб., нп. Это название в прошлом перенесено киргизами от *Гисар*. Оно претерпело ряд изменений. Иранский *Гисар* в процессе адаптации превратился в *Ызар*. В начале слов, заимствованных из арабо-иранской лексики, т. е. перед широкими гласными звуками заднеязычный *г* либо выпадает, либо переходит в заднеязычный *к*: тадж. *газаб*/южн. *казан, азап*, кирг. лит. *азап*—«мучение»; араб. *газол*/южн. *газол*, кирг. лит. *казал* — «газель» и др. [220, 139—140]. В процессе регрессивной ассимиляции анлаутный *и* превратился в *ы*. Иранский *с* дал звук *з*, отражая особенности джангиджольского и чаткальского говоров киргизского языка.

Данные киргизских топонимов показывают, что в говорах и диалектах киргизского языка сохраняются довольно многочисленные изоглоссные явления, вероятно, отражающие этническую разнородность как самих аборигенов, так и пришельцев.

Как известно, одним из классификационных признаков южного диалекта является наличие в нем открытой передней

¹ Имеется и другая точка зрения относительно происхождения топониманта *-ты*, утверждающая, что *-ты* — усеченная форма тюркского *таг, тоо, туу, тау* — «гора». См. об этом в [97, 140—146; 74, 19].

гласной фонемы *э*, отсутствующей в северном диалекте. По данным киргизских диалектологов, она представлена в южном диалекте киргизского языка неодинаково: в одних говорах более устойчива, в других — менее. Последнее зависит от характера и условий контакта киргизов с узбеками и таджиками. Например, в топонимах *Келте-Шоро*, *Келте* (долина Алай-Куу Советского района), как и в литературном употреблении, фонеме *э* соответствует фонема *е*, так как этот район Южной Киргизии находится далеко в горах и отдален от места жительства узбеков и таджиков. В районах, где киргизы живут в соседстве с узбеками и таджиками, фонема *э* реализуется во всех слогах слова-топонима. Например: Салалүүлүү-Яр, Кэлтэ, Пэдэк, Зэркент (в речи старожилы Заркан) (Ала-Бука); Кэрэван, Тэнги, Кэлтэ-Тай (Джанги-Джол); Эсэл-Таш, Эсерек, Пэс-Мэхэллэ, Мэкэ-Турпак, Шэйдэн (Ленин); Чэнгэт, Күмүш-Эзиз, Лэдэн-Кара (Сузак); Тэжик-Мэхэллэ, Орто-Мэчит, Ишкэван (Кара-Суу) Эзгэн/Өзгөн, Зэргэр/Зэргер, Кэлтэ, Беш-Кэпэ, Пэйз Ават, Шерэли (Узген); Мырза-Эке, Саламелик, Гувэр (Совет); Дэрout-Коргон/Дарoot-Коргон, Тэшэн (Алай) Сэллэ-Таш, Мэрэхэт, Сэймин-Кэнэл, Жийдэли, Сэцги-Таш (Араван); Мэдиpэсэ/Медиресе, Дашти-Бала, Шэкэр-Кыштак, Эзиз, Кэрэван, Йэтэн, Тэжик-Кыштак, Шэхэр-Мэхэлэ, (Ноокат); Питэн, Пэс-Көчө, Лэнгэр, Мэшэлэн, Мэркэз, Кэшэлик, Жийдэлик, Лэгэн, Эндижан-Көчө, Кэлтэк, Тэжик-Кыштак, Беш-Мэхэллэ, Гузэл, Дэш-Мээлэ, Кара-Дэнги (Фрунзе); Зэрдэли, Кэн, Тэйэн/Тайан, Сэндэл, Чукур-Мээлэ, Ташты-Кэлэн, Зэр-Таш, Дэнгэр-Ата, Сары-Кэмэр (Баткен); Лэйли, Кэлтакол, Тэнги-Кыштоо, Гэлэ-Кыштоо, Тэнги-Башы, Тэнги-Шак, Гүлбэ (Ляйляк). Исключение в данном случае составляет Токтогульский район, где мы не нашли топонима, оформленного с участием *э*.

В некоторых топонимах употребление *э* неустойчиво, т. е. ее замещают фонемы *а*, *о*, *е*. Например, Зэркент/Заркан, Орто-Мечит/Орто-Мэчит, Ишкэван/Ишкэван, Эзгэн/Өзгөн, Зэргэр/Зэргер, Дэрout-Коргон/Дарoot-Коргон, Караван/Кэрэван и другие.

Наши материалы показывают, что реализация *э* в топонимах Южной Киргизии активизируется в говорах киргизов ичкилик, Джанги-Джольского и Ала-Букинского районов, средних районов юга Киргизии (кроме долины Ала-Куу, где употребление *э* соответствует *е*, как в северном диалекте) [7], в топонимах юго-западного диалекта и в некоторых топонимах юго-восточного диалекта, где киргизы живут либо в соседстве с узбеками и таджиками, либо в одном селении [220, 77-83].

В топонимах часто можно наблюдать некоторые чередо-

вания гласных фонем. Например, *о/у*: кирг. лит. *топурак*, в топонимах *турпак*. Ак-Турпак (Баткен), Турпак-Бел (Джанги-Джол), Мэкэ-Турпак, Турпак-Коргон (Ленин) и др.; *ы/у*: кирг. лит. *акыр*, в топонимах *акур*. Таш-Акур (Узген), Таш-Акур (Кара-Суу). Они широко представлены в говорах киргизского языка [220, 92—98].

Южносибирский (алтайский, тувинский) подпласт

Из собранных нами топонимов Южной Киргизии выделяется группа географических названий, этимологию и значение которых можно объяснить исходя из алтайского, тувинского, хакасского, шорского языков. Значение этих топонимов малопонятно или непонятно местным киргизам. Из тюркских языков Южной Сибири в топонимии Южной Киргизии особенно заметны «следы» алтайского и тувинского языков. К таким киргизским географическим наименованиям относим: Ажык (вероятно и ороним Ажыке (Эжике), Ак-Суур, Кара-Суур, Беш-Белчир, Боз-Белчир, Бөрү-Токой, Деб-ге, Жуука, Тасыркай, Кажыр, Кажыр-Чаты, Кажыр-Жон, Тоготой, Урум-Башы¹, Сыны, Хайдаркан, Чекей, Сары-Чекей, Шибели и др. Некоторые географические термины, например, *ажык*, *белчир*, *кажыр*, *сыны*, *шибе* и др. — общие для тюркских языков Южной Сибири, монгольского языка и являются составной частью их топонимии.

В подтверждение сказанного приведем лингвистическую интерпретацию этих топонимов.

Ажык, алб., г., пер. В основе топонима лежит южносибирский тюркский географический термин *ажу* — «перевал». Ср.: *Ажык* с алт. *ажу* — «горный перевал», «место, где переезжают через гору» [129, 112]; на диалекте черневых татар (тубакижи) алтайского языка *ажуу/ажык* — «перевал» [28, 98]; тув. *ажыг* — «перевал»; хак. *азыг* — «горный перевал»; шор. *ажык* — «перевал». Термин *ажу* как топоним имеет очень узкое распространение на территории Горно-Алтайской автономной области: *Ажу*, г., *Азу*, хр. Чаще как составная часть он участвует в образовании географических имен [129, 112—113]. Такое же положение наблюдается и в топонимии Казахстана. Напр., *Асы* — названия джайляу и реки; *Асубулак* — речка [98, 40]. Киргизский термин *ашуу* — «перевал» встречается в топонимии Киргизии как составная часть, которая активно участвует в топонимообразовании, напр., *Ашуу-Айрык*, *Калмак-Ашуу*, *Туш-Ашуу*, *Шар-Ашуу*, *Түз-Ашуу* и др.

¹ В топонимии Северной Киргизии, в Таласской долине Урмарал [74, 12], ледник Урөмө в Ляйлякском районе Ошской области.

С этим же южносибирским термином мы связываем названия летовки и перевала Ажыке, которые находятся в Советском районе Ошской области. *Ажык* — «перевал» Ср.: ороним Ажыке (Эжике) в Советском районе.

Айры-Бел, *Айры-Чат*, токт., ал., р., пер.; *Айры-Таш*, лр., токт., сов., ал., пер., пик, р.; *Айыр-Таш*, ал., ар., пер., пик, г., р.; *Ашуу-Айрык*, *Узун-Айрык*, *Чеп-Айрык*, *Кызыл-Айрык*, алк., ал., мест.; *Адыр-Коо*, батк., мест.; *Айрым-Арал*, лр., нп.; *Арым*, токт., р., нп.; *Арык-Төр*, токт., жжол., г.; *Арык-Булак*, алб., р.

Значение «раздвоенный», «развиллина», «ответвление» в киргизском языке выражается словами *айры*, *айыр*, *айрык*. В составе географических наименований они употребляются в значении «горная ложбина», «место слияния двух горных рек», «раздвоение горной долины, ложбины на две части» [216, 33; 133, 42]. В словарях киргизского языка указанные значения относятся только к слову *айрык*. Топонимические значения слов *айры*, *айыр*, таким образом, сохранились лишь в географических названиях. Словоформы *айры*, *айыр* как местные географические термины широко распространены в составе топонимии Алтая и Тувы, например, ср. алт. Адырган, лог; Адыр-гол, р.; Адырду, руч., ст.; Адыр-урген — «покос»; Адыр-кая — «скала»; Адыр-ой — «лог» Адыр-туу¹, г.; Айры, р., лог, г.; Айры-кообы, р., лог; Айры-оюк, р.; Айры-чаки, лог и др.; тув. Адыр-Баштык-Ой, р.; Адыр-Карасуг, р.; Адыр-Мажалык, г., [129, 134—135]. Наблюдения показывают, что словоформа *айры* характерна в алтайской, а *адыр* — в тувинской топонимии. Следовательно, киргизские топонимы с компонентами *айры*, *айыр* имеют параллели в алтайской и тувинской топонимии. При чем тувинская форма *адыр* сохранилась как топоним в Киргизии, ср. Адыр-Коо, батк., мест. Нам представляется возможным отнести к этому ряду топонимов также следующие географические наименования в Южной Киргизии: Айрым-Арал, Арым, Арык-Төр, Арык-Булак. В названиях Арым, Айрым-Арал сохранилась фонетически измененная форма южносибирско-киргизского *айры*. Гидроним *Арым* — результат усечений полного *Арым-Суу* — «отделенная или раздвоенная река». -м(ым) — аффикс, образующий существительные от глагольной основы, например, *басым* — «ударение», *бүтүм* — «решение», *ыкым* — «способ», «прием» [113, 97]. В топонимах Арык-Төр, Арык-Булак, как и в названии Арым, выпал й. В. В. Радлов и вслед за ним Э. М. Мурзаев считают термин *арык* — «ороситель-

ный канал» производным от *айыр*, *айры*, *айрык* [160; 141, 107, 238]. Следовательно, *арык* в топонимах Арык-Төр, Арык-Булак является одним из вариантов *айры*, *айыр*, *айрык*.

Местные термины *айры*, *айрык*, *айрычак* имеют следующие значения (по В. В. Радлову): 1) раздвоенный, деленный; 2) маленький ручеек [160, 26, 27, 30]; (по словарю Э. и В. Мурзаевых) теснина, разделяющая (отделяющая) горные возвышенности, устья двух рек [143, 21]; *айры* — «рукав реки, проток, ответвление, отрог, раздел двух рек»; «место, где одна речка отделяется от другой»; «сама речка, если не имеет собственного названия, называется общим именем *айры*» [39, 8].

Таким образом, компоненты *айры*, *айыр*, *айрык*, *арык*, *арым*, *айрым* в указанных южнокиргизских географических наименованиях произошли в разное время в результате фонетического изменения. Словоформы *айры*, *айыр*, *адыр* в составе топонимии Южной Киргизии показывают взаимосвязь киргизского языка с тюркскими языками Южной Сибири. Это подтверждается и переходом звука й/д, ср. южносиб. тюрк. Адыр-гол и др. и кирг. Айыр-Таш, Адыр-Коо. Вероятно, выпадение звука й — также явление исторического характера.

Ак-Суур, сов., пер., склон, р. Вблизи Ак-Суур находится местность, которая называется Кара-Суур. Значения этих названий требуют выяснения, так как местные жители (киргизы) связывают последние компоненты топонимов с названием *суур* — «сурок». При этом сами же удивляются, потому что цвет шерсти сурка всегда коричнево-красных оттенков. В некоторых местах Киргизии водятся сурки, у которых цвет шерсти серый, до серо-голубого. Но они — не черные сурки (кара), их называют *көк суур* — «синие сурки». Значения определяющих прилагательных *ак* — «белый», *кара* — «черный» в сочетании со словом *суур* вызывают сомнения в названиях *Ак-Суур*, *Кара-Суур*. Но в действительности значение слова *суур* в указанных топонимах иное, оно, по-видимому, восходит к тувинскому *суур* — «сопка», «пик», «заостренная вершина горы» [189, 379]. Значение тувинского географического термина подтверждается рельефом, а также антонимичным (*ак*, *кара*) видом, названных объектов, в связи с общим цветовым фоном покрывающих их трав. С этим словом Е. Койчубаев связывает казахский топоним *Сугур*. Он пишет, что «*Сугур* — гора в Алма-Атинской области (изредка Таусугур — „гора сугур“). От тюркского „сопка, пик, заостренная вершина горы“, букв. „острый, конусообразный, заостренный“» [98, 197]. Также можно сравнить алт. *сури* — «сопка», *сууру* — «вершины гор», «зубцы скал» [28, 150].

¹ О. Т. Молчанова алтайские топонимы с компонентом *адыр* считает тувинскими. Подробнее об этом см. [129, 134—135].

Таким образом, топонимы *Ак-Суур*, *Кара-Суур* означают, соответственно, «белая (черная) забостренная сопка или гора». Вероятно, это древнетюркское слово, впоследствии развитое во вторичную долготу в тувинском и киргизском языках и сохранившееся в древней форме в казахском языке, причем в двух последних — только в топонимах. Ср. также алт. *сури* — «сопка» с топонимами Кара-Сур, ал., мест., р.; Сур-Таш, сов., мест.

Беш-Белчир, нарын., г., пер., мест.; *Боз-Белчир*, нарын., г., мест. По предварительным данным, названия с компонентом *белчир* пока зафиксированы только в Нарынской области. Анатомический термин *белчир*, буквально означающий «место соединения тазобедренных костей с позвоночником», употребляется и как географический термин. В составе топонима Беш-Белчир он, по утверждению Д. Исаева, выступает в последнем значении и означает «место соединения горных хребтов (*тоо кыркаларынын кошулган жери*)» [74]. Названия Беш-Белчир, Боз-Белчир выделяются как единичные случаи в топонимии Киргизии. Они экстерриториальны, ибо прямое объяснение мы найдем только в языках тюркских народов Сибири.

В древнетюркском языке это слово употреблялось в форме *белтир* со значениями «сплетение дорог, перекресток, место слияния рек» [59, 94]. В. В. Радлов слово *пелтир/пилтир* — «устье реки» считал алтайским, барабинским, телеутским, лебединским и шорским [160, 1246, 1342]. Ареал термина (в различных фонетических вариантах со значением «место слияния двух рек») отмечен Э. и В. Мурзаевыми: *билчир* в Восточной Сибири, *белтир* на Алтае, *белдир* в Туве, *пилтир* у хакасов, *белчир* в Монголии [143, 42].

В современных южносибирских тюркских языках *белчир* имеет следующие формы и значения: алт. *белтир* — «устье» [61, 36]; «соединение двух или более рек»; «перекресток (дорог)» [150, 30]; «соединение ущелий гор»; «исток» [28, 107] и активно участвует в топонимообразовании в Горно-Алтайской автономной области [129, 143]; тув. *белдир* — «соединение», «слияние», «распутье» (напр., Белдир-Арыг, пос.) [189, 89, 607]; хак. *пилтир* — «устье (реки)» (напр., Пилтир, нп.) [205, 150, 344]; шор. *пелтер* — «устье реки» (напр., Анггыспел'тере — «устье р. Анггыс», Ишпел'тере — «три устья» [6, 165—166]; якут. *билир* — «соединение двух рек, узел, мыс, выступающий между двумя сходящимися реками» [51, 467]. Этот якутский термин К. Ф. Гриценко, основываясь на соответствии тюркского *лт(д)/л*, поставила в один ряд с алтайским, тувинским, хакасским и монгольским терминами [51, 194]. *Белчир* также употребляется в монгольском языке:

монг. *бэлчир* — «место слияния рек», «перекресток»; *белчээр* — «пастбище» [131, 99]; калм. *белчир* — «устье» [111, 594]. На основе изложенных фактов можно утверждать, что киргизские названия с компонентом *белчир* по происхождению южносибирские, и оно восходит к енисейскому периоду развития киргизского языка. По мнению Н. А. Баскакова, между монгольскими и тюркскими *белчир*, *белтир* и *белтээр* возможна этимологическая связь [29, 69]. Названия *Беш-Белчир*, *Боз-Белчир*, вероятно, перенесены киргизами в период их миграции из Южной Сибири и означают, соответственно «пять русел рек» (возможно, *беш* не в значении «пять», а «много») [105, 117—119], «сухая степь», «пастбище».

Бөрү-Токой, алк., мест. Утверждения, связывающие значение данного топонима со словами *бөрү* — «волк» и *токой* — «лес» местного населения, с первого взгляда не вызывают сомнений. В действительности название образовано от слов: *бөрү* — «склон», «скат», «спуск с горы» и *токой* — «берег реки, выдающийся полукругом», «изгиб, лука (реки)», которые сохранились в современных монгольском, алтайском и тувинском языках [80, 16; 150, 151; 189, 166]. Мы считаем так потому, что местность, называемая Бөрү-Токой, расположена в низине склона на правом берегу р. Көк-Арт в долине Алай-Куу. Бөрү-Токой — местность на берегу реки, по форме она напоминает выдающийся полукругом берег реки, по этой причине, вероятно, и дано название в прошлом.

Даргун, лйк., нп. Это название имеет параллели в топонимии Алтая и Тувы: ср.: алт. Дөргүн (Дөргун, Дөргун, Төргүн, Торгун), р. лог, ур., мест., нп.; тув. Дөргүн, р.; Дөргүн, нп.; Дөргүн-Арыг, ур.; Дөргүн-Бугазы, канал; Дөргүн-Ова, ур. В основе этих топонимов лежит тув. *дөргүн* — «речка, берущая начало в степи, и окружающий ее лес»; «оазис (в горах)»; алт. *төргүн* «местность» [28, 145; 189, 165]. *Даргун* — «горный оазис».

Дебге, алк., мест. Ср.: тув. *девээ* — «тенистое место» [189, 139]. *Дебге* — тенистое место у подножия горы Кара-Тума. Это название можно сравнить с топонимом *Дөбөгө* в Алайском районе, где тувинское (возможно, древнекиргизское и древнетувинское) *девээ* сохранилось в разных формах (как географические названия Дебге и Дөбөгө) в современном киргизском языке. Нам представляются допустимыми фонетические различия в словах *девээ*, *дебге*, *дөбөгө*. Тувинская форма их является более поздней, чем киргизская, в которой сохранились в неизменном виде древние звуко сочетания *ег(е)*, *өг(ө)*.

Жергуй, сов., пещ.; *Таш-Куй*, ноок., нп. Значение компонента *куй*, *гуй* объясняется так: *куй* (или *куркуй* или *жер-*

гуй) — «глубокий овраг, расщелина с крутыми высокими берегами в предгорьях, у подножья гор»; «расщелина, образовавшаяся вследствие землетрясения» [216, 438]. Топоним *Жергуй* образован от киргизского *жергуй* в значении «расщелина, образовавшаяся вследствие землетрясения». Название Таш-Куй состоит из слов: *таш* — «камень», *куй* — «пещера», употребляющихся соответственно в алтайском и тувинском языках [189, 249; 149, 94]. Возможна этимологическая связь киргизского, алтайского и тувинского *куй*. Ср. также: Кур-Таш, фр., пик. Переход *p/й*?

Жуука, сов., иск., нп. Название восходит к алтайскому *дыуука* — «овраг», «ров» [150, 59]. *Жуука* — «овраг».

Кажыр, *Кажыр чаты*, *Кажыр-Жон*, алк., г., ур. Компонент *кажыр* в указанных географических названиях восходит к алтайско-тувинскому *кайыр*, *кадыр* — «отвесный, крутой». *Кадыр* широко распространен в топонимии Алтая и Тувы: Кадыргем, г., Кадыр-кат, г., дол., ур. (на Алтае); Кадыр, г., Кадыр-арт, пер., Кадыр-арыг, ур. (в Туве) [129, 150]. *Кажыр*, *Кажыр-Жон* — «места крутые, отвесные». Значение топонима хорошо отражает характер рельефа. Переход звуков *й/д/ж* — явление закономерное.

Казанак, батк., г. Аппеллятив *казнак*, *казынак*, *казанак* в значении «боковое углубление в могиле, куда кладут покойника», «казнохранилище», «сокровищница», «избушка», «лачуга», «хлев», «конура» встречается в киргизском, тувинском языках [216, 317; 189, 202]. О. Т. Молчанова на основании указанного киргизского аппеллятива делает вывод, что алтайские топонимы *Казнакту*, *Казнак-туу* (*Казнакта*, *Казнакты*) — киргизского происхождения и приводит параллели из тувинской топонимии: *Казанак*, р.; *Казанак-аксы*, место; *Казанашка*, р. [129, 150]. Южнокиргизский ороним *Казанак* также можно отнести к этому ряду алтайско-тувинских географических наименований. Нам представляется, что первоначально аппеллятивом *казанак* в значении «казнохранилище», «сокровищница» были названы горы. Это объясняется тем, что обычно киргизы хранили свои сокровища в недоступных горах.

Этот ряд названий можно сравнить также со словом *казганак* — «глубокое место, впадина», зафиксированным в хорезмском диалекте узбекского языка [192, 153].

Сыны, жжол, нп., р., ущ. Киргизский, по происхождению южносибирский топоним, так как в основе его лежит слово, распространенное в тюркских языках Южной Сибири. Ср.: алт. *сын* (*сыны*) — «горный хребет» [150, 136; 129, 127]; тув. *сын* — «горный хребет» [189, 397]; хак. *сын* — «горный хребет» [205, 207; 52, 41]; шор. *сын* — «грива, вершина горы» [6, 168].

Сын (*сыны*) обозначает на Алтае горный хребет, его гребневую линию. В этом значении термин встречается во всех диалектах алтайского языка, употребление же в составе топонимов ограничено [129, 127]. Этимологически близко к названиям *Сын-Таш* в Северной Киргизии [74, 11—12] и *Сынтас* в Казахстане [98, 199]. Слово *сын* — буквально в значениях «стан», «рост», «фигура» известно во многих тюркских языках, например, ккалп. *сын* — «стан», «фигура»; кирг. *сын* — «стан», «туловище» и др. Употребляется также в значении «могила» [59, 303].

Следовательно, южнокиргизский топоним *Сыны* — «горный хребет», «грива, вершина горы» — восходит к южносибирским тюркским языкам.

Тасыркай, алк., мест. Ср.: *дазыр*, *дазыргай* — «голый (о местности)»; «голое место (без растительности)» [189, 131]. *Тасыркай* — «голое место, лишенное растительности».

Тоготой (совр. с. Киров), сов., нп. Это селение расположено на левом берегу р. Кара-Дарья, в месте слияния рек Тар и Кара-Кулжа. Значение названия не ясно. Можно лишь сравнить с алтайским топонимом *Тоотой* [150, 204] и казахским названием *Тогатай*, которое Е. Койчубаев связывает с казахским этнонимом [98, 218]. Киргизский топоним сохранил более древнюю форму, чем алтайский: *Тоготой/Тоотой*.

Урум-Башы, суз., р., нп.; *Урум-Башы*, токт., ледн. Первый компонент и, вероятно, название образованы от тувинского *урем*, *урема* — «прибрежная углубленная полоса речной поймы в горах» [125, 93]. Н. К. Дмитриев считал, что русское *урема* произошло от поволжско-татарского и башкирского *эремэ* — «перелесок, мелкие лесные заросли» [55, 513]. Д. Исаев при анализе происхождения северокиргизского топонима *Урмарал* первый компонент данного названия *урм* связывает с указанными тувинским, поволжско-татарским и башкирскими географическими терминами. При этом он пишет, что «значение этих топонимов (*Урум-Башы*, *Уремэ*. — К. К.) на данном этапе современного киргизского языка объяснить пока не удалось» [74, 12]. Этот географический термин, как правильно замечает Д. Исаев, в составе топонимии Киргизии встречается в названиях трижды: *Урмарал*, *Урум-Башы*, *Уремэ*. И это, на наш взгляд, не случайно. Эти названия, как нам думается, перенесены киргизами из Южной Сибири, чем и объясняется их распространенность только как топонимов.

Местные жители Сузака не знают значения этого термина и названия. Однако его можно истолковать исходя из характера местности, называемой *Урум-Башы* — она сплошь покрыта мелкими лесными (ореховыми, фисташковыми и др.)

зарослями. В Сузакском районе по небольшой долине протекает река Үрүм-Башы, в низине ее расположено маленькое одноименное село, а само название Үрүм-Башы относится к верховьям реки. Название долины и остальных мест с аналогичным названием получено от него.

Таким образом, семантика Үрүм-Башы вполне отвечает значению тувинского термина.

Хайдаркан, фр., пгт., г. Ср. алт. *кайракан* — почтительное название божества, духов, идолов, чтимых как божество, монг. *хайрхан* — уст. милостивый, священный (почтительное название гор), тув. *хайырахан* — почтительное название божества, ср. в тув. топонимии: Хайыракан, г.; Хайырахан, нп. [129, 150]. По свидетельствам старожилов, первоначально *Хайдарханом* называли цепь гор, отсюда получил название и ртутный рудник. В связи с разработкой последнего появился одноименный поселок. Хайдарканские горы считались священными, мазарами. Следовательно, по своему происхождению топоним *Хайдаркан* восходит к южносибирским тюркским языкам. Если южносибирской *кайракан*, *хайырахан* заимствованы из монгольского *хайрхан*, то, вероятнее всего, это произошло в енисейский период развития киргизского языка. Об этом свидетельствует наличие апеллятива, географических названий на Алтае и в Туве. С течением времени южносибирско-монгольские *хайрхан*, *кайракан*, *хайырахан* в киргизском языке приняли форму *Хайдархан*. *Хайдархан* — «священные горы».

Чекей, алк., мест. Ср.: тув. *чегей* — «скудный», «редкий» [189, 502]. В местности *Чекей* мало растительности, поэтому она получила такое название. *Чекей* — «местность со скудной, редкой растительностью» — от тув. *чегей*. Ср.: Сары-Чекей, жжол., нп.

Чук-Терек, суз., мест. Значение первого компонента названия местным жителям непонятно. Вероятно, это алтайское *чук* — «густой», «скупенный»; *чук бөлөк* — «густой кустарник»; *чук агаш* — «густой лес» [150, 181]. Следовательно, *Чук-Терек* — «густой тополь». Возможно и другое объяснение. *Чук терек*, в словаре К. К. Юдахина, дерево, растущее, по народным представлениям, за Аягузом, вокруг могилы Баян-Сулу и Козу-Корпеша [216, 728]. Местные киргизы связывают топоним *Чук-Терек* с героями киргизского лирического эпоса «Олжобай и Кишимжан», якобы погибшими в этом месте.

Шаты, ал., алк., р., горная гряда. В основе топонима лежит тувинское *шат* — «горная гряда», «кряж» [189, 542] и аффикс *-ы* (вероятно, *-ы* — аффикс принадлежности). *Шаты*, значит «место с горной грядой». В местности Шаты, что на-

ходится в долине Алай-Куу Ошской области, действительно имеются две параллельно лежащие каменные гряды, протянувшиеся почти до вершины отвесной горы. В середине их небольшая горная впадина.

Шибели, ал., пер., лет. Название непонятно местному населению. Оно образовано от алтайско-тувинского *шибе¹*, *чиби*, *шиви* — «ель», «еловый» [150, 179; 189, 545]. К. М. Мусаев пишет, что в тувинском и алтайском — одинаковое обозначение: тув. *шиви*, *шивилиг аэрга* — «еловый лес», *шиви чочагайлары* — «еловые шишки»; алт. *чиби* помимо ели означает также пихту [144, 173]. Следовательно, киргизский ороним Шибели — «место, изобилующее елью». Ср. еще ороним Шыба-Бел, токт., пер.

Кроме изложенного, можно привести большое число алтайско-киргизских параллелей в области географической номенклатуры. Как известно, местные географические термины в значительной мере определяют «лицо» топонимии любого языка, территории, являясь важнейшим его строительным материалом [99, 15]. Алтайско-киргизская номенклатура не представляет исключения в этом плане. Наоборот, топонимы отражают языковую, этническую близость, былую связь киргизов с алтайцами. Ниже приведены такие параллели как в алтайском, так и в киргизском языках, активно участвующие в топонимобразовании Киргизии и Горно-Алтайской автономной области.

алтайские²

айры — «рукав реки», «раздел двух рек»; ср. Айры, р., лог, г.; Айрык-оюк, р.; Айры-чаки, лог; Ак-айры, р., лог, г.;

айдың — «лунный свет»;

киргизские³

айры, *айрык* — «горная ложбина», «место слияния двух горных рек»; ср. Айры-Бел, Айры-Таш, токт., пер.; Узун-Айрык, сов., дол., р.; Ашуу-Айрык, алк., р., пер.; *айдың* — «лунный свет», «место, освещенное лунным светом»; ср. Айдың-Көл, алк., мест.;

¹ Этот вариант слова употребляется в диалекте кумандинцев (куманди-кижи), см. [30, 272].

² Алтайские примеры взяты из работ [29, 129, 150].

³ Киргизские примеры взяты из работ [75, 89, 216], а также из собранного автором топонимического материала.

арал — «лес», «заросли кустарника, главным образом, по берегам рек и озер»;
аржан — «минеральная вода», «источник»; ср. Аржан, Аржанду, Аржанду-кообы, Аржан-туу, лог, руч., г.; ср. также в тув. топонимии: нп. Аржаан, скалы Аржаан-Кызыл-Туруг, р. Аржаан-хем;
арсак — «торчащий», *арсак кая* — «выступающая скала»;

балкаш — «грязь»; ср. Балкаш-ту, лог, г.; Балкаш-ту-аянг, р.;
баткак — «топь», «топкое место»;

бел — «горный хребет»; ср. Бел, Бел-ачык, место; Бел-кенек, лог, г.;

булуң — «залив реки»;
жайлу — «летнее пастбище»; ср. Жайлу-куш, р., Жайлугом, р.;

арал — «остров»¹; ср. Арал, лр., нп.; Арал-Дөбө, Беш-Арал, чатк., мест., пер.;
арашан — «целебный источник», «теплый ключ»; ср. Арашан, чуй., родн. уш.;

арсак — «торчащий», *арсак таш* — «торчащий камень, остроконечная скала»

балкыч, балчык — «грязь»;

баткак — «грязь», «топкое место»; ср. Баткак-Суу, р.;

бел — «горный хребет», «горный перевал»²; ср. Айры-Бел, токт., пер.; Ак-Бел, токт., пер.; Шыба-Бел, токт., пер.; Буура-Бел, чатк., алк., пер.;

булуң — «залив»;

жайлоо — «летнее пастбище»; ср. Кан-Жайлоо,

¹ «Термин *арал* в современном киргизском языке в большинстве случаев переводится как «остров», «часть суши, со всех сторон окруженная водой». Однако в такое разъяснение тоже необходимо внести коррективы. Фактически в народе термином *арал* обозначается место у слияния двух рек — узкая полоска земли там, где приток впадает в основную реку, а также остров, промежуток между рукавами рек [74, 13].

² «Широко используется в значении «горный перевал» другой номенклатурный термин *бель* (буквально: поясица, талия)... Он употребляется в киргизском языке для обозначения широких удобных перевалов в горах, расположенных сравнительно низко. Обычно это довольно широкое (от десятков и сотен метров до нескольких километров) понижение в гребне хребта, горной гряды, имеющее, как правило, седлообразную форму, со сглаженной, нередко ровной плоской поверхностью» [196, 196].

жака — «край», «берег»;

жалаң — «поле», «долина», «открытое голое место»;

жалбак — «плоский»; ср. Жалбак, р., дол.; Жалбак-кообы, лог; Жалбак-мош, г.; Жалбак-таш, место;

жантык — «кривой», «кособокий»; ср. Жантык-мош, г.;

каду — «косогор, крутой склон горы»; Када-таш, р.;

как/каак — «суша», «твердый грунт»¹.

капчал — «ущелье», «непроходимое место»²; ср. Капчал, р., уш.;

чатк., г., лет.; Уста-Жайлоо, чатк., лет., мест.; Ат-Жайлоо, алк., чатк., пер.;

жака — «берег», «предгорье»;

жалаң — «открытое голое место»;

жалпак — «плоский склон горы»; ср. Жалпак-Таш, сов., нп.; Чоң-Жалпак, алк., мест.;

жантык — «кривой, кособокий склон горы»; ср. Жантык-Конущ, сов., лет.; Чоң-Жантык, алк., лет.; Жантык, алб., мест., р.;

кадуу — «дорога на склоне горы», «склон горы»; ср. Кадуу, алк., дор., склон; Кады, лр., г.;

как — «небольшое углубление, оставшееся от высохшего болотца на солончаковой почве»; «небольшое углубление в горах, где задерживается влага атмосферных осадков»; ср. Как, батк., мест.; Зындан-Как, батк., лужа.

капчал — «скалистое ущелье»; ср. Капчал, сов., мест.; Уч-Капчал, алк., г.;

¹ «Как — входит в состав ряда топонимов Горно-Алтайской автономной области и означает сухое место разных размеров... Географическое содержание *как* на Алтае тоже связано с сухим грунтом, солончаками, сухой почвой» [129, 120].

² «Капчал характеризуется осведомителями таким образом: „Капчал очень похож на *арык*, обе стороны ущелья крутые и скалистые. Это водное ущелье, редко бывает безводным...» На Алтае термин входит в состав небольшого количества топонимов» [129, 121].

ка́я — «утес», «скала»¹;
ср. Ак-ка́йа, Бичиктуу-
ка́йа;

ке́птеш — «горная ложби-
на»;

кобы́ — «лог», «лощина»,
«ложбина»; ср. Айры-
кообы, р., лог; Азалу-коо-
бы, лог; Ак-кообы, лог;

кы́р — «гора», «горный
хребет», «холмистая
степь», «возвышенность»;
ср. Аюлу-кыр, р., лог, г.;
Жаланаш-кыры, хр.; Со-
гонолуу-кыр, хр.;

кыра́ң — «гористое мес-
то», «холм», «труднопро-
ходимое место»;

мойно́к — «ошейник»;

монку́ — «горный лед-
ник»;
оос — «устье реки»; ср.
Аракол-оозы, место; Жа-
ныс-ооз, р., Жер-оозы,
ур.;

кы́я — «косогор»; ср. Кы-
зыл-Кы́я, Кара-Кы́я, Ак-
Кы́я, Таш-Кы́я (повсе-
местно в топонимии Кир-
гизии);

ке́птеш — «горная лож-
бина»; ср. Көк-Кептеш,
алк., г.; Кептеш, алк., лр.,
мест.;

коо́ — «ложбина»; ср.
Коо чаты, Коо, алк.,
мест.; Кыр-Коо, ал.,
мест.; Сыр-Коо, лр., мест.,
нп.; Коо-Мурат, батк.,
нп.;

кы́р — «горный хребет»,
«гребень горы», «холмис-
тая степь», «возвышен-
ность»; ср. Каркыралуу-
Кара-Кыр, алк., г., хр.;
Жалгыз-Кыр, алб., г., хр.;
Кара-Кыр, лр., г.; Сары-
Кыр, суз., г., хр.;

кыра́ң — то же, что кыр.

мойно́к — «крутой гор-
ный перевал»; ср. Мой-
нок-Конуш, Беш-Мойнок,
Бото-Мойнок, алк., не-
большие перевалы, мест.;
Көк-Мойнок, ксуу., мест.,
р.;

моңгу́ — «ледник»; ср.
Моңгу́, ал., мест.;

ооз — «устье реки»; ср.
Палал-Ооз, батк., нп.;
Ооз, токт., нп.; Сай оозу,
фр., нп.;

өзөн — «проток»; ср. Ара-
лу-өзөн, г.;

өн — «русло реки»;

сай — «галька», «мель»;

салаа — «приток реки»¹;
ср. Ак-салаа, р., дол.;

такыр — «голый», «место
без растительности»;
төбө — «холм»; ср. Күл-
төбө, холм, Ак-төбө, г.;

төш — «низина», «низ-
менное место»; ср. Төш,
р., Кара-төш, р., пер.;
Коп-төш, Кура-төш, р.;
Яязы-төш, г.;

тумчук — «мыс», «выступ
горы»;

туу — «гора»; ср. Адыр-
туу, г.; Ак-туу, г.; Арбай-
туу, г.; Катан-туу, г.;

эдек — «подножие горы»;

өзөн — «русло», «ложе
речки»; «горная долина с
речкой»; ср., Өзөн-Кыш-
тоо, ал., нп.;

өндүр — «ложбина», «до-
лина реки»;

сай — «высохшее или под-
сыхающее русло реки»,
«ложбина»; ср. Алчым-
бай-Сай, фр., р.; Ала-
Сай, фр., р.; Жыпак-Сай,
ал., р.;

салаа — «ложбина, лож-
бинка (по которой сте-
кает талая или дождевая
вода)»; ср. Куру-Салаа,
фр., пик;

такыр — «голоое место без
растительности»;

төбө/дөбө — «холм»; ср.
Кетмен-Төбө, токт., дол.;
Коргон-Төбө, алб., нп.;
Кош-Дөбө, ноок., нп.; Ка-
ра-Дөбө, фр., нп.;

төш — «нижняя часть
склона, угорье», «склон
горы»; ср. Төш-Тал, токт.,
пик;

тумшук — «мыс», «спус-
кающийся вниз продолго-
ватый выступ предгорья»;

тоо — «гора»; ср. Тескей-
Тоо, ал., г.; Кекилик-Тоо,
ар., г.; Кара-Тоо, алб., г.;
Ак-Ала-Тоо, чатк., г.;

этек — «предгорье».

¹ «Кая в значении скала, утес довольно широко распространено на Алтае. Термин встречается во всех диалектах алтайского языка, широко входит в собственные географические наименования гор, рек, логов и т. п.» [129, 122].

¹ «Салаа, столь распространенный в Якутии, на Алтае в составе географических наименований употребляется редко» [129, 126].

Разумеется, некоторые из приведенных местных географических терминов характерны не только для алтайского и киргизского, но и для других тюркских языков. Общая черта таких народных географических терминов алтайского и киргизского языков, а также их топонимии состоит в том, что по фонетическому строю и значению они абсолютно тождественны. Это подтверждается приведенными алтайско-киргизскими параллелями в географической терминологии, а также их участием в составе топонимии Алтая и Киргизии. Некоторые фонетические переходы (например, алт., тув. *Адыр* кирг. *айры*, *айыр*, *айрык*, *арык* — переход *д/й*) также подчеркивают общность языков алтайцев, тувинцев и киргизов.

Помимо этого имеются географические названия, связанные в первую очередь с местожительством киргизов в прошлом. Киргизоведы давно обратили внимание на алтайско-киргизские топонимические параллели, первоначальным «местожительством» которых, несомненно, является Южная Сибирь. «Любопытно сопоставить, — писал академик Б. М. Юнусалиев, — некоторые топонимы современной Киргизии и Алтая. Многие названия основных рек и местностей Киргизстана оказываются перенесенными с Алтая. Ср. Чуй на Алтае и здесь, то же Каракужур, Боом, Куркүрөө, Корумду, долина Кулунду и другие» [220, 38]. Этот список можно легко пополнить (см. примеры выше).

О. Т. Молчанова на материале алтайской топонимии провела интересные наблюдения, подтверждающие пребывание киргизов в прошлом на Алтае. Любопытно, что из 1896 топонимов Алтая 79 этимологизируются на базе киргизского и тувинского языков. Такие алтайские топонимы, как р. Боронды, оз. Ичке-Куль, г. Кексе, руч. Курдюм, р. Курманда, р. Кудругайра, г. Мана-Кудьур, р. Тендек, г., р., степь Тотоо, р. Улуджай, г. Улужай, р. Олужай, г. Улькунь-Тайга, р. Уюк-Чалыр, р. Чилик, г. Чыргайтуу, по мнению О. Т. Молчановой, являются киргизскими. Ею же отмечены алтайско-киргизские термины-параллели, участвующие в образовании оронимов¹: ажу — ашуу, арт — арт, баш, бажы — баш, башы, бел — бел, бом — боом, кабак — кабак, кудьур — кужур, кыр — кыр, таш — таш, төбө — төбө, туу — тоо, учар — учар, чоку, чоку — чоку, айры — айрык, булак — булак, ой — ой, суу — суу [128, 179—187].

Алтайская и киргизская топонимии помогают уточнить границы расселения киргизов на Алтае в прошлом, пути миграции киргизов из Южной Сибири, а также некоторые

языковые взаимоотношения киргизов с одной стороны, тюркских и других народов Южной Сибири — с другой. Данные топонимики по указанным проблемам только начали изучаться и конкретных результатов пока недостаточно. Однако бесспорно, что имеются киргизский топонимический пласт на Алтае и южносибирский пласт, в частности алтайский и тувинский, в топонимии Киргизии.

Уйгурско-узбекский подпласт

Объект нашего исследования — уйгурско-узбекские по происхождению южнокиргизские географические имена более позднего времени. Собраны они (не только указанный подпласт, но и вся топонимия) не полностью, поэтому данные, относящиеся к этому подпласту, являются результатами предварительных изысканий.

Уйгурские по происхождению географические названия составляют незначительную часть топонимии Южной Киргизии. Они относятся главным образом к этнотопонимам, т. е. в основе их лежат названия и прозвища уйгур. Например, Уйгур-Ават, ар., нп.; Кашкалдак, ноок., нп.; Кашкалак, жжол., нп.; Кашкарчы, батк., мест., нп.; Такчы, р., пер., мест.; Талык (<возм. Таглык), чатк., мест., р.; Кепеквай, ар., квартал в селе Уйгур-Ават (сюда же можно отнести Кепели, жжол., г., мест.; Көпәли, ксуу., р., мест.; Кепенек, ал., р.). Как видно, в оформлении уйгурских этнонимов участвуют три аффикса (-лак/-дак; -лык/-ли; -чы), указывающие на старые места жительства уйгуров. Топонимы, в основе которых лежат этнонимы (например, Каргалы, Кепели, Такчы и др.), по мнению С. С. Губаевой, должны рассматриваться как цельная единица, т. е. «выделение аффикса в данных топонимах невозможно. Аффиксы в подобных случаях принадлежат основам, от которых образовано географическое название» [53, 7—8]. Автор отчасти неправа, утверждая, что этнонимы, образованные от этнонимов типа «аппеллятив+аффикс», не должны подвергаться морфологическому расчленению, анализу, а этноним, легший в основу топонима, расчленять можно. Нам кажется, это чисто формальный подход к языковым фактам. Разница выделения аффиксов этнонима или топонима очень незначительна. В любой области ономастики нужно анализировать звуки, аффиксы, форманты, слова и др., так как они тесно взаимосвязаны (например, антропотопонимы, этнотопонимы, оттопонимические наименования и др.) и нередко являются единственно уцелевшими языковыми фактами. Например, из уйгурских по происхождению киргизских названий формы этнотопонимов Кашкар-

¹ Частично о таких параллелях сказано и в статье Н. А. Баскакова [29].

Кыштак (в произношении киргизов, Кашгар-Кишлак — по-уйгурски и по-узбекски), Кашкалак, Кашкалдак, Кашкарчы, Такчы также представляют интерес. Ср. др.-тюрк. переход *л/р*; Кашкар/Кашкал+(-лак/дак) — Кашкал (*л*)+ак и синонимичный к нему аффикс *-чы*¹; трансформация звуко-сочетаний «гласный+г» в долготу *оо*: так (<тағ) — *тоо* — «гора»; топорфманты *-лы*, *-ты*, *-лак* (с вариантами); слова *арт* — «перевал», *кол* — «река», «ущелье», «ложбина», *там-га* — «залив», «приток» и др.

Другую группу уйгурских по происхождению киргизских названий составляют эйконы, указывающие на пункты прежнего места жительства уйгур в Восточном Туркестане, переселившись на новые места и образовав там кишлаки или кварталы, уйгуры давали им привычные уйгурские имена [168, 12—13]. На территории Южной Киргизии такими являются географические наименования Кэпэквай, Йапчан/Йэпчан, Чертик, кварталы в селении Уйгур-Ават Араванского района Ошской области [168, 13], Тепе-Коргон, фр., нп.; Коргон-Тепе, ар., нп.; Пэйз-Ават, узг., нп.; Таш-Акур, узг., ксуу., нп.; Яр-Котон, фр., нп.; Сары-Кодон, чатк., г., мест.; Уч-Котон, лйк., г., мест.; Булгандык, лр., нп., р.; Увам-Кучэ (совр. Верхнеувамская улица) в г. Ош; Чаңгет, суз., нп.; Чаңгет-Сай, суз., р. и др. Конечно, такие топонимические параллели — не случайные факты. На это в свое время обратил внимание К. К. Юдахин, приводя примеры существования параллельных названий (Созак/Сузак, Сайрам, Манкент [215, 29] в Восточном Туркестане и Средней Азии, в том числе и в Южной Киргизии. На топонимические факты неоднократно обращают внимание А. Т. Хайдаров и Г. Садвакасов [204, 168], исследующие язык уйгуров Ферганской долины.

Кроме указанных топонимических материалов в топонимии Южной Киргизии можно отметить и следующие три

¹ С. С. Губаева пишет, что «о выделении же аффикса *-чи* (указывает в тюркских языках на имя деятеля или представителя определенной профессии) в топонимах вообще нельзя говорить, так как он не является топонимобразующим» (здесь она ссылается на работу: Донидзе Г. И. О грамматической характеристике тюркских топонимов. — Ономастика Поволжья. 2. — Горький, 1971, с. 124 [53, 8]). Факты киргизского языка говорят о другом: афф. *-чы* означает еще место жительства человека и т. п. Например: *жатакчы* — «люди, которые не кочуют на летние пастбища из-за бедности»; в говорах ичкилик и джергательских киргизов *жергеталчы* — «человек из Джерге-Тала, алайчы — «человек из Алая»; *баткенчи* — «человек из Баткена» [113, 91]. С помощью афф. *-чы* образованы первоначально этнонимы, затем этнотопонимы Кашкарчы, Такчы. Аффикс *-чы* в указанном значении синонимичен с афф. *-лак/лек* в тюркских языках со значением места [108, 27; 116, 146]. Ср. в топонимии Южной Киргизии: Кашкалдак, Кашкалак, Каргалак, Баркалак и др.

названия, семантика которых раскрывается на базе уйгурского языка.

Булгандык, лр., мест., р. Название образовано от монголо-уйгурского *булган* — «соболь» [131, 85; 193, 44] с прибавлением аффикса *-лык* (<лығ). *Булгандык* — «местность, изобилующая соболями», или «выходцы из нп. Булган».

Верхнеувамская, ош., ул. Микротопоним образован от русско-тюркского *верх* и *увам*. Второй компонент тюркского происхождения, ср.: «... русский *ям* (<ямщик) к тюркской форме *уам*. В тюркских наречиях (языках.—К. К.) слово это известно так: уйг. *уат* — «почтовая станция», турецк., чагатай. *уат* — «почтовые лошади» [44, 291].

Кирбөө, алк., мест. на берегу р. Чычырганак. Топоним образован от местного термина *кирбөө* — «берег», «укромное место на берегу реки». Вероятно, оно заимствовано из уйгурского языка, ср. уйг. *гирвэк* — «берег», «край», «грань чего-нибудь» [193, 54]. Уйгурское *гирвэк* можно сравнить с кирг. *кырбуу* — «край», «грань чего-нибудь», также с тунг.-маньчж. *гири* — «берег» [177, 155].

Узбекские по происхождению топонимы, как и уйгурские, малочисленны. В топонимии Южной Киргизии к ним относятся: 1) названия, в основе которых лежат общие для киргизского и узбекского языков, но узбекские по фонетическому оформлению слова; 2) названия, основой которых являются узбекские слова (в обоих случаях в южном диалекте по форме они могут совпадать с узбекскими словами, поэтому специально выбирались лишь те географические объекты, в которых живет узбекское население, а нередко совместно киргизы и узбеки); 3) географические названия, образованные от этнонимов.

В первую группу включены географические названия, компонентами которых являются следующие узбекские слова: *кэттэ* — «большой», *янги* — «новый», *яр* (*йар*) — «обрыв», *пэски*, *пэс* — «нижний», *гава* — «лог» и др.

Например, *Кэттэ-Талдык*, ксуу., нп., по нему называется совхоз; *Кэттэ-Яр*, лр., нп.; *Кэттэ-Буура-Бел*, чатк., пер.; *Кэттэ-Кум-Бел*, чатк., пер.; *Кэттэ-Айырма-Сай*, *Кэттэ-Талпак-Сай*, *Кэттэ-Таш-Сай*, алб., р.; *Кэттэ-Кош-Булак*, узг., р.; *Кэттэ-Карамык* (<Кара-Мук/Муг), ал., р. и т. п.; *янги*: *Янги-Арык*, узг., чатк., нп., канал; *Чуянги*, батк., нп.; *Янги-Ават*, ар., нп.; *яр*: *Ярван* лр., нп.; *Саллалу-Яр*, жжол., нп.; *Кэттэ-Яр*, лр., нп.; *Яр-Кышлак*, суз., нп.; *Яр-Котон*, фр., нп.; *пэски*: *Пэс-Кучэ*, ош., ул.; *Пэски-Төлөйкөн*, ар., нп.; *Пэс-Көчө*, фр., батк., нп., квартал; *Пэс-Мөхөллө*, лр., нп.; *Пэски-Арык*, батк., канал; *гава*: *Гава-Сай*, *Габа*, лр., р., мест.; *Өзбөк-Гава*, лр., нп. и др.

Ко второму ряду можно отнести следующие топонимы: Афлатун (<греч. Платон, узбеки Платон произносят как Афлатун), алб., г.; *Кахраман* (<узб. *кахромон* — «герой»), жжол., ксуу., нп.; Сулак-Кулак, (<узб. *сулак*, кирг. *чулак* — «безухий, корноухий, одноухий»), чатк., пик; Чыркана-Сай (<узб. *чыркана*, кирг. *чычыргана* — «облепиха»), Кара-Мисте, Мисте-Мазар (<узб. *мисте* — «фисташка»), ср. *Як-Писта*, лр., мест.; Буйнак (<узб. *буйнак*, кирг. *мойнок* — «перешеек»), узг., р., мест.; Бирлик (<узб. *бирлик* — «единство»), ар., нп., *Бужун*, батк., нп. В основе топонима лежит узбекское *бужун* — «вяз Андросова (вид карагача с крепкой древесной, идущей на ступицы арб)» [191, 88]. Это слово встречается в разных вариантах и значениях в говорах узбекского и киргизского языков. Ср. *гужум*, *гужум* (Хорезм, Ургенч) — «густой раскидистый карагач с пышной кроной» [192, 70], *бужум/бужун* в этом значении в говоре киргизов Баткенского, Ляйлякского районов и т. п.

Третью группу составляют этнонимы *Өзбек-Тоо*, ал., нп., г.; *Өзбек-Гава*, лр., нп.; *Өзбек-Кыштак*, ноок., нп.; *Жаман-Сарт*, лр., нп., пер., р.; *Сарт-Жайлоо*, алб., р., лет.; *Кондук*, лр., нп.; *Кокон-Кыштак*, фр., нп.

АРАБСКИЙ ПЛАСТ

На территории Южной Киргизии, по предварительным данным, насчитывается 77 арабских по происхождению географических имен (не считая вариантов). Нами в арабский пласт условно включены все топонимы, в составе которых имеются слова арабского происхождения.

Эти слова, как и топонимы, по семантическому признаку подразделяются на три группы:

1) названия физогенных объектов. К этой группе можно отнести топонимы, в состав которых входят следующие арабские номенклатурные термины: *бир*, *бер* (<бир) — «источник, колодец» [35, 113]; *берки*, *барка* (<*бирка*, *биркет*) — «озерцо», «пруд» [35, 114]; *бат* (<*вади*, *вад*, *уэд*) — «долина», «русло», «овраг», «река», «поток» [35, 114]; *каса* (<*хасси*, *хиси*) — «каменистая равнина, покрытая песком» [35, 114]; *мажурум* (*мажрим*, *мажрум*) — «плакучая ива» [216, 509]; *пум* (<*фум*, *фам*) — букв. «рот», метафорически «устье» [35, 114]; *шамал*¹ — «север» [54, 13]; *шарк* (<шарк) — «восток»; *мазар* — «священное, святое место»²; *супура*

¹ Относительно происхождения слова *шамал* в тюркских языках мнения ученых разделились. Подробнее см. в [54, 13].

² *Мазар* одни ученые считают арабским [67, 509; 5, 211]. другие — иранским по происхождению [201, 33].

(<суфра) — «скатерть», метафорически «плоский»; *тел* (<тель) — «холм», «бугор», «бархан» [35, 114]; *марказ* — «центр».

Примеры:

бир, *бер*: Бер-Суу, ал., нп., р.; Бир-Суу, ал., р.;

берки, *барка*: Берки-Сай, алб., р.; Баркалак, ар., р.; Борко, ноок., нп.;

бат: Баткен, батк., нп. (Дж. Мукамбаев см. [132] этот эйконим производит из тадж. *бод* «ветер» + *кен* (<согд. *кент* — «город»). Возможно, Баткен арабского происхождения и означает «город или селение в долине»;

каса: Кызыл-Каса, ар., мест., пер.;

мажурум, *мажрим*: Мажурум-Тал (по-узбекски *мажрим*), ош., квартал, улица;

мазар: Алтын-Мазар, ал., нп.; Тал-Мазар, ал., нп.; Мазар, алб., нп.; Белес-Мазар, ляйк., нп.; Казан-Мазар, лр., нп.; Мазар-Арык, ноок., нп.; Мазар, фр., нп.;

пум: Пум, фр., ущ., нп.;

шамал: Шамал-Сай, ал., нп.; Шамалды, жжол., алк., мест., лет; *Шамал-Бел*, фр., пер.; Шамалды-Журт, ал., лет.;

шарк: Кызыл-Шарк, ксуу., нп.; Шарк, ксуу., нп.;

супура: Супура-Таш, сов., мест.;

тел: Тел-Жыгач, алб., нп.;

марказ: Марказ, фр., нп.;

2) названия антропогенных объектов. Сюда входят топонимы, в основе которых лежат слова, относящиеся к объектам, сделанным человеком: *бейит* (<бейт) — «дом», «жилище», «место пребывания» [34, 114]; «могила», «кладбище» [216, 124]; *кала* (<*кала*) — «город», «крепость», [35, 114]; *куба* (<*кубба*, *куббат*) — букв. «купол», метафорически — «гробница мусульманского святого» [35, 115]; *махалла* — «квартал», *мектеп* — «школа»; *медиресе* — «духовная школа», «училище»; *мечит* — «мечеть»; *рабат*³ — «пограничный пост», «укрепление», «крепость», «предместье».

³ «Во всех больших городах внутренняя часть города, шахристан, была окружена особой стеной; рабадом называлось пространство между ней и внешней стеной города. Самое слово рабад первоначально, по-видимому, означало внешнюю стену и часто употребляется в этом значении. Немногие имеющиеся у нас данные об истории отдельных городов особенно сравнительно подробные известия авторов X в. о топографии Бухары показывают, что шахристан был древнейшей частью города, возникшей еще в эпоху исключительного господства земельной аристократии. В рабаде, где сосредотачивались базары, жили представители торгово-промышленного класса. По мере упадка земельной аристократии и возвышения торгово-промышленного сословия жизнь все более и более переходила из шахристана в рабад» [25, 42 и далее 342, 362, 363, 414], также см. [141, 211].

Примеры:

бейит: Ак-Бейит, токт., нп.; Кызыл-Бейит, алк., кладбище; Чет-Бейит, ар., мест.; Кичик-Бейит, фр., мест., р.;

кала: Кала, жжол., нп., р.;

куба: Куба, нп. в Узбекистане, Куба-Сай, фр., р.;

махалла/мэхэллэ/мәәлә: Тажик-Мэхэллэ, ксуу., нп.; Шэхэр-Мэхэллэ, ноок., нп.; Беш-Мэхэллэ, фр., нп.; Дэш-Мәәлә, фр., нп.;

мектеп: Мектеп-Сай, лр., нп.;

мечит: Ак-Мечит, суз., нп.; Арча-Мечит, батк., мест., р.;

рабат: Рабат, батк., нп.; Рабат-Сай, чатк., р.; Рабат-Жакып, батк., нп.; Таш-Рабат, лйяк., нп.;

3) названия местностей, образованные от имен людей по их положению в семье и в обществе, а также некоторые другие. Включенные сюда топонимы в основном религиозного содержания. Кроме того, к этой группе относятся два названия, образованные от этнонима араб: *арап* (<араб); *кожо* (<хаджи) — «почетное звание: совершивший паломничество в Мекку» [35, 115], этноним узбеков; *малик* (<малик) — «владелец, владыка» [201, 70]; *шейит* — «человек, павший за мусульманскую веру» [216, 904], *хазрет* — «святейшее, святейший (титул халифов, пророков, святых)» [67, 26].

Примеры:

арап: Арап, чатк., нп., р.;

кожо: Кожо-Ашкан, батк., нп.; Кожо-Кыштак, фр., нп.; Кожо-Корум, фр., нп.;

малик: Мелик-Суу, фр., нп., р.;

шейит: Шейит, фр., мест., р.; Шейит-Дөбө (Шэйит-Төбө), ош., квартал, ул.;

хазрет: Хазрет-Ата, жжол., нп.; Хазрет-Аюб, суз., родник.

МОНГОЛЬСКИЙ ПЛАСТ

Монгольская топонимия Южной Киргизии содержит в себе два ряда источников-апеллятивов. Первый — это географические имена, в основе которых лежат слова, активно употребляемые как в киргизском, так и в монгольском языках, а также в их топонимии. Второй ряд — это географические названия, восходящие только к монгольскому языку, т. е. киргизские топонимы чисто монгольского происхождения, сохранившиеся только как географические названия.

К первому ряду относятся географические названия, образованные из киргизско-монгольских параллелей в области географической номенклатуры:

монгольские¹

адак — «устье реки», «ручей, сухое русло, долина». Осн. знач. «конец», «нога»

айрак/арак — «ряды холмов, невысоких гор»

агуй — «яма», «пещера»

ангархай/ангар — «щель», «трещина», «расщелина»

арал — «остров», «река»

аршан — «горячий или минеральный источник, ключ»

бэдь — «склон, скат горы ближе к подножию»; «отлогость, косогор»

бэлчир — «место слияния рек, ручьев»

киргизские

аяк — «конец», «низ», «нижняя часть (реки)», в топонимии редко встречается: Аяккы-Сары-Булак в Джумгале [89]; Кызыл-Аяк, ноок., нп.;

айрык (*айры*, *айыр*, *арык*), см. Айры в Прил. № 1;

ср. *жергуй*, см. *Жергуй* в Прил. № 1, 2;

ангар/анархай, см. *ангар* в Прил. № 2, ср. *Кенес-Анархай* в Северной Киргизии;

арал — «часть суши, со всех сторон окруженная водой, остров, место соединения двух рек, узкая полоса земли, где приток впадает в основную реку, а также остров, промежуток между рукавами реки» [74, 13];

арашан — «горячий или целебный источник, родник». Ср.; Арашан, Арашан-Булак в Северной Киргизии;

бел — «горный хребет», «перевал», термин, часто употребляемый в составе топонимии Киргизии: Орто-Бел, Ак-Бел, Ала-Бел, Көк-Бел, Кум-Бел, Бел-Башат, Буура-Бел и др.; *белчир* в Киргизии зафиксирован лишь в составе названий Беш-Белчир. Боз-Белчир, см. В Прил. № 1;

¹ Взяты из работ [80, 131].

болдок — «кочковатая, неровная местность»; «курганчик»
бом — «крутой и высокий мыс, выдающаяся в сторону скала на берегу реки»

борджин/бордзин — «солончаковая грязь, болото»

булак — «родник», «источник», «ключ»

булуң — «излучина», «излучина реки», «залив»: Осн. знач. «кривизна», «угол»
бур — «склон, скат, спуск горы возле самого подножия»

царам — «горное плато», «рытвина на склоне горы»
цоха — «длинное возвышение, сплошь покрытое грядями выветрившихся пород или отдельными громадными камнями»

цель — «равнина» «степь», «пустыня»

чолу — «отдельно, одиноко на равнине лежащий камень», «скала», изредка «гряда камней»

бөлөк, ср. Бөлөк-Дөбө, см. в Прил. № 1;

боом, сохранился как топоним; ср. Боом, ущ., в Северной Киргизии;

ср. Бордун жону, вероятно, это киргизская адаптация монгольского *борджин*. См. ср. Бордун жону в Прил. № 1;

булак, в этом же значении широко употребляется как гидронимический термин, так и в составе топонимии Киргизии;

булуң — «залив», изредка входит в состав топонимов; Ак-Булуң, алк., мест.; Ала-Булуң, ксуу., г.; *боор* — «склон горы», в топонимии; Чоң-Боор, сов., склон, пик; Боор, сов., мест.; Боор-Теке, токт., пик, пер., мест., р.; ср. Сайрам, мест.;

ср. Сох (?), батк., р.;

чөл — «пустыня», в топонимии Южной Киргизии не встречается;

чулу — «крепкий, прочный, кряжистый»; *чулу таш* — «крепкий, твердый камень», также ср. Чулу-Таш, нп.;

даван — «перевал (обычно высокий, в противоположность — *хөтуль* — «невысокий перевал, холм, покатошь»)

дэль — «острая вершина хребта, каменистая грива». Осн. знач. — «грива»
добо — «небольшая горка, холм, курган, насыпь»

добоцок — «холм», «бугор», «холмик»

дөбөк — «вершина горы», «пик»

дюль — «скат, спуск, ровное место на скате горы, холма»

гоо — «ров, канава»

гэчур — «скат», «обрыв», «неровное место»

йол — «большая гора»

мёрун — «большая река», «поток»

нуура — «пропасть, обрыв, каменная осыпь»

даван — «горный перевал (обычно высокий, в противоположность — *бел, ашуу* (см. в Прил. № 2, также [196, 195—200], ср. Донуз-Даван, ал., пер.; *жал* — «гряда горная», ср. Жал, батк., мест.;

дөбө — «холм», в топонимии встречается часто как составная часть; Дүйшө-Дөбө, Орто-Дөбө, Кош-Дөбө, Кара-Дөбө, Чеч-Дөбө, Кочкор-Дөбө и др.;

дөбөчөк — «небольшой холм»; в такой форме термин *дөбөчөк* отсутствует в топонимии Южной Киргизии;

ср. Ак-Төбөк, фр., пер., ледн., р.;

ср. Жуул-Кыр, сов., пер.;

коо/ков — «ложбина», «яма», ср. в топонимии: Кыр-Коо, ал., мест.; Адыр-Коо, батк., мест.; Коо, алк., мест., ложбина; Коочаты, алк., нп.; Сыр-Коо, лр., нп.;

ср. Качуура, алк., г., ср. и другое объяснение оронима в Прил. № 1;

ср. Ак-Жол, токт., г.; Кыр-Жол-Сай, алб., р.; Кичи-Ак-Жол, чатк., р.; Жол-Чырак, ксуу., мест.; Жол-Жай, фр., мест.;

ср. Көкөмерен, р. [см. 73, 95];

ср. Нура, узг., нп., г.; Нуура, ал., р. также см. [73, 100—101];

нуху — «яма», «пещера»
ой — «всякий лес»; «ро-
ща» (малоупотребитель-
но)

өндүр — «всякая вершина
(вообще)»

сайр — «сухое русло вод-
ного потока»

сала — «углубление меж-
ду пригорками, бал-
ка, иногда отрог горы,
холм». Осн. знач. «ветвь»,
«отдел», «часть»

сондок — «небольшой,
сложенный из глины
холм с обрывистыми стен-
ками, поросший поверху
кустарником»

сувук — «сухое русло
водного потока», «кана-
ва», «ров»

шалба/шалбак — «пруд,
лужа»

шивэ/шибэ — «горы с ос-
трыми зубчатыми верши-
нами». Осн. знач. — «из-
городь», «часток»

шор — «солончак с ма-
лым количеством соли»

тала — «равнина», «ров-
ное место», «степь»

тэбиш — «плоская гора
с мягкими контурами». Осн. знач. — «блюдо»,

ср. Нуку-Таш, узг., нп.:
ой — «низина», «впади-
на», «котловина»; входит
в состав многих топони-
мов;

өндүр — «ложбина», «до-
лина реки»; в топонимии
редко встречается;

сай — «высохшее или
подсыхающее русло ре-
ки», «ложбина»; входит в
состав многих топонимов;
салаа — «ложбина, лож-
бинка в горах, по которой
стекает талая или дожде-
вая вода», ср. в топони-
мии: Куру-Салаа, фр.,
ник;

ср. Сандык, чатк., г.; Же-
ти-Сандык, чатк., г., р.;
Чоң-Сандык, Кичи-Сан-
дык, чатк., г., р.;

ср. *Сөөк.*, алк., р., также
см. [74, 16];

шалбаа — «луг», в топо-
нимии: Шалбаа, ал., нп.;
Түрк-Шалбаа, ал., нп.;
Шалбаа, фр., нп.;
ср. Шибэ, ал., нп.; Шибэ-
Даван, ал., пер.;

шор/шоро — «солончак»,
в топонимии: Кум-Шоро,
ал., нп.; Кара-Шоро, ал.,
нп., Шоро-Булак, ал., нп.;
Жан-Шоро, ал., нп.;
талаа — «степь», «поле»,
в топонимии широко упот-
ребляется;

тепиш — «корыто», в то-
понимии: Тепши, токт.,
ал., лет., г.; Тепши, чатк.,

«корыто»

тохой — «излучина, изгиб
реки, ручья, залив». Осн.
знач. — «локоть»

ула, ала — «одинокая го-
ра или горный узел» (об-
щее название для всякой
возвышенности)

урцак/орцок — «отдель-
но, одиноко возвышаю-
щаяся вершина, пик по-
среди равнины»

уюр — «поток воды, выз-
ванный внезапным дож-
дем (в Гоби)», «разлив»,
«наводнение»

хабцагай — «узкое ущелье», «падь», иногда «кру-
тая скала», «утес»

хабцал — «ущелье, тес-
нина, горный проход, глу-
бокое ущелье у подножия
горы, балка»

хада/хая — «скала, ска-
листая вершина, утес»

хак — «солончак, высох-
шее солончаковое болото,
солончаковая грязь»

хамар/хабар — «выступ
горы между долинами,
ущельями, мыс, отрог». Осн. знач. — «нос»

хара/хира — «низкий гор-
ный массив»

хашат — «огороженный
колодец»

хонгиль — «узкое ущелье,
«падь», Осн. знач. — «впа-
дина, углубление»

р.; Тепши-Сай, алб., р.;
Тепши, алк., лет.;
ср. Бөрү-Токой, см. в
Прил. № 1;

ср. Ула, узг., пер.;

урчук — «отрог горы,
спускающийся узкой по-
лосой», ср. в топонимии:
Көк-Урчук, Кызыл-Урчук,
алк., мест.;

үйөр — «бурный весенний
горный поток»;

капчыгай — см. в Прил.
№ 2, ср. Капчыгай, токт.,
ущ., р., нп.; Жер-Капчы-
гай, жжол., нп.; Капчы-
гай, ноок., нп.; Ак-Капчы-
гай, чатк., г., пер.; Кап-
чыгай, сов., ущ.; Ак-Кап-
чыгай, фр., р.;

каптал, капчал, см. в
Прил. № 2;

ср. Кады, лр., р.; Куду-
Сай, токт., р.; Куду, суз.,
нп., см. Прил. № 1;
как, см. в Прил. № 2;

ср. Камыр-Бел, токт.,
пер.;

см. [72, 114];

кашат — «высокий бе-
рег»;

коңул — «небольшое уг-
лубление, впадина»;

хедо — «место, где много
травы и воды»
худук — «колодец»

худжир — «солонец»
хунхур — «впадина, лож-
бина, низина, овраг»

джалга — «рытвина, ка-
нава, узкий лог», «впади-
на, сухое русло»

Ко второму ряду относятся топонимы чисто монгольского происхождения.

Проиллюстрируем это на следующих примерах:

Ак-Эчки, в горах Сары-Джаза, пер.; *Эчки-Төр*, *Жаман-Эчки*, в Нарынской области, в южных горах Чуйской долины, Таласа, пер., г., р., мест., ледн. В указанных географических названиях компонент *эчки* восходит к монг. *эгц* — «крутой, отвесный, вертикальный» [131, 666], в смысле «гора»¹. Таким образом, *Эчки-Төр* — «отвесное горное пастбище», *Жаман-Эчки* — «плоская», в значении «недоступная, вертикальная гора».

Алай, ал., дол. От топонима Алай образованы несколько имен: *Алай тоолору* — «Алайские горы», *Заалай кырка тоосу* — «Заалайский горный хребет», «*Чоң-Алай*» *совхозу* — «совхоз „Чон-Алай“», *Алай району* — «Алайский район», «*Алай*» *мейманканасы* — «гостиница „Алай“» и др.

О долине Алай написано немало. Махмуд Кашгарский писал, что «Ала — летовка вблизи Ферганы» [124, т. 1, 110]. В XIII в. Марко Поло восхищается: «... три дня едешь на северо-восток, все по горам, и поднимаешься в самое высокое, говорят, место в свете. На том высоком месте между двух гор находится равнина, по которой течет славная речка. Лучшие в свете пастбища тут, самая худая скотина разжиреет здесь в десять дней» [92, 76].

¹ Автор благодарен К. Сейдакматову поделившемуся с ним мнением о монгольском происхождении некоторых киргизских топонимов с компонентом *эчки*.

көдөө — «ковыль-волоса-
тик»;

кудук — «колодец», вхо-
дит в состав как монголь-
ских, так и киргизских то-
понимов

см. [72, 114—115];
см. [74, 15], также ср.:
Конур-Дөбө, токт., лр.,
суз., сов., ал., пик, р.;
Конур-Бука (ср. с Ала-
Бука), чатк., пер.; Ко-
нурук, лр., мест.: Конур,
фр., р.; Конур-Суу, ал.,
р.;

жылга, см. в Прил. № 2.

Из современных ученых, о топониме Алай писали Э. М. Мурзаев и Х. Х. Хасанов. «Алайская долина, — пишет Э. М. Мурзаев, — широко известна в Средней Азии. Ее просторы, высоко лежащие в горах над уровнем моря, протянулись между Алайским и Заалайским хребтами. ...Между тем оно (слово *алай* — К. К.) не одиноко в горах Южной Азии. Сравним: Гималай, Непал (Нип-алай), горы в Индии Анамалай и Нилламалай. «Алай» в санскрите — жилище, обитаемое место. Гималаи — жилище снегов. Такой перевод хорошо отражает географическую действительность этих высочайших снежных гор. Нипалай (Непал) — жилище у подножья горы. Как известно, эта страна расположена в Гималайских горах, а ее наиболее населенные центры (долина Катманду и др.) лежат у подножья главного хребта Гималаев. Представляется, что название «Алайская долина» имеет такое же происхождение и означает обитаемое, жилое место, жилище, каким оно в действительности всегда было» [135, 40—41]. Мнение Э. М. Мурзаева поддерживает Н. М. Мельхеев [126, 7]. Х. Х. Хасанов также пишет, что слово *алайя* в санскрите означало «страна, место», а Алайская долина — пастбище [207, 49]. Ср.: монг. *налай* — «равнина, пространство, широта» [131, 260].

Ар-Дөбө, узг., мест., р., Ср. с монг. *ар* — «задняя (или теневая) сторона», «северная сторона (горы)»; *уулын ар* — «северный склон горы»; «северный»; *ар Монгол* — «северная Монголия» [131, 40] и тюрк.-монг. *дөбө*, *дөв* — «холм», «сопка», «северный холм или задняя (теневая) сопка»; также ср. кирг. *ар*, см. Кызыл-Аңгел.

Бордун жону, сов., г. Топоним восходит к монгольскому *боржин* — «гранит», «гранитный», [131, 77]. Киргизская форма *Бордун жону* является результатом адаптации. Это доказывается тем, что *Бордун жону* в значении «меловой хребет» в киргизском языке не встречается. Неясность значения топонима объясняется еще и тем, что в подобных изофетных конструкциях употребляются слова, обозначающие живые существа или какую-нибудь их часть (например, *койдун жону* — «спинной хребет овцы», *аттын жону* — «спинной хребет коня» и т. д.). В киргизском языке никогда не употребляются словосочетания *тоонун жону*, *адырдын жону* или *таштын жону* (в русском переводе звучит как «хребет горы, холма, камня»). Вместо них говорят *тоонун башы* или *тоонун чокусу*, *адырдын үстү*. Таким образом, *Бордун жону* — *боржин* — «гранит», «гранитный» — восходит к монгольскому языку. На горе, называемой *Бордун жону*, имеются каменные россыпи, скалы, образованные из беловатых камней.

Будалык, ал., нп. Топоним образован от монгольского

буудал — «стоянка», «стан», «становище» [131, 90] и древнетюркского уменьшительного аффикса *-ык* [59, 660]. Будалык — небольшая стоянка, становище. Возможно, Будалык по происхождению древнетюркское. Ср. монг. *буудал* — «стан», «стоянка», «становище», кирг. *буйдал* — «немного задержаться», «замешкаться». А аффикс *-ык* семантически близок к аффиксу уменьшительности *-чук* [113, 94]. В современном киргизском языке, напр., *борчук* — «небольшая острая скала на гребне горы», *урунчук* — «выступ», *урчук* — «острый выступ горы».

Кады, лр., г.; Куду-Сай, токт., р. Компоненты *кады*, *куду* ср. монг. *хадны* — «скальный», «каменный». В южном диалекте киргизского языка местный термин *кадуу* употребляется в усеченной форме *кады* [220, 273]. Вероятно, оно легло в основу оронима *Кады*, возможно, и Куду-Сай. Ср. *Кады*, Куду-Сай с северокиргизскими *Кады*, *Кады-Булак*, *Кадоо* [74, 15].

Кан-Коргон, алк., небольшое ущелье, нп. Название является киргизской адаптацией монг. *хомгорхон* (уменьшительное от *хомгор*) «что-либо с несколько суженными краями отверстия» [131, 535], метафорически — «ущелье, открытое только с одной стороны (суженное с одной стороны скалистой, отвесной каменной грядой, с остальных сторон — горами)».

Карагер, жжол., нп. Ср. компонент *гер* с монг. *хээр* — «открытое поле», «степь» [131, 595]. В настоящее время тюрк.-монг. *кара*, *хара*, *хира* кроме «черный» означает еще «большой», «великий», «сопка», «холм», «небольшая гора», «земля», «суша»¹. Поэтому можно считать, что южнокиргизский эйконим *Карагер* означает «большое открытое поле, степь». Существует еще одно подтверждение употребления монг. *хээр* в топонимии Киргизии. До настоящего времени киргизы пользуются устойчивым словосочетанием *кер өзөн* относительно топонима *Чүй* — *кер өзөн Чүй*, подразумевая под ним величину Чуйской долины, ее плодородные поля, степи. Чуйская долина действительно огромная, открытая широкая долина, значение топонима которой хорошо отражает монг. *кер* (<*хээр*) *өзөн*. Можно даже предположить, что *Кер-Өзөн* и *Чүй* — данные в разное время разные названия одного и того же объекта, из которых впоследствии сохранилось одно.

Кара-Кочкор, сов., впадина, нп. Ср. тюрк.-монг. *кара* — «большой» (см. *Карагер*) и монг. *хотгор* — «впадина» [131, 543]. Таким образом, *Кара-Кочкор* — «большая впадина».

¹ Подробнее об этом см. [43, 128; 80, 27; 106, 84; 102, 137; 95, 27; 15, 32 и др.].

«равнина», «поле». Ср. также Кочкор в Нарынской области [74, 15—16].

Качуура, сов., г., лет. Название происходит от монгольского *гачуур* — «ель» [131, 116] и *-а* (?). Гора и ущелье, которые носят это название, покрыты тяньшанскими елями.

Сары-Бээ, сов., холм, бугор, нп. Название образовано от монгольских *саруу* — «кривой», «косой» и *гувээ* — «бугор», «холм» [131, 128, 351]. С течением времени в результате адаптации в киргизском языке это название стало звучать как *сары* — «желтый», *бээ* — «кобыла». Данный топоним, конечно, трудно связать с указанными словами. Местность, носящая название *Сары-Бээ*, представляет собой большую труднопреодолимую гору, которую путники обходили стороной. *Сары-Бээ* — «кривой бугор, холм, гора».

Сыйдам, сов., мест. Ср. с монг. *цайдам* — «солончак, солончаковая местность» [131, 702]. Ср. мнения ученых о *цайдам*: «Слово это тибетское и означает «соленое болото» или «соленая грязь», что весьма метко характеризует эту обширную равнину», — разъясняет значение слова «цайдам» Цыбиков в своей книге «Буддист-паломник у святынь Тибета» [57, 25]. «Цайдам — впадина в Китае на СВ Тибетского нагорья. Тибет — «соленая грязь»; монг. «солончак» [127, 459], «соленое болото» [223, 188], подробнее о Цайдам см. также [141, 178—179].

Улан-Булак, алб., р.; *Улан*, фр., р. Ср. с монг. *улаан* — «красный» [131, 450] — «красноводный родник» [типа кирг. Кызыл-Булак, Кызыл-Суу (*кызыл* — «красный» в топонимах из-за красного цвета воды, что в свою очередь объясняется цветом глины, земли)] — «красноводная река». Возможно и другое: ср. *уул(ан)* — «гора» [131, 466] — «горный родник»; «горная река».

Кроме того, в топонимии Южной Киргизии нашли отражение некоторые этнонимы монгольского происхождения: Сарык-Могол, ал., нп.; Могол, лр., нп.; Мангыт, ар., нп.; Каңды, ар., фр., нп.; Найман, Жийде-Найман, Кара-Найман, Нарайы-Найман, ноок., нп.; Найман, ар., нп.; Беш-Найман, ксуу., нп.; Найман, суз., нп.; Кутчу, жжол., нп.; Кутчу, ксуу., нп.; Төш-Кутчу, суз., нп.; Конурат, ксуу., нп.; Муркут, ноок., нп.; Калмакы, ноок., нп. Калмак-Кырчын, суз., нп.; Калмак-Ашуу, сов., пер.; Нойгут, ноок., нп. и т. д.

«Монгольские и тюркские лексические соответствия делятся на две группы слов. Одна из них «первичная», восходит к глубокой древности, к языку — основе этих языков, другая, «вторичная», появилась в результате взаимных политических, экономических и культурных связей между мон-

голами и тюрками» [149, 8]. К «первичной» группе из собранных нами материалов относятся такие географические термины (участвующие в монгольских и в киргизских топонимобразованиях), как *адак—аяк, айрик—айрык, арал—арал, бэль—бел, булук—булак, булуң—булуң, бур—бор, дэль—жал, добо—дөбө, ой—ой, өндур—өндүр, сайр—сай, сала—салаа, шалба—шалбаа, тала—талаа, жалга—жылга* и др. Во вторую группу киргизских топонимов, монгольских по происхождению, входят *Ак-Эчки, Ар-Дөбө, Бордун жону, Будалык, Кады, Кан-Коргон, Карагер, Кара-Кочкор* и другие, а также этнонимы монгольского происхождения. Вторая группа монгольских топонимов тесно связана с существованием монгольского языка в Средней Азии, в частности в Киргизии.

Распространение и исчезновение монгольского языка в Средней Азии, по мнению Ц. Д. Номинханова, охватывает следующие периоды:

1. XIII—XV вв. — существование монгольского разговорного языка в «чистом» виде;
2. XV—XVI вв. — распространение монголо-тюркского двуязычия у джигатаидов. Условно этот период называют «шейбаниада»;
3. Период после XVI в. — победа тюркских языков над монгольским [149, 14].

Киргизские географические имена, образованные из монголо-тюркских (киргизских) апеллятивов, вероятно, восходят к общности тюрко-монгольских языков; вторая группа монгольских топонимов появилась в результате указанных исторических событий.

РУССКИЙ ПЛАСТ

Русской топонимии на территории Киргизии посвящена диссертационная работа Н. П. Бутенко «Русские собственные имена в Киргизии и некоторые вопросы взаимодействия языков» [42]. В ней выявлены характерные типы искажений при транскрипции киргизских географических названий на русский язык: разноречив в передаче специфических звуков киргизского языка *-н (нг), ж(дж), ө, ү, өө, үү*. Эти звуки, по Н. П. Бутенко, передаются: *н—н* или *нг* (Теңизбай — Тенизбай, Жаңы-Булак — Джанги-Булак, Жаңгак — Жангак); *ж—ж* или *дж* (Жаңы-Булак — Джанги-Булак, Жаңгак — Жангак), *ө—ё, о* или *у* (Көк-Таш — Кок-Таш, Ак-Төбө — Ак-Тюбе (ө еще передается через *ю*, автор приводит пример, но не отмечает), Кыз-Көл — Кыз-Куль и т. д. [42]. Вместе с тем в данной работе имеются некоторые неверные сведения. Так,

утверждается, что в составе русской топонимии Киргизии употребляются полностью калькированные или полукалькированные смешанные киргизские географические имена: р. Большой Нарын, Восточный Каракол, Чон-Кемин — Большой Кемин, Кичи-Кемин — Малый Кемин, Орто-Урюкты — Средние Урюкты, р. Орой-Суу — р. Сердитая и т. д. Эти гидронимы употребляются в речи местных жителей как Чон-Кемин, Кичи-Кемин [русская передача Чон- (иногда Чонг)] Кемин, Кичи-Кемин, а не Большой Кемин и Малый Кемин и т. д.

Кроме того, Н. П. Бутенко пишет, что «арабские слова составляют некоторый пласт в киргизском языке и встречаются даже в топонимике, например, в названиях Шайман-Тийбес..., где шайман — араб. „ветер“» [42]. Неправильно написан топоним Шамал-Тийбес, превращенный в арабский (киргизский) шайман. Автор также пишет, что «...бывшее село Кольцовка (на южном берегу Иссык-Куля) в честь родившегося здесь киргизского поэта Дж. Боконбаева переименовано в с. Боконбаевское» [42]. В действительности же Дж. Боконбаев родился в с. Мазар-Сай Токтогульского района¹, а в 1944 г. во время служебной командировки он трагически погиб при автомобильной катастрофе² в Иссык-Кульской области. Подобные неверные сведения, к сожалению, имеют место в данной работе.

Русская топонимия Южной Киргизии начала формироваться после вхождения последней в состав России, т. е. с февраля 1876 г. [77]. С этого времени на территории Южной Киргизии появляются первые переселенцы из России, в результате чего образуются такие русские селения, как Успенковка, жжол., нп.; Старая Покровка, узг., нп.; Архангельское, Сафаровка, Михайловка, Дмитриевка, Подгорное, Спасовка, Гавриловка, Благовещенка, Семихатка, суз., нп.; Алексеевка, токт., нп. Несколько раньше в результате экспедиций А. П. Федченко, В. Ф. Ошанина и Н. А. Северцова, И. В. Мушкетова и Н. Л. Корженевского появились названия *пик Скобелева, ледник Федченко*, (открыты в 1878 г. В. Ф. Ошаниным), *пик Кауфмана* (открыт в 1871 г. А. П. Федченко; в 1928 г. по предложению участников Памирской экспедиции АН СССР переименован в пик Ленина); *Ольгин луг* — урочище, названное в честь жены А. П. Федченко — Ольги Александровны Федченко, сопровождавшей

¹ Самаганов Дж. Писатели Советского Киргизстана.—Фрунзе, 1969, 175.

² Там же, 176.

исследователя во всех его путешествиях в качестве художника [см. 58, 9, 19] и др.; позднее *Метрей-Бел* (<Дмитрий), ал., пер., *Орус-Булак*, фр., нп. и др.; ойконом *Семихатка*, вероятно, образован от украинского *хата*. Следует отметить, что украинское население составляло значительную часть переселенцев.

Небезынтересно появление одного киргизского оронима. Так, А. П. Федченко — выдающийся русский ученый-путешественник, посетивший в 1868—1871 гг. Южную Киргизию, пишет: «Описание перехода через перевал Кизил-Арт, данное мне многими туземцами, заставляет именно предположить, что на востоке этот хребет имеет по крайней мере седловины, лежащие ниже снеговой линии; переваливая через Кизил-Арт именно переходят через этот хребет. Кстати о названии этого хребта: на месте за неимением туземного названия я обозначил его именем *Заалайского хребта*. Генри Юль в своей монографии¹ о Оксусе предлагает называть его Кизил-Артом. Но мне представляется, что это недостаточно обосновано. Кизил-Артом называется только перевал и притом самое слово *арт* значит перевал (*кизил* — значит красный). Кроме Кизил-Арта много перевалов в Тянь-Шане обозначаются словом *арт* с прибавлением разных нарицательных, например, *Агарт*, *Гезарт*, *Кукарт* и поэтому едва ли удобно переносить это название на целый горный массив. Поэтому я до выяснения строения и отношений виденного мною горного массива предлагаю оставить название *Заалайский*» [202, 145—146]. Этим географическим именем, введенным в 1871 г. А. П. Федченко, и теперь называют южный длинный хребет от Алайской долины. Кстати таких книжных названий, как *Заалайский хребет*, в топонимии Средней Азии немало. Об этом пишет и Э. М. Мурзаев: «Географическая наука в целях систематизации физико-географических районов, ландшафтных областей, в целях отличия одноименных названий для разных объектов пошла по пути наращивания прилагательных и приставок, принимаемых и среднеазиатскими географами. Так появились названия *Заалайский хребет*, *Туркменские Каракумы*, *Западный Узбой*, *Келифский Узбой*, *Сырдарьинский Каратау*» [141, 216]. Далее он продолжает: «...многие названия основных горных хребтов, принятые в современной географии и картографии, возникли как искусственные книжные образования. В их основе как правило лежат местные географические термины или собственные

географические названия отдельных сравнительно небольших топографических объектов. Другими словами, местное население первоначально пользовалось видовыми категориями, куда относятся имена отдельных приметных вершин, перевалов или рек, собирающих воды с тех или иных гор, а обобщение, пришедшее со временем, расширило рамки называемого объекта. К таким книжным оронимам, получившим признание со второй половины XIX в., можно отнести названия хребтов Алайского, Заалайского, Заилийского, Туркестанского, Ферганского, Зеравшанского, Гиссарского и многих других.

Рассмотрим эти оронимы. Алайский и Заалайский хребты окаймляют Алайскую долину, название которой и распространилось на эти два высоких среднеазиатских хребта. П. П. Семенов-Тянь-Шанский во время своего тяньшанского путешествия увидел передовой хребет на юге от реки Или, т. е. за рекой Или по ходу маршрута экспедиции. Так возникло имя Заилийского Алатау. Туркестанский хребет стал именоваться по области Туркестан — типичная русская оронимическая форма; Ферганский хребет — по Ферганской межгорной впадине, Зеравшанский — по р. Зеравшан, Гиссарский хребет — по лежащей на юге от него Гиссарской долине» [141, 220]. Это название местностей, не имеющих имени, от имен близко лежащих рек, хребтов, гор, долин является одним из способов образования русской топонимии в Средней Азии, в том числе в Южной Киргизии.

Другая русская по происхождению небольшая группа названий появилась в результате киргизской адаптации русских собственных имен, например, *Метрей-Бел* (<антропонима Дмитрий), *Орус-Өлгөн*, *Орус-Булак* (<русский), *Жүркүн*¹ (<фамилии Юркин). Все эти названия образовались в 20—30-е гг. Другой ряд оронимов появился примерно в это же время в результате научных экспедиций в Южную Киргизию, в частности в районы Памиро-Алая. В основном это названия ледников, пиков, хребтов: *Коллектор*, фр., г., пер.; *Заря Востока*, ал., пик; *Черный*, ал., пик; *Ворота*, ал., пер.; *Шуровский*, ал., ледн.; *Ленин*, ал., пик, ледн.; *Пограничниктер*, ал., пик, ледн.; *Свердлов*, ал., пик; *Цюрупа*, ал., пик; *Абрамов*, ал., ледн.; *Иванов*, ал., ледн.; *Корженевский*, ал., ледн.; *Леваневский*, ал., ледн.; *Ливанский*, ал., ледн.; *Клюк-ва*, батк., ледн.; *Райгородский*, батк., родн.; *Сомский*, батк., ледн.; *Шимановский*, батк., ледн.; *Дугов*, *Егоров*, фр., пер., ледн., и др.

Небезынтересны некоторые сведения о номинации Пами-

¹ [Генри Юль]. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи Генри Юля. / Пер. с англ. О. А. Федченко с дополн. и примеч. А. П. Федченко, Н. В. Ханькова и Г. Юля. — СПб., 1873.

¹ Об эйкониме *Жүркүн* подробнее см. в Прил. 1.

ро-Алайских ледников, пиков, перевалов и т. п. участниками Памирской экспедиции 1928 г. Топограф этой экспедиции И. Г. Дорофеев в недавно выпущенной книге «На заоблачных высотах» [58] вспоминает следующие топонимические факты, которые имеют немаловажное познавательное и воспитательное значение при изучении школьных курсов географии, истории, киргизского языка в школах Киргизии.

«...Ледник оказался немалым: его длина 19,5 километров, ширина — 900—1000 метров, площадь 89 квадратных километров. Я предложил назвать его ледником Корженевского¹ и это было принято руководством экспедиции» [58, 20, 23]. И далее: «Ледник спускался по долине, зажатой с востока и запада высокими хребтами. К нему по каждому ущелью с этих хребтов спускались ледники длиной от трех до десяти километров. На восточном хребте я насчитал 5, а на западном — 7 ледников. Ледник, по которому шли, брал начало с Заалайского хребта. Мы поражаемся его ветвистости и высоте вершин по его сторонам — до 6780 метров.

...И вот работа закончена, составлена карта. Длина основного ствола ледника — 17,6 км, ширина — 700—2000 м, площадь оледенения — 116 кв. км. Это мое первое географическое открытие, и мне предоставлено право дать ему название. Я решил посвятить свои открытия Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества, а мне, деревенскому мальчишке, — путь к науке. Так на моем планшете появились надписи: „Ледники Октябрьские“ и „Пик Октябрьский“ — с отметкой 6780 метров. Эти названия позже были приняты руководством экспедиции и утверждены Академией наук СССР» [58, 34]; «На моих планшетах появились новые названия: пики Володарского, Урицкого, Веры Слуцкой, ледник Володарского» [58, 38]; «Я предложил дать название хребту, идущему между долинами Байгашкой и Караджилгой, — хребет Коммунаров. Это название впоследствии также было утверждено Академией наук. Длина хребта около 20 км, а высоты вершин достигают 5500 м» [58, 38]; тогда же появились следующие названия: Ледник Горбунова², Наливкина³, перевал Шмидта⁴ — «У меня предложение, товарищи, — заговорила Розмирович. — Давайте назовем этот

¹ Николай Леопольдович Корженевский — первооткрыватель этого ледника в Заалайском хребте в 1926 г.

² Н. П. Горбунов, соратник В. И. Ленина, руководитель Памирской экспедиции 1928 г. [58, 61].

³ Д. В. Наливкин — исследователь Памира, известный геолог, академик [58, 73].

⁴ О. Ю. Шмидт — участник Памирской экспедиции, руководитель советских арктических экспедиций, крупный ученый, Герой Советского Союза [58, 111].

ледник, на который первыми ступили наши товарищи красноармейцы, ледником Красноармейским» [58, 120] и др.

Ныне на территории Южной Киргизии существуют многие населенные пункты, носящие имена выдающихся вождей революции — В. И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, Н. К. Крупской, М. В. Фрунзе, Я. М. Свердлова, С. М. Кирова, М. И. Калинина и др. Например, Ленинское, узг., пос., Ленин, сов., нп., Маркс, ксуу, нп., Энгельс, лр., нп., Киров, сов., нп., Фрунзенское, фр., нп., Фрунзе, ксуу, нп., Калинин, сов., нп. и многие другие.

Имеются также такие ойконимы, как Октябрьское, суз., нп., 1 май, сов., нп., Красный Маяк, уз., нп., Советское, лр., сов., нп., Социализм, жжол., нп., Обкомол, Комсомол, узг., нп., Разъезд, фр., нп. Гостутопитомник, лр., нп., Октябрь, узг., нп., и другие, восходящие к русскому языку.

Русской топонимии в Южной Киргизии присущи те же языковые средства и способы, что и русской топонимии вообще. Наиболее полно вопросы русской топонимии в Киргизии освещены в работе Н. П. Бутенко [42].

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ, НЕ ПОДДАЮЩИЕСЯ АНАЛИЗУ

Значения некоторых названий южнокиргизской топонимии при сравнительном анализе объясняются на базе тунгусо-маньчжурских языков. Вероятно, эти факты либо отдаленной близости киргизского и тунгусо-маньчжурских языков, либо перенесения в прошлом топонимов киргизами из Южной Сибири, Монголии, когда последние имели связь с тунгусо-маньчжурскими племенами в этих районах.

Ала-Бука, алб., нп. Вероятно, второй компонент восходит к тунгусо-маньчжурским буге — «поле», «степь»; бууа — «местность», «бугор»; бугъндъ — «гора» [177, 81, 100—101, 102]. Считается, что компонент ала (кстати он входит в состав многочисленных тюркских географических наименований) в топонимии Казахстана и Киргизии означает «великий», «большой» [95, 9; 74, 10—11] и «гора» [98, 28—31]. В этом плане представляют интерес тунгусо-маньчжурские алан — «горный перевал»; алакит — «горный перевал»; ала — «лощина», «лог», «низкие горы», «перевал», «необитаемое место», «пригорок», «холм», «гора» [177, 27—28].

Бир-Суу, ал., р. Ср. тунг.-маньчж. бира — «река», «маленькая речка», «ручей», «ключ», «залив» [177, 84], также кирг. бир кол, бир кол суу — «глубокое место (в реке)». Возможно, что кирг. бир этимологически связано с тунг.-маньчж. бира. Ср. также гидроним Биле-Суу в Алайской долине.

Бор, *Бордун жону*, алк., г. Ср. тунг.-маньчж. *бор* — «горка (покрытая стлаником)»; *бори* — «каменная сопка», «вышенность» [177, 95]. Ср. и другое толкование оронима *Бордун жону* (в Прил. № 1).

Босого, ал., батк., г., пер.; *Ак-Босого*, ал., мест., нп. Ср. *босого* с тунг.-маньчж. *босого* — «склон горы» [177, 97]. В составе топонимии Южной Киргизии имеются названия, образованные от кирг. *босого* — «дверная рама, дверная коробка», «порог», — например, *Босого-Таш*, токт., скала, р. — «камень похожий на *босого*». Однако объяснить значение названий *Босого*, *Ак-Босого* на основе кирг. *босого* было бы неправильным, потому что именно горные склоны названы этими словами. Это мнение подтверждается значением монгольского топонима *Босогон-Булак* (<*босого*(н) — «крутой склон горы») [223, 190].

Куран, ал., мест., р. Ср. эвенк. *гуран* — «низина», «безлесное место» [177, 173]. Этимологически вероятно близки якут., эвенк. *куран* — «засуха» [177, 435] и кирг. *жалган куран* — «март», *чын куран* — «апрель».

Жыпка, алк., мест. Ср. с тунг.-маньчж. *жапка* — «берег» [177, 250]. Возможно, ареал местного термина *жыпка* со значением «берег реки», «укромное место», ограничен.

Көңдүк, алк., уш., нп. Ср. с тунг.-маньчж. *кунтикэ* — «холм», «бугор», «сухое место сфагновой тундры (удобное для стоянки)»; «поляна (на берегу реки)»; «поляна», «луг», «степь», «ровное место», «берег (реки)», «долина» [177, 434], также ср. монг. *хөндүй* — «широкая долина, пещера» [80, 28].

Все указанные географические названия не этимологизируются на базе киргизского и близких ему тюркских языков. Следует отметить, что признаки, послужившие для номинации объектов, хорошо объясняются лексическими средствами тунгусо-маньчжурских языков. Кроме географических наименований отмечены три собственные имена, восходящие к тунгусо-маньчжурским языкам. Например, *Аси*, ср. тунг.-маньчж. *аси* — «женщина», «девушка», «девочка», «красавица»; *Адан*, ср. «выстрел»; *Багдагул* (это имя встречается и в киргизских эпосах, сказаниях) — «белый» [177, 14, 55, 62].

Кроме названных топонимических пластов в составе южнокиргизской топонимии имеется множество названий, пока не поддающихся анализу: *Пскем*, чатк., г.; *Тоялмыш*, чатк., г.; *Касан-Сай*, алб., р.; *Чура-Сай*, алб., р.; *Шаник*, токт., пер.; р.; *Керей-Суу*, токт., мест., р.; *Коргон-Шаник*, токт., нп.; *Чарчай*, токт., р.; *Шарба*, чатк., р.; *Намек*, алб., пик, р.; *Бутанза-Сай*, алб., р.; *Явазар-Сай*, алб., р.; *Балек-Чал*, жжол., р.; *Турдун*, жжол., р.; *Чакар-Төр*, жжол., р., г.; *Шолке*, лр.,

мест.; *Испу-Жайлоо*, лр., г., лет.; *Чеш*, лр., мест.; *Кодур*, узг., пик; *Телки-Булак*, узг., р.; *Узгун*, узг., р.; *Кара-Суран*, ал., пик; *Чымкай-Тоо*, фр., г.; *Озгур*, ксуу, нп.; *Ош*, гор. и др.

Интерпретация топонимии определенного региона в диахроническом срезе важна тем, что она в известной степени дополняет сведения о языковых взаимосвязях народов, об истории, этнографии, географии и т. п. в прошлом. Такие сведения, полученные на топонимическом материале в данной главе настоящей работы, на наш взгляд, немаловажны и в киргизоведении.

Таким образом, в составе топонимии Южной Киргизии выявлены пять основных пластов, хронологический порядок возникновения которых следующий: иранский, тюркский, арабский, монгольский, русский.

Иранский пласт в настоящее время является самым древним и состоит из согдийско-ягнобского и таджикского подпластов. Многие из его географических имен могли появиться и в более позднее время.

Тюркский пласт — основная часть топонимии Южной Киргизии. Он состоит из древнетюркского, собственно киргизского, южносибирского (алтайского, тувинского) и уйгурско-узбекского подпластов.

Топонимы арабского происхождения немногочисленны. Они начали «проникать» в топонимию Южной Киргизии с распространением в данном районе ислама.

Географические имена монгольского происхождения в топонимии Южной Киргизии появились как в результате исконно родственных взаимосвязей монгольского и киргизского языков, так и в связи с нахождением монгольских племен в течение длительного периода (XIII—XVII вв.) на территории Средней Азии, в том числе Южной Киргизии.

Русские географические имена начали формироваться как составная часть южнокиргизской топонимии с последней четверти XIX в.

Некоторые географические названия пока не поддаются этимологизации, а выявленные топонимы тунгусо-маньчжурского происхождения требуют дальнейшего более углубленного изучения.

Впервые выявлены согдийско-ягнобский, южносибирский (алтайский, тувинский), уйгурский и узбекский пласты; подтверждено существование и расширено содержание ранее известных топонимических пластов.

ГЛАВА II

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Семантика географического имени не равнозначна семантике ни его апеллятива, ни апеллятивного названия того объекта, которому оно дано. Семантика топонима — это комплекс сведений об именуемом объекте, отношение говорящего к объекту, знакомство с семантикой апеллятива топонима и ассоциациями его в речи. Чтобы понять значение географического названия, необходимо знать типовые ситуации, в которых оно употребляется [179, 322].

Таким образом, семантика топонима складывается из информации, которую он несет, его языковых, речевых и специфически ономастических функций. Значение топонима — фактор его известности, фактор экстралингвистический. На уровне языка семантика топонима ограничивается именем, на уровне речи она складывается из объективно-номинативной связи и сопровождается комплексом субъективных сведений, индивидуальных для каждого носителя языка.

В семантике топонима сконцентрированы и речевые (адресные), и экстралингвистические (исторические, географические) сведения, и идеологическая направленность названия и др.

Экстралингвистическая информация топонима входит в его семантику, которая не исчерпывается исторической и географической информацией, сводящейся к комплексу объективных знаний. В семантику топонима входят и субъективные, и объективные социально обусловленные факторы, определяющие отношение человека к объекту высказывания [179, 322—323].

Цель данной главы — выявление лексико-семантических (тематических) групп на основании общих признаков, положенных в основу номинации.

При лексико-семантическом анализе топонимов Южной Киргизии решаются следующие основные задачи: 1) выявление наиболее активных топонимообразующих групп слов

(группы апеллятивов и других слов из лексики киргизского языка); 2) установление связей между географическим названием и реальным содержанием объекта, исходящих из практической потребности в них человека.

Исследования топонимии разных по языку регионов показывают, что при номинации географического объекта человек прежде всего исходил из своей потребности в нем. «Из большого количества признаков предмета, вовлеченного тем или иным образом в практическую деятельность человека, был взят такой, который на данном этапе развития человеческого коллектива оказался самым существенным в объекте и поэтому был выделен и закреплён в названии» [127, 11—12].

При номинации отношение человека к географическому объекту, диктуемое его потребностями, носит двойной характер, т. е. географическое название отражает непосредственную и опосредствованную связь, вытекающую из практической потребности человека в географическом объекте.

Таким образом, чтобы точнее знать семантику топонима, необходимо разделить все географические названия на две группы: топонимы, отражающие непосредственную и опосредствованную связь географических объектов с практической деятельностью человека [127, 12].

ТОПОНИМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННУЮ СВЯЗЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ С ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧЕЛОВЕКА

Сюда относятся те географические имена, в основе которых лежат слова, отражающие признаки предметов материальной культуры киргизов, а также предметы их быта и действия: различная информация о домашних животных, местах зимовки, летовки; местах, где киргизы жили, пасли свой скот ранней весной и осенью; помещениях для скота; наличии или отсутствии растительного (травы, дерева, лес, кустарники) покрова; грунтовой поверхности; наличии или отсутствии родника; различных благоприятных и неблагоприятных свойствах и явлениях природы; кочевом образе жизни киргизов в прошлом; занятиях киргизов земледелием; бытовой и общественной жизни населения; ориентировке человека на местности через части тела (о метафорических названиях); об охотничьем промысле и др.

Права О. Т. Молчанова, говоря, что процесс номинации для топонимов, отражающих непосредственную связь географических объектов с практической деятельностью человека, двусторонний, т. е., во-первых, практическая деятельность вызывает к жизни потребность назвать объект, выделив в нем тот признак, благодаря которому он и оказался вовле-

ценным в круг интересов человека; во-вторых, топонимия как зеркало отражает интересы общества, материальные и духовные, перенесенные на природу по ассоциации или другим причинам [127, 13].

Рассмотрим группу географических названий, отражающих непосредственную связь географических объектов с практической деятельностью человека, на материале южно-киргизской топонимии.

Географические имена, содержащие информацию об основном занятии киргизов — скотоводстве

«Исконный хозяйственный быт киргизов в дореволюционном прошлом имеет глубокие традиции. Исторически сложившимся главным занятием киргизов в течение многих веков было кочевое и полукочевое скотоводство, имевшее экстенсивный характер.

...Преобладали мелкие скотоводческие хозяйства, которые вели кочевой образ и полукочевой образ жизни. Природные условия страны давали возможность содержать скот в течение всего года на подножном корму. Горный рельеф и наличие различных по своим климатическим условиям и по растительному покрову географических зон, расположенных в вертикальном направлении, позволяли скотоводам планомерно совершать установившийся веками круглогодичный цикл кочевания, переходить со скотом с одного сезонного пастбища на другое» [10, 71—72]. Кочевой и полукочевой характер скотоводства, жизнь скотовода и его отношение к географическим объектам, явлениям природы не могли не отразиться на географических названиях.

Рассмотрим топонимы, содержащие информацию о скотоводстве, разделив их на несколько тематических групп по реалиям.

1). Топонимы, содержащие информацию о домашних животных и об определенных действиях связанных с ними: Ат-Ойноок, (*ат+ойноок* — «гора, местность, где пасутся лошади», букв. «место, где играет лошадь»)¹, г., мест.; Улак-Эмбес (*улак+эмбес* — «гора, на которой козленок — из-за нехватки кислорода, наблюдающейся в высокогорье, — не может сосать молоко», МГТ *тоо* — эллиптирован); Кулун-Эмбес (*кулун+эмбес* — «гора, на которой жеребенок — из-за высокогорья — не может сосать молоко», МГТ *тоо* — эллиптирован) г.; Кул-

¹ В составе данного оронима местный географический термин *тоо*, указывающий на объект, эллиптирован. Далее в подобных случаях сокращенно МГТ — эллиптирован.

жа-Эмбес (*кулжа+эмбес* — «гора, на которой дикий баран (архар) — из-за высокогорья — не может сосать молоко», МГТ *тоо* — редуцирован), г.; Ит-Агар (*ит+агар* — «река, которая понесет собаку», МГТ *суу* — эллиптирован), р.; Ит-Сай (*ит+сай* — букв. «собака+река», в данном случае в переносном смысле — «плохая река»), р.; Козу-Жар (*козу+жар* — «обрыв, где собираются ягнята»), обрыв, р.; Кара-Торпок (*кара+торпок* — «черный теленок»), пер.; Эшек-Өлдү (*эшек+өлдү* — «осел умер»), пер.; Торпок-Таш (*торпок+таш* — букв. «теленка-камень», метафорически — «камень, похожий на теленка»), мест., р.; Миң-Жылкы-Сай (*миң+жылкы+сай* — «много лошадей+река»), р.; Кула-Тай (*кула+тай* — «саврасый двухгодовалый жеребенок»), р.; Торпок-Таштуу-Сай (*торпок+таштуу+сай* — «река, ложе реки, с камнями, похожими на теленка»), р.; Ат-Чабар (*ат+чабар* — «местность, где устраивают скачки лошадей»), МГТ *талаа* — эллиптирован), мест.; Ак-Эшек (*ак+эшек* — «белый осел»), г.; Төө-Жайлоо (*төө+жайлоо* — «пастбище, на котором пасутся верблюды»), пастбище, р.; Ак-Атан (*ак+атан* — «белая верблюдица»), р.; Ак-Кулун (*ак+кулун* — «белый жеребенок» — киргизы для обозначения цвета лошади употребляют не слово *ак*, а *боз*, *кызыл* (букв. «серый», «красный» (*кызыл* у киргизов Иссык-Куля) в значении «белый» — поэтому правильность этой информации вызывает сомнения), р.; Кулун (*кулун* — букв. «жеребенок», но эта основа гидронима весьма сомнительна), оз.; Чаар-Бээ (*чаар+бээ* — «пегая кобыла»), мест., ур., р.; Чолок-Торпок (*чолок+торпок* — «хромой теленок»), р.; Төө-Кудук (*төө+кудук* — «верблюжий колодец»), р.; Уй-Таш (*уй+таш* — «корова-камень», метафорически «камень, похожий на корову»), скала; Төө-Моюн (*төө+моюн* — «верблюд-перешеек», степь; Эркеч-Там (*эркеч+там* — букв. «кастрированный козел»+«сарай, хлев»), пер., мест., р. Причина номинации и семантика топонима неясны. Мнение о том, что Иркештам (искаженное от кирг. Эркеч-Там. — К. К.) — «мужчина проходит мимо степи» (возможно, в книге опечатка: *стены* — К. К.) представляется ошибочным. Маловероятны расчленение первого компонента на *ир+кеш* (*каш*) и связь *кеш* (*каш*) с топоформантом *каш* [141, 266, 283]. Сары-Күчүк (*сары+күчүк* — «желтый щенок»), р.; Ат-Булак (*ат+булак* — «лошадиный родник»), р.; Төө-Тамак (*төө+тамак* — букв. «верблюды+горло», метафорически — «верблюжий пролив, устье»), р.; Кунан-Бел [*кунан+бел* — «лошадиный (жеребенок на третьем году) перевал»], пер.

2). О стоянках жителей, помещениях для скота: Кызыл-Кыштоо (*кыштоо* — «зимовка»), нп.; Сопу-Коргон (*сопу+*

коргон — «суфийская крепость»), нп.; Дүйшө-Дөбө (дөбө — «холм» — «холм, на котором жил Дуйше»), нп.; Өзбек-Тоо («гора, на которой жили узбеки»), нп.; Таш-Короо (таш + короо — «хлев для скота»), нп.; Өзөн-Кыштоо (өзөн + кыштоо — «долина, в которой есть зимовка»), нп.; Отор (отор — «отдаленное зимнее пастбище, где мало выпадает снега»), нп.; Кызыл-Коргон (кызыл + коргон — «красная крепость или хлев»), нп.; Карыбек-Дөң (дөң — «холм» — «холм Карыбека»), нп.; Гоо-Мурат (гоо — «ложбина» — «ложбина Мурата»), нп.; Мамай-Кыштаар (кыштаар — «зимовка» — «зимовка Мамайра»), нп.; Ак-Кеңе (ак + кеңе — «белый хлев, избушка, шалаш»), нп.; Бооке-Чуңкур (чуңкур — «впадина» — «впадина Бооке»), впадина, пер. и др.

3). О наличии растительного (трава, кустарники, дерево, лес и т. п.) покрова: Кызыл-Алма (алма — «яблоко», «яблоня» — «красная яблоня»), мест.; Кара-Арча (кара + арча — «густая арча, можжевельник»), г.; Бака-Терек (вид тополя), мест.; Табылгыты (табылгы — «таволга, спирея»), г.; Алма-луу (алма — «яблоня», «местность, изобилующая яблонями», МГТ эллиптирован), мест., р.; Шабыра (шабыр/шабыра — «мелкий камыш, растущий на болотистых местах»), мест., р.; Шилбилүү-Сай (шилби — «жимолость» — «ложбина, поросшая жимолостью»), ложб., р.; Жалгыз-Өрүк (өрүк — «урюк, абрикос» — «одинокий урюк»), мест.; Чалканды (чалкан — «крапива» — «местность, изобилующая крапивой»), мест.; Кулунчак (кулунчак — «аконит северный (его стебель)»), мест., нп.; Көбүргөн-Бел (көбүргөн — «горный лук»), пер.; Шыраалжын (шыраалжын — «полынь», «эстрагон»), мест.; Ак-Чечек (ак чечек — «название дерева, напоминающего ветлу» [216, 859]), ак чечек — «цветок с белыми цветами» (так объясняют это в Баткенском районе), мест., г.; Жалбызды (жалбыз — «мята»), мест. и др.

В основу топонимов с информацией о наличии растительного покрова в географическом объекте легли названия следующих ягодных диких деревьев: алма — «яблоня», өрүк — «урюк», карагат — «смородина», алча — «вишня», чие — «разновидность вишни», кайналы — «слива», зардалы — «урюк», шабдалы — «персик»; из названий деревьев: жыгач — «дерево» (общее название), арча — «можжевельник», терек, чынар — «тополь», карагай, шырык — «ель», «молодая ель», четин — «рябина», кайың — «береза», тал, сары сөгөт, кара сөгөт, шама тал, мажүрүм тал — «тальник» (разновидности тальника), чычыргана, тикен — «облепиха», кара жыгач, кайрагач, бужун — «карагач» (разновидности карагача); из названий кустарниковых деревьев: табылгы — «таволга», шилби — «жимолость», караган — «караганик,

желтая акация», ыргай — «ирга», балгын — «вид кустарника»; из названий травянистых растений: шабыра — «мелкий камыш», чалкан — «крапива», кулунчак — «стебель северного аконита», көбүргөн — «дикий лук», пияз, мияз — «лук», шыраалжын, эрмен — «полынь», ак чечек — «разновидность цветка», жалбыз — «мята», шалбаа — «луг», аткулак — «щавель конский», көдөө — «ковыль-волосатик», бүргөн — «вид полыни», аюу чачы — «прангос (лекарственное растение, употребляемое против чесотки у животных)», мыя, ма-чек — «название горькой травы с желтым цветком», чайыр — «ферула высокогорная», боз ынач — «название растения» и др.

4). О грунтовой поверхности: Борду («с известью», «с мелом»), г., р.; Корум-Токой (корум — «щебень, россыпь»), мест., г.; Көчкү-Булак (көчкү — «земляной обвал») родн., обвал; Кум-Бел (кум — «пески» — «песчаный перевал»), пер.; Кум-Арт («песчаный перевал»), пер., Кара-Корум (тип щебня, россыпи в Киргизии). Семантика соответствует определению, данному Э. М. Мурзаевым: «Черная россыпь глыб, скал, камней на склонах гор, по высоким плато, каменные потоки, сползающие вниз под действием силы тяжести, процессов замерзания и таяния» [141, 288] повсеместно в горных районах Ошской области; Корумду [«со щебнем, россыпью»], г., мест.; Ак-Турпак (турпак — «глина», «земля» — «поле, местность с белой глиной», МГТ талаа эллиптирован), нп.; Кызыл-Жер («пахота с красной глиной»), поле, нп.; Килтопо («глина голубоватого цвета» — это слово в южном диалекте встречается в форме гүлбото/килпото/килтопо/култопо), склон горы; Кумай (кумай — «песчаная почва»), мест., р. и др.

Топонимы, отражающие особенности грунта, поверхности земли, прежде всего связаны с главным занятием местного населения — скотоводством. Это подтверждают рассмотренные географические имена (корум — «щебень, россыпь», көчкү — «земляной обвал», кум — «песок» и т. п.), входящие в состав топонимии, они указывали на непригодность этих местностей для выпаса скота. Поэтому, вероятно, географические объекты с такими именами были в определенном смысле предупредительными знаками.

5). О наличии источника, его температуре, вкусовых и других качествах, об истоке: Ак-Булак («текущий родник» [106; 141; 94]), родн., мест.; Узун-Булак («длинный родник») ложб., родн., р.; Көчкү-Булак («обвальный источник»), родн., р.; Эгиз-Булак («родник на высоте»), родн., р.; Ара-Булак («промежуточный источник»), родн., мест.; Бөйрөк-Булак («родник на изгибе горы»), родн.; Бугу-Булак («олений родник»), р.;

Кашка-Булак («прозрачный, чистый источник»), родн., р.; Сары-Булак («желтый родник» — при наличии в составе воды большого количества железа на истоке и в русле родника камни, земля покрываются тонкой пленкой желтого цвета), родн., р.; Чон-Булак («большой родник»), родн., нп.; Суук-Булак («холодный родник»), родн., р.; Ак-Башат («текущий родник»), родн., р.; Беш-Башат («много родников»), родн., мест.; Кашка-Башат («прозрачный, чистый родник»), родн.; Кара-Башат («черный или большой родник»), родн., р.; Улар-Башат («уларовый родник»), родн.; Кайнар («родник»), родн., р.; Кайнар-Дөбө («холм, на котором есть родник»), родн., холм, р.; Чачма-Чылдан [чачма (<ир. чешме) — «родник» + чылдан (?)], родн., мест.; Сары-Чашма («желтый родник»), родн., мест.; Чачма («родник»), р.

В южнокиргизской топонимии для обозначения родника, источника употребляются гидронимические термины *булак*, *башат*, *кайнар*, *чачма/чашма/чешме*.

Термин *булак* общеупотребителен в киргизском языке, повсеместно встречается в составе топонимии Киргизстана, *башат*, как показывают данные, имеет локальное значение, т. е. зафиксирован в составе топонимии Ошской области — в Ала-Букинском, Джанги-Джольском, Узгенском и Советском районах. Показания информантов также свидетельствуют о том, что *башат* как синоним общекиргизского *булак* употребителен в живой речи киргизов указанных районов. В остальных районах Южной Киргизии он малоизвестен или совсем неизвестен. В северном диалекте он также неизвестен у киргизов Иссык-Куля, но в Чуйской долине встречается — параллельно с *булак*. Термин *кайнар*, букв. «бьющий, фонтанирующий родник, ключ», в составе топонимии встречается в Ала-Букинском и Джанги-Джольском районах, т. е. в районах территориально близких к Таласу, Чуйской долине. Слово *кайнар* (или *кайнар булак*, как оно дано в словаре К. К. Юдахина) в значении «родник, источник» отсутствует в южном диалекте киргизского языка. Термин *кайнар* общеупотребителен в казахском языке [81, 423]. К. К. Юдахин, говоря об употреблении термина *кайнар*, в своем словаре тоже, вероятно, имел в виду северный диалект киргизского языка, так как он отсутствует в южном диалекте, сохранился лишь в составе топонимии.

Компонент *чачма/чашма/чешме* в живой речи малоупотребителен, но активно используется в ряде тюркских языков, например, в татарском, башкирском, узбекском, туркменском, турецком [56, 169]; в составе киргизской топонимии встречается редко, этот термин восходит к иранским языкам.

6). О благоприятных и неблагоприятных явлениях приро-

ды: Суук-Дөбө («холодный холм»), холм, г.; Суук-Жайлоо («холодная летовка»), лет., г.; Түтөк (*түтөк* — «горная болезнь, удушье, спазмы в горле из-за нехватки воздуха на большой высоте»), г.; Шамал-Бел («перевал, сильно обдуваемый ветром»), пер.; Суук-Ак-Тектир («холодный Ак-Тектир»), г., мест.; Суук-Төр («холодное высокогорное пастбище»), г.; Жел-Кол («ложбина, обдуваемая ветром»), ложб., мест.; Суук-Түштү («холод наступил»), р.; Шамалдуу-Журт («летовка, обдуваемая ветром»), лет.; Шамалды-Сай («речная долина, обдуваемая ветром»), нп. и др.

Топонимы с информацией о кочевом образе жизни киргизов в прошлом

Кочевой образ жизни киргизов тесно связан со скотоводством. Разведение скота сопровождалось кочевками с места на место, связанными с ними событиями, переправами и т. д. Топонимы, связанные с кочевым образом жизни, в определенной степени информируют нас о прошлом киргизов.

Рассмотрим их, разделив на небольшие тематические группы.

1). О способах, средствах передвижения кочевки, дорожных событиях, дорогах, переправах рек и т. п. информируют нас следующие географические названия: Аттамак-Таш (*аттамак* — «место или препятствие, через которое нужно прыгать» — «узкие каменистые берега реки»), мост; Асырандын көпүрөөсү («мост Асырана»), Токтоштун көпүрөөсү («мост Токтоша»), мосты; Кокуй-Бел («трудный перевал»), пер.; Жер-Көпүрөө («земляной мост»), мест.; Эшек-Өлдү («умер осел»), пер.; Жайык-Сай («неглубокая река»), р.; Жол-Сай («речная долина с дорогой»), дол.; Кара-Асма-Жол (вероятно, «большая висячая дорога»), чатк., г., дор., мест.; Чапчыма («труднопроходимый перевал»), алб., пер.; Кыр-Кечүү (*кечүү* — «переправа»), р.; Жазы-Кечүү («неглубокая, широкая переправа»), р. и др.

2). О логах, горах, летовках, речных долинах, образующих тупик, говорят следующие топонимы: Туюк-Колот («лог, тупик»), лог; Туюк-Төр («высокогорное пастбище, не имеющее выхода»), лет.; Туюк-Сай («речная долина с тупиком»), Туюк-Таш («каменные гряды, образующие тупик»), мест., р.; Туюк-Жылга («ложбина, не имеющая выхода») и т. п.

Топонимы, отражающие земледельческое хозяйство киргизов

Земледелие на территории Южной Киргизии было распространено еще в глубокой древности. Об этом свидетельствуют данные истории; в частности, в «Истории Киргизской ССР» сообщается, что «плодородные почвы и обилие быстрых горных рек позволили создать здесь (т. е. в Ферганской долине. — К. К.) цветущие оазисы. Когда впервые и как применялось в долине искусственное орошение, еще не установлено. Можно лишь предполагать, что в конце второго тысячелетия до нашей эры были уже проведены из р. Кара-Дарьи искусственные каналы Андижан-Сай и Таарихан-Сай, позволявшие орошать довольно большие площади земель...» [77, 63]. О раннем земледелии свидетельствуют и новые данные археологии: «Предгорные впадины на юге Киргизии впервые были освоены человеком две с половиной тысячи лет назад. К такому выводу пришла археологическая экспедиция АН СССР, которая закончила в Ферганской долине летние работы. В Кара-Суйском оазисе археологи открыли шесть древних поселений. Обнаруженные памятники и разнообразные предметы свидетельствуют, что люди здесь начали земледелие и оседлый образ жизни в бронзовый век»¹. Земледелие в Фергане в определенной степени не могло не повлиять на жизнь киргизов и в более позднее время, т. е. когда они уже начали жить в предгорных впадинах, в горах Ферганской долины. Об этом свидетельствуют названия арыков, полей и т. д.: Кайрак («неполивной», «богарный»), мест.; Жаргылчак («ручная мельница, зернотерка»), мест.; Арпа-Кокту («ячменный лог»), мест.; Кара-Тарыг («черное просо»), мест.; Арпа-Тектир («равнина, на которой растет ячмень»), равн.; Жаңы-Жер («новая земля — (в смысле освоенная)», мест.; Арпа-Кыя (арпа — «ячмень» + кыя — «косогор»), мест.; Жоопая («стебель ячменя»), мест.; Арпа-Пая («стебель ячменя»), мест.; Буурсундуу (буурсун — «соха»), мест., р.; Паски-Арык («нижний арык»), Жогорку-Арык («верхний арык»), арыки; Ак-Ороо («белое зернохранилище»), мест.; Жаңы-Жер («новая земля»)², нп.; Кайырма-Арык («отводной арык, канал»), канал на окраине г. Ош; Ноот («земляная плотина») сов. и в ряде районов Ошской области, мест. и др.

¹ Труд, 1974, 12 октября.

² «С эксплуатацией Торт-Кульского водохранилища, которое находится в Баткенском районе, начали орошаться сотни гектаров ранее пустынной земли. В результате сюда переселяются люди, появился поселок Жаңы-Жер» (Советская Киргизия, 1973, 28 февраля).

Топонимы с информацией о бытовой и общественной жизни населения

В определенной степени топонимия информирует и о жизни населения. Эта информация, как и сама жизнь, многогранна. Поэтому рассмотрим топонимы, разделив на некоторые тематические группы.

1). О быте: Жер-Үй («землянка»), мест.; Кең-Тулуп, Тар-Тулуп (кең+тулуп, тар+тулуп, букв. «широкий и узкий тулуп») («шкура теленка, жеребенка, снятая чулком», «мешок из этих шкурок»). Вероятно, номинация была произведена по ассоциации; тулупом названы узкие и широкие ущелья, находящиеся недалеко друг от друга), уш., пер., р.; Камыр-Бел (камыр — «тесто»), пер.; Боз-Түндүк [түндүк — «верхний деревянный круг, остов юрты, держащийся на верхних концах уук'ов («унина»); гора названа по ассоциации с тундуком], г., р.; Атала («болтушка, похлебка из воды, муки и кислого молока»), р.; Босого-Таш (босого — «порог» — «камень, похожий на босого»), мест., р.; Чанач («бурдюк из снятой чулком и прокопченной козлиной шкуры»), р.; Чатыр-Таш («камень, похожий на шатер»), мест.; Ыңырчак-Бел (ыңырчак — «бычье седло»), пер.; Кызыл-Чачпак (чачпак — «кисти из ниток, вплетенные в косу (украшение)»), р.; Семиз-Ээр, Манастын ээри (ээр — «седло»), г., мест.; Алтын-Күрөк (күрөк — «лопата» — букв. «золотая лопата» — топонимическое значение «благодатное место для скота»), лог, и другие географические имена отражали действительность быта киргизов в прошлом. Например, такие бытовые вещи, как тулуп, босого, чачпак постепенно выходят из употребления и таким образом слова, обозначающие эти вещи, становятся архаичными.

2). О родственных отношениях: Кыз-Тууду¹ (кыз — «девушка» — «девушка родила»), г.; Кыз-Коргон (кыз — «девушка» — «девичья крепость»), г.; Кемпир-Өлдү, Чоң-Кемпир-Өлдү, Кичи-Кемпир-Өлдү (кемпир — «старуха» — «перевал, где умерла старуха»), пер., уш., р.; Токсон-Кемпир (кемпир — «старуха» — «девятисто старух»), пер., р.; Чабай-Аке (аке — «обращение к старшему брату»), мест.; Келин-Тайгак, Кемпир-Тайгак (келин — «молодуха», кемпир — «старуха» — «скользкие, мелкопесчаные близлежащие горные дороги»), дороги и др.

¹ Названия, в составе которых имеются слова, означающие родственные отношения, условно включены в эту группу, только потому, что они входят в состав топонимов; в действительности семантика топонима иная.

Кроме того, имеется ряд топонимов на *ата* — «отец», например, Баба-Ата, Таздар-Ата, Кочкор-Ата, Пача-Ата, Кожо-Ата, Боо-Баш-Ата, г., р. К. К. Юдахин писал, что в географических именах слово *ата* указывает на «святость» места [216, 78].

Удалось установить, что Пача-Ата — дух, покровитель леса, дерево (подробнее см. Пача-Ата в Прил. № 1).

3). О захоронениях: Ак-Бейит, Кызыл-Бейит («белое кладбище», «красное кладбище»), мест.; Кара-Моло (*моло* — «кладбище»), мест.; Моло-Суу, р.; Уч-Моло, р.; Чет-Бейит («кладбище на окраине»), кладбище; Кичик-Бейит («малое кладбище»), кладбище, мест. и т. п.

В южнокиргизской топонимии употребляются арабско-иранские слова *бейит*, *моло*, *көрүстөн*, означающие «кладбище, место захоронения». Доисламские слова с этими же понятиями, связанные с другими ритуалами захоронения, в топонимии не встречаются. Лишь можно отметить топоним Сын-Таш — «надмогильный камень», восходящий к доисламскому периоду.

4). О религиозных представлениях в мировоззрении населения: Кара-Сакал (букв. «черная борода»), ущ., пещера; Кулун, Кичи-Көл, оз.; Кашка-Суунун көлү, оз.; Дүңгүрөмө, г.; Саймалы-Таш, скала; Арстанбап, мазар; Кабыр («могила, надгробие»), холм; Так-Сулайман («трон пророка Сулеймана»), г.; Азрет-Аюп, лечебный источник; Шейит («павший за мусульманскую веру»), г.; Дамбыр-Таш, мест.; Кызыл-Арт, Сарык-Могол, пер., мазары; Шах-Фазыл, мавзолей; Идирис-Пайгамбар, мавзолей; Камбар-Ата, р.; Кочкор-Ата, г., нп.; Баба-Ата, г.; Беш-Таш-Ата, р.; Таздар-Ата, р., мест.; Куртук-Ата, мазар; Токбай-Ата, мазар; Кожо-Ата («ходжа, потомок первых халифов»), мест.; Пача-Ата, мазар, нп.; Боо-Баш-Ата, мазар; Алтын-Мазар, нп.; Тал-Мазар, нп.; Мазар, нп.; Беш-Мазар, нп.; Казан-Мазар, нп.; Мазар-Арык, нп.; Мазар-Башы, мест.; Мазар-Сай, Мазар-Суу, р.; Жолборс-Мазар, р., мест.; Казган-Мазар, мест.; Мазар-Так, г.; Бел-Мазар пер.; Кызыл-Мазар, г.; Мазар-Жылга, р., ложб.; Хайдаркан, г., нп. В этих и во многих других географических именах отразились народные религиозные представления киргизов о пространстве и времени.

Семантика топонимов соответствует содержанию религиозного обряда, ритуала, которые исполнялись в так называемых святых местах — мазарах: у святых деревьев, гор, рек, озер, источников и т. д. Особенно следует отметить, что ислам в том виде, в котором он существовал в Киргизии, сохранил некоторые элементы ранних религиозных верований киргизов. Рассмотрим их, исходя из топонимических данных,

и разбив на некоторые группы по различным религиозным течениям:

а) о исламе: Ак-Мечит («белая мечеть»), нп.; Арча-Мечит («мечеть из арчи, можжевельника»), нп.; Шейит («павший за мусульманскую веру», «священное место, похороненный, павший за мусульманскую веру»), холм, мест.; Шейит-Төбө («холм, похороненный шейит»), квартал; Хазрет-Ата («местность, где якобы похоронен святейший, пророк»), нп.; Азрет-Аюп («лечебный источник, вылечивший некоего святейшего Аюпа»), лечебный источник; Так-Сулайман («трон пророка Сулеймана»), г.; Кабыр («могила, кладбище»), холм; Шах-Фазыл, Идирис-Пайгамбар («священные люди»), мавзолей; Кожо-Ата («хаджи ата»), мест. и в других топонимах отражаются религиозные верования ислама;

б) о реликтах тотемических представлений киргизов: Бөрүлөр («люди из племени *бөрү* — „волк“»), нп., квартал в с. Кара-Кулжа; Багыш (этноним *багыш* — «лось»), нп.; Жору (этноним *жору* — «гриф»), нп. В указанных этнониме отражены те этнонимы, в которых *бөрү*, *багыш*, *жору* являются предками родовых коллективов *бөрү*, *жору*, *багыш* по тотемическим представлениям древних киргизов;

в) о культе природы: Кашка-Суунун көлү, Кулун, Кичи-Көл (озера, которым местные жители поклонялись в прошлом, прося у них различную помощь, покровительство. Например, если бесплодная женщина проведет ночь около этих озер, увидит белого верблюжонка и услышит его голос, то после этого она якобы будет рожать), оз.; Дүңгүрөмө (у некоторых родов киргизов, например, рода *бана* гора с таким же названием считалась святой [10, 301]), г.; такого рода «святые места» названы распространенными по всей территории Южной Киргизии географическими именами, содержащими компоненты *мазар* и *ата*;

г) о шаманизме: Кара-Сакал («черная борода» — «узкая каменная теснина», «пещера в ней» — женщины, желающие излечиться от бесплодия или других болезней, шли в пещеру Кара-Сакал, где по народным поверьям, живет шаман с черной бородой. Если он выходил из своего убежища и благословлял их, то они выздоравливали), ущ., пещера; Дамбыр-Таш («женское закливание при первом весеннем громе с целью вызвать рост трав и обилье молока» (женщины с подойниками три раза обегали юрту, крича *жер айрылып, көк чык! желин айрылып, сүт чык!* «развернись, земля, появись, трава! развернись вымя, появись молоко!») [216, 183], мест.

На ранние религиозные представления киргизов наслаивались более поздние (например, культ озера Кулун и сце-

на появления шаманского *ак тайлака* («белого верблюда») [10, 315] и др.

Ранние верования, распространение ислама на территории Киргизии и его содержание нашли отражение в специальных исследованиях [24, 67 и др.], особенно детально они рассмотрены в фундаментальной работе С. М. Абрамзона [10] и в монографии Т. Баялиевой [32].

5). О различных событиях прошлого: Кыз-Тууду («перевал, где родила девушка»), пер.; Төлөбай-Өлгөн («гора, где умер Толобай»), г.; Бабай-Өлгөн («перевал, где умер Бабай»), пер.; Чийим-Таш («камень с надписью»), пер.; Сууган-Таш («остывший камень»), г.; Казган-Мазар («выкопанный мазар»), мест.; Кичи-Кутурган, Чоң-Кутурган («малый, большой бешеный» — апеллатив редуцирован), мест., г.; Калмак-Ашуу («калмыцкий перевал» — в топонимии Киргизии имеется около двух десятков перевалов с таким названием), пер.; Кулан-Минди («местность, где человек сел на кулана»), мест.; Балык-Жууган («река, где вымыли рыбу»), р.; Теке-Секирди («скала, с которой прыгнул теке»), г.; Даана-Акты («переправа реки, где Даану понесла вода»), мест.; Кожо-Бакырган («ущелье, где кричал ходжа»), уш., р.; Кожо-Ашкан («перевал, по которому переходил ходжа»), пер.; Сай-малы-Таш («камень с надписью, изображением»), скала, мест.; Калкожону-Көчкү-Алган («склон горы, где снежная лавина снесла Калкожо и басмачей»), уш., пер.; Алымкан-Ат-Баккан («пещера, в которой ухаживал за лошастью Алымкан» — МГТ *уңкур* эллиптирован), пещера, и множество других географических имен отражают события минувших столетий, связанные с различными обстоятельствами или случаями в жизни населения.

Топонимы с информацией об ориентировке киргизов на местности через части тела человека и животных

К этой группе географических имен относятся те южно-киргизские топонимы, в составе которых как апеллативы встречаются географические термины-метафоры.

Как показывают исследования по географической терминологии и топонимии разных регионов с различными языками [34, 35, 104, 141, 143, 185, 186, 195, 210 и в других работах], термины-метафоры создаются по ассоциации, сходству с характером, признаками географического объекта из анатомических терминов, обозначающих части тела человека и животных.

Из исследований О. Т. Молчановой следует, что метафо-

рические переносы (часть тела — объект природы) наиболее часто встречаются в алтайской топонимии. По ее подсчетам, более 30 анатомических терминов, обозначающих части тела человека (голова, макушка, рот, язык, горло, зуб, нос, глаз, ухо, бровь, веко, горб, плечо, лопатка, голень, спина и др.) стали или собственно географическими терминами, или входят в состав топонимов [127, 16]. Другая работа о восточных (в том числе и тюркских) географических терминах-метафорах, содержащих анатомическую лексику, принадлежит Э. М. Мурзаеву [141, 126—135]. Из 81 приведенных им восточных географических терминов-метафор в составе киргизской топонимии встречаются 24: *айдар*, *ар*, *аяк*, *баш*, *бил*, *бэл*, *богаз/бугаз*, *бурун*, *депе*, *жыл*, *култук*, *кулак*, *лаб(и)*, *моюн*, *нуруу*, *пильгин*, *сар*, *сырт*, *тамак*, *толгой*, *токой*, *тумшук*, *хамар*, *чеши*, *жан*. В киргизской топонимии степень их употребления неравнозначна: такие термины-метафоры, как *айдар*, *ар*, *нуруу*, *пильгин*, *сар*, *толгой*, *токой*, *чеши* входят только в состав топонимов. Их нельзя отнести к активной лексике, в киргизском языке они сохранились как таковые лишь в географических именах, значения которых можно объяснить только в других родственных и неродственных языках. Например: *Көк-Айдар* (ср. каз. *айдар* — «чуб», метафорически — «зеленый или синий конусообразный холм», см. также *Көк-Айдар* в Прил. № 1), *Пүлгөн* (ср. тунг.-маньчж. *пильгин* — «горло», метафорически — «устье реки, проток») и др.

Из собранных нами топонимов Южной Киргизии было выбрано 30 наиболее употребительных географических терминов-метафор, которые сыграли определенную роль в становлении киргизской народной географической терминологии и топонимии.

По мнению О. Т. Молчановой, «первоначально ориентация человека в окружающем мире осуществлялась с помощью частей его собственного тела, поэтому и природные объекты нередко получали те же названия, что и части человеческого тела. При наименовании принималось во внимание сходство по конфигурации, но это наблюдение явилось уже в результате достаточного ознакомления с окружающей средой» [127, 15].

Главная функция имени в данной группе киргизских топонимов, несомненно, заключалась в ориентации человека на местности. Поэтому права О. Т. Молчанова, выделившая такие названия в отдельную группу. Но рождение географического термина и топонима с помощью термина, выражающего части тела человека, не одно и то же. Первоначально, вероятно, получил название географический объект по аналогии

с частями тела человека и животных (здесь мы имеем в виду рождение народного географического термина). Этот процесс дотопонимический [148, 57—63; 179, 264—266]. Функция и значение топонима, образованного от апеллятива (народный анатомический термин, народный метафорический географический термин) — это не значение, которое выражает метафорический географический термин, а совокупность значений апеллятива и топонима (т. е. в данном случае топонимическое значение, ориентация человека на местности).

Ниже приведены и раскрыты значения анатомических и метафорических терминов.

Айдар — «чуб, хохолок» — «конусообразный, выделяющийся холм»¹, *баш* — «голова», «вершина, начало, исток»; *бел* — «поясница, талия» — сравнительно низкие, широкие (по сравнению с *арт, ашуу, даван*) горные перевалы с ровной плоской поверхностью [194, 196]; «горный хребет», «горный перевал (в форме седловины)» [216, 126]; *бет* — «щека, лицо» — «склон горы»; *боор* — «печень» — «склон горы»; *бөйрөк* — «почка» — «впадина на склоне горы»; *дөбө/төбө/тепе* — «макушка» — «холм», «возвышенное место»; *чаак* (ср. с кирг. *жаак*, др.-тюрк. (?) — «челюсть» — «межа, граница»; *жал* — «грива» — «грива, каменный кряж, гребень горы»; *жон* — «спинной хребет» — «гребень горы»; *жүрөк, жүрөкчө* — «сердце» — «гора», «холм», «выступ овальной формы»; «небольшой холм, возвышенность в горной местности»; *кабак* — «веко» — «рытвина», «впадинка (примерно в рост человека)»; *карын* — «живот, брюхо, желудок» — метафорическое значение неясно; *кежиге* — «затылок» — «затылок, верхняя часть горы, холма»; *киндик* — «пуп, пуповина» — «центр»; *кол* — «рука» — «река, речная ложбина, ущелье»; *кулак* — «ухо» — «начало арыка»; *мойнок* — «шея (главным образом верблюжья)» — «крутой горный перевал»; *моюн* — «шея» — «перешеек»; *мурун* — «нос» — «мыс»; *ооз* — «рот» — «вход, ущелье, проход в горах»; *салаа* — «палец, промежуток между пальцами» — «горная ложбина, ложбинка»; *тамак* — «горло» — «устье реки»; *таман* — «подошва, ступня» — «дно реки, озера, ущелье и т. п.»; *төш* — «грудь» — «часть горы выше подошвы, нижняя часть склона, угорье»; *тумшук* — «клюв, морда, хобот» — «мыс, спускающийся вниз, продолговатый выступ предгорья»; *чап* — «пах» — «небольшой каменный или песчаный склон горы без растительности», «яр с отлогими берегами»; *чат* — «мес-

то соединения ног (с внутренней стороны)» — «пространство между двумя реками перед их слиянием, название части горы»; *чоку* — «темя» — «шихан, мар (горный рельеф), вершина, макушка»; *эмчек* — «женская грудь» — «выделяющийся холм, возвышенность».

Проиллюстрируем приведенные анатомические термины и их метафорическое, т. е. топонимическое, географическое значения (анатомические и топонимические (географические) термины расположены в алфавитном порядке):

айдар: Көк-Айдар, лр., холм, нп.;

баш: Боо-Баш-Ата, токт., г.; Кара-Баш, токт., пик; Аслам-Баш-Суу, токт., ледн.; Урум-Башы, токт., ледн.; Ак-Сай-Башы, токт., р.; Мазар-Башы, токт., р.; Көк-Суу-Башы, чатк., пер.; Баш-Терек, чатк., мест., р.; Кулжа-Башы, ал., р.; Байтал-Башы, лаяк., пер.; Суу-Башы, батк., мест.; Баш-Булак, ксуу., нп.;

бел: Орто-Бел, токт., пик; Ак-Бел, токт., пер.; Ала-Бел, токт., пер., р.; Көк-Бел, токт., пер., р.; Кум-Бел, токт., пер.; Семиз-Бел, токт., пер.; Айры-Бел, токт., пер.; Буура-Бел, чатк., пер.; Кара-Бел, узг., пер.; Кичик-Бел, узг., пер.; Түз-Бел, сов., пер.; Бел-Конуш, сов., пер.; Шили-Бел, сов., пер.; Бел-Айыл, ал., нп.; Кош-Бел, Сары-Бел, ал., пер.; Чочко-Бел, фр., пер. и др.;

бет: Аюу-Бет, сов., р., мест.; Арча-Бет, алк., склон горы;

боор: Чоң-Боор, сов., склон, пик; Боор, сов., мест.; Боор-Теке, токт., пик, пер., мест., р.; Боор-Албас, алк., фр., мест., р.;

бөйрөк: Бөйрөк, лр., мест.; Бөйрөк, токт., нп.; Бөйрөк-Булак, чатк., р.;

дөбө/төбө/тепе: Дүйшө-Дөбө, Орто-Дөбө, чатк., ал., нп.; Кош-Дөбө, жжол., нп.; Кош-Дөбө, Чеч-Дөбө, ноок., нп.; Баш-Дөбө, Кызыл-Дөбө, узг., нп.; Чоң-Дөбө, токт., нп.; Ала-Дөбө, Жетим-Дөбө, сов., холм; Суук-Дөбө, токт., г.; Чөкө-Төбө, суз., нп.; Кетмен-Төбө, токт., дол., холм, нп.; Кара-Төбө, жжол., нп.; Шайит-Төбө, ош., квартал; Коргон-Тепа, фр., нп.; Тепе-Коргон, ар., нп.;

жаак: Чаак, лр., г.; Чаак-Таш, жжол., г.;

жал: Жал, батк., мест.; Жал, алк., гребень горы;

жон: Көк-Жон, лр., мест.; Кажыр-Жон, алк., г.; Темир-Жон, узг., мест., р.; Жон-Конуш, сов., г., лет.;

жүрөк: Орто-Жүрөк, лр., мест.; Жүрөк, узг., р.;

кабак: Кабак, ал., р., нп.; Кара-Кабак, ал., нп., р.; Четин-Кабак, батк., мест.;

карын: Түз-Карын-Сай, алб., р.; Карын, лаяк., пер.;

кежиге: Кежиге, ал., нп.;

киндик: Киндик, ал., р., пер.; Кара-Киндик, ал., мест.;

¹ Анатомические термины и их значения расположены здесь в следующем порядке: термин, его перевод на русский язык, метафорическое, т. е. топонимическое значение.

Киндик, батк., р.; Киндик-Таш, жжол., нп.; Киндик, ксуу., пер.;

кол: Кеңкол, токт., г.; Каракол, токт., пер., р.; Кеңкол, лр., г., пер., озеро; Каракол, ал., г.; Кичи-Каракол, ал., пер.; Каракол, ар., р.; Агол, батк., р.; Таркол, алк., уш., р.;

кулак: Сулак-Кулак, алб., пик; Кара-Кулак, лр., р.;

мойнок: Бото-Мойнок, лр., алк., токт., пер., мест.; Беш-Мойнок, сов., мест.; Буйнак, узг., мест.; Тек-Мойнок, лр., р.; Кош-Мойнок, ал., пер.; Көк-Мойнок, ксуу., р., мест.;

моюн: Төө-Моюн, ар., пик, нп.; Ак-Моюн, алб., г.;

мурун: Тон-Мурун, ал., пер.; Узун-Мурун, ал., батк., пер.; Ыса-Мурун, лр., мест.; Көк-Мурун, лр., мест.; Ала-Мурун, ляйк., пер.; Узун-Мурун, ляйк., р.;

ооз: Палал-Ооз (Палал-Овуз), батк., нп.; Коктунун оозу, лр., нп.; Кызыл-Ооз, лр., р.; Ооз, токт., нп.;

салаа: Куру-Салаа, фр., уш., г.; Чоң-Салаа, сов. уш.;

тамак: Төө-Тамак, ляйк., р.; Четки-Төө-Тамак, ляйк., р.;

таман: Ай-Таман, ал., пик, пер.; Кара-Таман-Сай, жжол.,

р.;

төш: Айдош, ар., пик, пер.; Төш-Тал, токт., пик;

тумшук: Таш-Тумшук, узг., нп.; Тумшук, батк., пик;

чап: Кызыл-Чап, Көк-Чап, Ак-Чап, сов., узг., ал., мест.;

чат: Улуу-Чат, узг., нп., мест.; Чат, алк., мест.; Үч-Чат, сов., мест.;

чоку: Чоку-Таш, токт., пик; Кара-Чоку, батк., пик; Боз-Чоку, алб., пик; Кал-Чоку, лр., лет.; Кекилик-Чоку, лр., мест.; Текелүү-Чоку, лр., скала;

эмчек: Кыз-Эмчек, ал., холм, нп.; Үч-Эмчек, лр., мест.

Топонимы с информацией об охотничьем промысле

Охота издавна была важнейшим подспорьем в жизни киргизов [139, 93]. Цель ее была двойная: 1) снабжать мясом население и 2) собирать пушнину и другие ценные вещи, например, маралы рога для натурального товарообмена [10, 93].

1). С целью заготовки мяса киргизы охотились в основном на диких козлов (эчки, теке), баранов (аркар, кулжа), козель (элик) и других животных, а из птиц — на уларов (горная индейка), куропаток (кекилик), уток (өрдөк, чүрөк), голубей (көгүчкөн) и т. д.

2). Для заготовки пушнины охотились на лису (түлкү), волков (бөрү, карышкыр), медведей (аюу), выдру (кундуз), куницу (суусар) и т. д. В охотничьем хозяйстве киргизов немаловажную роль играли ловчие птицы: орел (бүркүт), со-

кол (шумкар, куш), балован — (вид сокола) (ителги) и др.¹

Охотничье хозяйство киргизов также нашло отражение в топонимии Южной Киргизии. Проиллюстрируем это на следующих примерах: Куранды («гора, где пасутся много куранов (самец козули)», г.; Куча (ср. уйг., алт. *куча* — «дикий баран, самец»), г.; Миң-Теке («много теке»), г.; Боор-Теке («склон горы+теке»), г.; Кара-Кулжа (букв. «черный баран») г., р.; Аюу-Төр («высокогорное пастбище, гора, где водится аюу»), г.; Теке-Камоо («тупик в горах, куда загоняют теке»), г.; Ителги («вид сокола»), г.; Бүркүт-Сай («орел»+«речная долина»), р.; Миң-Бугу («много оленей или маралов»), г., р.; Жолборс-Үңкүр («пещера тигра»), мест.; Маралдуу-Булак («маралий источник»), мест.; Эчкилүү-Кара-Таш («Кара-Таш, место, где много диких коз»), Бөрү-Албас, Бөрү-Көрбөс («местность, где волк не трогает скот», «местность, которую не видит волк»), г., мест.; Аюу-Бет («горный склон, на котором водятся медведи»), г.; Кекилик («куропатка»), г.; Уларлуу («гора, на которой много уларов»), г.; Аюлук («гора, где много медведей»), г.; Түлкү-Таш («лиса»+«камень»), мест. и др.

Этнотопонимы

Информация о родах, племенах и народах, живших в прошлом и живущих ныне на территории Ошской области, также находит отражение в топонимии региона. Наиболее полно в ней отразились названия мелких племен и родовые деления самих киргизов. Кроме киргизских этнотопонимов, встречаются названия племен монголов, карлуков, уйгуров, арабов, тюрков-калтатайцев, русских и др.:

а) киргизские племена и роды в составе топонимии Южной Киргизии: Олжоке, Бугу, Кара-Тейит, ал., нп.; Кесек, Төлөйкөн, Көсөө, ар., нп.; Чон-Кара, Бөжөй, батк., нп.; Шүдүгөр, Мамай, Чот-Кара, жжол., нп.; Кенжекул, Эрке-Сары, Баргы, Савай, Сарылар, Жоош², Сурке, Тооке, ксуу., нп.; Чал-Уулу, Чоң-Багыш, Кыргыз-Гава, лр., нп.; Кутчу, Черик, Мун-

¹ Об охотничьем хозяйстве киргизов подробнее см. [10, 93—100], о ловчих птицах — [37, 5—9].

² К сожалению, этот этнопоним в официальных документах превращен в «небесный» Юваш, причем ни русскому, ни киргизу непонятно, что лежит в основе настоящего географического имени. Поссовет официально называется «Ювашский поссовет» на русском, «Юваш поссовети» на киргизском языках. Это искажение нашло место и в административно-территориальном делении [89, 62]. От киргизского *Жоош* остался лишь последний звук *ш*. Но ведь подобные киргизские наименования вполне удовлетворительно транскрибируются, ср. кирг. Дароот-Коргон — Дараут-Коргон, Ноокат — Наукат.

дус, жжол., нп.; Конурат, Кутчу, ксуу., нп.; Могол, лр., нп.; Беш-Бала, ляйк., нп.; Жору, Арык-Тейит, Кызыл-Тейит, Бай-Тейит, Беш-Буркан, Жийде-Найман, Кара-Най, Нарайи-Найман, Токмок-Булак, Нойгут, ноок., нп.; Беш-Кепе, Чымбай, Шаамурат, Шерали-Кыштак, узг., нп.; Бозала-Бостон, Токбай-Талаа, сов., нп.; Кара-Най, Саты, Багыш, Беш-Бала, Качкынчы, Төш-Кутчу, Бөкөй, Мундуз, Найман, Үч-Малай, Бостон, суз., нп.; Жетиген, токт., нп.; Чогорок, Жоо-Кесек, фр., нп.

Ц. Д. Номинханов считает названия племен *маңгыт*, *коңурат*, *могол* монгольскими, встречающимися в описании древних поколений монголов на берегах рек Онона и Керулена, однако точно неизвестно, как и когда они попали в Среднюю Азию [149, 13]. Другой монгольский этноним — *калмак* в топонимии Южной Киргизии неоднократно встречается: Калмакы, Калмак-Кырчын, Калмак-Ашуу, ноок., суз., сов., ал., нп., пер. Появление его в Средней Азии, в том числе на территории Южной Киргизии, относится к XVII—XVIII вв. [149, 13];

б) названия других народов в топонимии Южной Киргизии: *Өзбек-Тоо*, *Түрк-Шалбаа*, ал., нп.; *Уйгур-Абад*, ар., нп.; *Арап*, чатк., нп.; *Кашкалдак*, *Кашкарчы*, батк., ноок., нп.; *Өзбек-Гава*, лр., нп.; *Түрк-Абад*, суз., нп.; *Орус-Булак*, ляйк., мест., родн.; *Карачай*, *Тажик-Кыштак*, ноок., нп.; *Түрк (Өзгөрүш)*, узг., нп.; *Галча*, фр., нп.

Топонимы, отражающие жизнь киргизов в советский период

Много изменений произошло в жизни киргизского народа за годы советской власти. Это достаточно хорошо отражено в научной литературе, в периодических и других изданиях.

Топонимия Южной Киргизии в определенной степени отразила и некоторые стороны общественной и социальной жизни киргизского народа. К этой группе названий относятся следующие наименования населенных пунктов: *Бирдик* («Единство»); *Биринчи-Май* («Первое мая»); *Курулуш* («Строительство»); *Социализм*; *Кызыл-Байрак* («Красное знамя»); *Кызыл-Шарк* («Красный Восток»); *Ленин-Жол*, *Жаш-Ленин*, *Ленинчил-Жаш*, *Ленинское*, *Ленин* и другие топонимы связаны с именем Ленина; *Өзгөрүш* («Революция»); *Алга* («Вперед»); *Кеңеш* («Совет»); *Комсомол*; *Үлгү* («Образцовый»); *Токтогул* (в честь великого киргизского акына-демократа); *Кызыл-Чарба* («Красное хозяйство»); *Кызыл-Кыргызстан* («Красный Кыргызстан») и многие другие.

Топонимы, отражающие опосредствованную связь объектов с практической деятельностью человека

Сюда относятся географические имена, информирующие об определенном цвете, размере, форме, местоположении и количестве, т. е. о различных признаках самих географических объектов. В таких названиях не содержится сведений, раскрывающих отношение человека к номинации географического объекта, поэтому мы называем их опосредствованными.

Рассмотрим эту группу названий, выделив в ней: 1) прилагательные и 2) числительные.

Прилагательные в составе топонимии

Прилагательные в сочетании с различными апеллятивами отражают опосредствованную связь географических объектов с практической деятельностью человека. Главными номинационными признаками таких топонимов служат различные свойства объекта.

Ак — «белый»: *Ак-Терек*, *Ак-Талаа*, *Ак-Босого*, *Ак-Сай*, ал., нп.; *Ак-Шар*, ар., нп.; *Ак-Терек*, батк., нп.; *Ак-Турпак*, батк., нп.; *Ак-Коргон*, алб., пос.; *Ак-Жар*, алб., нп.; *Ак-Башат*, алб., нп.; *Ак-Кыштоо*, *Ак-Суу*, жжол., нп.; *Ак-Шаар*, *Ак-Булак*, ноок., нп.; *Ак-Жар*, *Ак-Таш*, *Ак-Терек*, узг., нп.; *Ак-Кыя*, сов., нп.; *Ак-Тектир*, *Ак-Чий*, *Ак-Бейит*, токт., нп.; *Ак-Сеңир*, токт., р.; *Ак-Капчыгай*, чатк., нп. и др.;

ала — «пестрый», «великий», «высокий»: *Ала-Бука*, алб., нп.; *Ала-Жийде*, токт., нп.; *Ала-Бел*, токт., пер.; *Ала-Байтал*, токт., пер.; *Ала-Жыран*, алб., мест.;

бек — «крепкий», «закрытый»: *Бек-Жар*, ксуу., нп.; *Бек-Кудук*, ляйк., нп.; *Бек-Кырчын*, сов., мест.;

боз — «сухая степь без сочной растительности (покрытой ковылем, полынью и т. п.)»: *Боз-Тектир*, токт., нп.; *Боз-Төр*, *Боз-Түндүк*, токт., пер.; *Боз-Чоку*, чатк., нп.; *Боз-Теке-Сай*, алб., р.; *Боз-Жар*, суз., пик;

жазы — «широкий»: *Жазы-Кечүү*, лр., нп.; *Жазы-Бел*, лр., пер.; *Жазы-Сай*, лр., р.; *Жазы-Токой*, узг., мест.;

жалпак — «плоский»: *Жалпак-Таш*, жжол., сов., ал., лр., нп.;

жаман — «плохой» и в смысле «недоступный, непроходимый»: *Жаман-Каракол*, ал., нп.; *Жаман-Жар*, ал., нп.; *Жаман-Кырчын*, ал., нп.; *Көк-Жаман*, лр., нп.; *Жаман-Сарт*, лр., нп.; *Жаман-Айыл*, токт., р., нп.; *Жаман-Тал*, алк., ур., р.; *Жаман-Булак*, ал., р.;

жаңы/янги — «новый»: *Жаңы-Шаар*, ал., нп.; *Жаңы-Араван*, ар., нп.; *Янги-Ават*, ар., нп.; *Чуянги*, батк., нп.; *Жаңы-*

Жол, жжол., нп.; Жаңы-Базар, алб., нп.; Янги-Арык, ксуу., нп.; Жаңы-Кайрат, ксуу., нп. и др.;

ийри — «кривой»: Ийри-Суу, узг., нп.; Ийрек, сов., нп.; Ийри-Токой, фр., нп.; Ийри-Сай, Ийри-Уюк-Сай, алб., р.; Ийрикол, жжол., оз.; Ийри-Суу, алк., р., лет.;

кара — «черный», «суша», «земля»: Кара-Суу, ал., нп.; Кара-Кыя, ал., нп.; Кара-Жыгач ар., нп.; Кара-Суу, батк., нп.;

кара — «большой»: Кара-Булак, ал., нп.; Кара-Мойнок, ал., нп.; Кара-Таш, ал., нп.; Кара-Шоро, ал., нп.; Кара-Тейит, ал., нп.; Кара-Кабак, ал., нп.; Кара-Коргон, ал., нп.; Кара-Өтөк, ал., нп.; Кара-Булак, батк., нп.; Кара-Бак, батк., нп.; Кара-Токой, батк., нп.; Кара-Төбө, алб., нп.; Кара-Үңкүр алб., нп. и др.;

кашка — «прозрачный, чистый»: Кашка-Суу, ал., ноок., токт., чатк., суз., алк., р., пер., оз., нп.; Кашка-Терек, ноок., нп.; Кашка-Булак, чатк., р.; Кашка-Башат, алб., пик, р. и др.;

кэлтэ, келте — «короткий»: Кэлтэ, алб., нп.; Келте-Сай, жжол., нп.; Кэлтэкол, лйик., нп.; Кэлтэ, чатк., узг., нп., р. и др.;

кэттэ — «большой»: Кэттэ-Яр, лр., нп.; Кэттэ-Буура-Бел, чатк., пер.; Кэттэ-Кум-Бел, чатк., р., пер.; Кэттэ-Айырма-Сай, Кэттэ-Таш-Сай, ал., р.; Кэттэ-Кош-Булак, узг., р.;

кең — «широкий, просторный»: Кең-Жылга, ал., нп.; Кең-Сай, ксуу, нп.; Кең-Саз, сов., нп.; Кең-Колот, токт., нп.; Кең-кол, токт., г.; Кең-Саз, чатк., пер.; Кең-Төр, чатк., лет., р.; Кең-Сай, жжол., р.; Кең-Сай, суз., р.; Кең-Жылга, узг., р. и др.;

кичи/кичик — «малый»: Кичи-Бүлөлү, ал., нп.; Кичик-Каракол, ал., нп.; Кичик-Алай, ар., нп.; Кичи-Жапыртмак, токт., пер.; Кичи-Муз-Төр, токт., пер.; Кичи-Арым, Кичи-Кем-пир-Өлдү, Кичи-Чычкан, токт., мест.; Кичи-Туура-Арча, токт., р.; Кичи-Кум-Бел, Кичи-Курама-Турган, чатк., пер.; Кичи-Төр, чатк., лет., р.; Кичи-Ак-Жол, жжол., р. и др.;

көк — «зеленый», «синий», «прозрачный»: Көк-Суу, ал., нп.; Көк-Таш, ал., нп.; Көк-Жар, ал., нп.; Көк-Жангак, алб., нп.; Көк-Таш, алб., нп.; Көк-Серек, жжол., нп.; Көк-Колот, жжол., нп.; Көк-Алма, лр., нп.; Көк-Жаман, лр., нп.; Көк-Там, лр., нп.; Көк-Айдар, лр., нп.; Көк-Кыя, лйик., нп.; Көк-Таш, лйик., нп.; Көк-Бел, ноок., нп.; Көк-Арт, алк., нп.; Көк-Жар, токт., нп.; Көк-Таш, фр., нп.; Көк-Ийрим, токт., г.; Көк-Кыр, токт., пик; Көк-Бел, токт., пер.;

куркак, куру — «сухой, высохший»: Куркак-Сай, ал., нп.; Куру-Сай, лйик., нп.; Куркак-Сай, Кур-Кыр, Кур-Сай, чатк., р.; Куркак-Жылга, Куркак-Колот, сов., р.;

кызыл — «красный»: Кызыл-Кыштоо, ал., нп.; Кызыл-Көчкү, ал., нп.; Кызыл-Тектир, ал., нп.; Кызыл-Булак, ал.,

нп.; Кызыл-Кыя, ал., нп.; Кызыл-Ой, ал., нп.; Кызыл-Коргон, ал., нп.; Кызыл-Алай, ал., нп.; Кызыл-Дөң, ал., нп.; Кызыл-Туу, ал., нп.; Кызыл-Үңкүр, ал., нп. и др.;

ничке/ичке — «тонкий», в топонимии в значении «неширокий, узкий»: Ничке-Арык, лр., нп.; Ичке-Суу, ноок., нп.; Ничке, узг., нп.; Ничке, токт., нп.; Ничке-Сай, фр., нп.; Ичке-Сай, токт., р.; Ичке, чатк., р.; Тоголок-Ичке-Сай, жжол., р.; Ничке-Сай, лр., р.; Ничке, Ничке-Суу, Ничке-Сай, алк., р., ур. и др.;

орто — «середина», «средний» (между чем-л.): Орто-Дөбө-Чаты, ал., нп.; Орто-Кыштоо, ал., нп.; Орто-Суу, ал., нп.; Орто-Талаа, ал., нп.; Орто-Кудук, жжол., нп.; Орто-Мечит, ксуу., нп.; Орто-Какыр, Орто-Кыштак, ноок., нп.; Орто-Арык, узг., нп.; Орто-Жон, Орто-Шоро, токт., нп.; Орто-Кутал, фр., нп.; Орто-Терек, чатк., р., мест. и др.;

пәс, пәски — «нижний»: Пәски-Төлөйкөн, ал., нп.; Пәс-Мәэлә, лр., нп.; Пәс-Көчө, фр., нп.;

узун — «длинный»: Узун-Акмат, токт., мест.; Узун-Булак, Узун-Кыя, Узун-Төр, токт., мест.; Узун-Булак, чатк., р.; Узун-Айрык, алк., дол.;

сары — «большой», «много», «широкий», «просторный»: Сары-Талаа, ал., алб., лр., нп.; Сары-Булак, ал., лр., сов., суз., нп., р.; Сары-Могол, ал., нп.; Сары-Таш, узг., ал., нп.; Сары-Күңгөй, токт., нп.; Сары-Баш, токт., мест.; Сары-Каман-Сай, токт., р.; Сары-Бел, жжол., р.; Сары-Сай, жжол., р.; Сары-Бел, лр., пер.;

сасык — «вонючий»: Сасык-Булак, ал., ксуу, лр., сов., узг., токт., нп., р., г., родн.; Сасык-Бел, ал., пер. и др.;

суук — «холодный»: Суук-Дөбө, токт., г.; Суук-Дөбө, алб., лр., пик, холм; Суук-Булак, алб., пер., р.; Суук-Төр-Сай, алб., р.; Суук-Төр, жжол., г.; Суук-Төр, ал., г.; Суук-Жайлоо, фр., лет. и др.;

тар — «узкий, тесный»: Тар-Тулуп, токт., пер.; Тар-Булуп, токт., р.; Тар, алк., р.; Тар-Жылга, Таркол, алк., ур., р.;

туюк — «замкнутый тупик, не имеющий выхода»: Туюк-Жылга, ал., нп.; Туюк-Суу, узг., нп., р.; Туюк-Төр, токт., р., лет.; Туюк-Таш, чатк., алк., мест., р.; Туюк-Сай, чатк., р.; Туюк, Туюк-Колот, узг., ур.;

түз — «ровный, плоский»: Түз-Ашуу, алб., сов., пер., нп.; Түз-Жайлоо, чатк., лет., р.; Түз-Бел, сов., пер.; Түз-Кайыңды, сов., р.;

чаар — «пестрый»: Чаар-Арча, ал., нп.; Чаар-Таш, алб., нп.; Чаар-Таш, токт., алк., нп., мест.; Чаар-Таш, алк., мест.; Чаар-Бээ, алк., ур., р.; Чаар-Арча, Чаар-Суу, сов., р.;

чоң — «большой»: Чоң-Каракол, ал., нп.; Чоң-Курулуш, лр., нп.; Чоң-Нават, узг., нп.; Чоң-Арык, Чоң-Дөбө, токт.;

нп.; Чоң-Булак, Чоң-Камыш, Чоң-Кызыл-Жар, Чоң-Чаар-Таш, чатк., р. и др.

эски — «старый»: Эски-Дүрбүл, лр., нп.; Эски-Масы, лр., нп.; Эски-Аучу, ляйк., нп.; Эски-Ноокат, ноок., нп.

Кроме указанных прилагательных в составе южнокиргизской топонимии изредка встречаются следующие прилагательные, указывающие на признаки географических объектов: жогорку — «верхний»: Жогорку-Ак-Булак, лр., нп.; жылуу — «горячий»: Жылуу-Суу, ал., родн., нп.; Жылуу-Суу, фр., родн., нп.; жаш — «молодой»: Жаш-Ленин, лр., нп.; кашаң — «ленивый, медлительный (в смысле «медленно текущий»): Кашаң-Суу, токт., р.; кир — «грязный»: Кир-Таш, ал., нп.; Киркол, ноок., нп.; куу — «высохший, сухой»: Куу-Майдан, ноок., нп.; Куу-Ашуу, ал., пер.; Куу-Карагай, алк., мест.; красный (русское): Красный Маяк, узг., нп.; сәңгил — «высокий (о горе)»: Сәңгил-Таш, ар., мест.; семиз — «жирный»: Семиз-Бел, токт., пер.; Семиз-Сай, ал., р.; Семиз-Ээр, лр., пер.; сулуу — «красивый»: Сулуу-Тоо, чатк., г., р.; Сулуу-Терек, чатк., р., мест.; Сулуу-Төр, чатк., р., лет.; Сулуу, Сулуу-Сары-Таш, узг., мест., р.; сур — «серый»: Сур, Сур-Таш, фр., нп.; сокур — «слепой»: Сокур-Бел, чатк., пер.; Сокур-Бел-Сай, алб., р.; жалама — «гладкий», «ровный»: Жалама-Таш, алб., нп.; улуу/улук — «великий, вероятно, в знач. «высокий»: Улуу-Чат, узг., нп.; Улук-Катын, фр., нп.; Улук-Тал, ал., г.; туура — «прямой»: Туура-Ашуу, токт., пер.; Туура-Сай, чатк., пер., р.; Туура-Суу, суз., р.; Туура-Жанак, Туура-Суу, узг., р.; тоголок — «круглый, шарообразный»: Тоголок-Төр, токт., р., лет.; Тоголок-Ичке-Сай, жжол., р.; туш — «противоположный»: Туш-Ашуу, чатк., токт., пер.; төгөрөк — «круг, круглый»: Төгөрөк-Шибер, ал., нп.; Тегерек-Сай, алб., р.; Төгөрөк-Талаа, алк., поле; ойрон — «разрушенный, уничтоженный»: Ойрон-Жылга, ал., нп.; четки — «крайний», Четки-Сай, чатк., р.; чолок — «короткий»: Чолок-Тоо, токт., р.; Чолок-Жарды-Суу, чатк., р.; Чолок-Торпок, узг., р.; жайык — «широкий»: Жайык-Сай, чатк., р.; жашыл — «зеленый»: Жашыл-Сай, чатк., р.; Жашыл-Көл, батк., оз.; караңгы — «темный, плотный»: Караңгы-Токой, суз., мест.; куйук — «обгоревший»: Күйүк-Суу, суз., р.; Күйүк-Дөбө, ал., мест., холм; жылаңач — «голый»: Жылаңач-Таш, узг., г.; тоң — «мерзлый»: Тоң-Зоо, сов., г.; чакан — «маленький»: Чакан-Таш, сов., мест.; жинди — «сумасшедший (в знач. «бурный»): Жинди-Суу, узг., р.; жоон — «толстый (в знач. «многоводный»): Жоон-Булак, узг., родн., реч. и др.

Нецветовые значения прилагательных ак — «белый», ала — «пестрый», кара — «черный», көк — «синий», сары —

«желтый»¹ в составе топонимов рассмотрены в работах акад. А. Н. Кононова [106], проф. Э. М. Мурзаева [141], Г. К. Конкашпаева [103], Е. Койчубаева [94, 95, 98]², Д. Исаева [69, 71].

В составе южнокиргизских топонимов наблюдается также несоответствие современных их значений денотатам. Например, Ак-Булак. Киргизы не называют воду белой, как следует из буквального перевода этого гидронима — «белый родник». Семантика гидронима — «родник, из которого вытекает ручей». Ала-Жыран. В киргизском языке слово жыра, жыран означает «промоину, вымоину (больших размеров), обрыв, подмытый водой». Если исходить из дословного перевода атрибута ала — «пестрый», то значение словосочетания ала жыран — «пестрая вымоина, обрыв» не отражает характера объекта. Следовательно, семантика топонима — «большой обрыв, промоина». Кара-Булак — название родника в Баткенском районе. Вода родника Кара-Булак образует небольшую речку, причем (это важно в данном случае) вода только одного этого родника. Наши информанты не могли четко ответить на вопрос: «Почему „черный родник“, а не иначе»? Стало быть, наши предки, вероятно, имели в виду обилие воды, вытекающей из родника. Кара-Булак — не «черный родник», а «большой родник, родник с обильной водой». Кроме того, в значении «большой» слово кара в киргизском языке встречается в словосочетании кара мал. Оно означает крупных домашних животных, например, корову (уй).

Д. Исаев показал, что значение слова сары не связано с цветом [69, 71].

Кроме того, имеются и другие отличительные черты в употреблении прилагательных в топонимии. Например, прилагательные эски — «старый», чоң, катта — «большой», кичи — «малый», баш — «начало, верх», жаңы — «новый» в составе южнокиргизских топонимов (в качестве атрибута в атрибутивных словосочетаниях-топонимах) более позднего происхождения, чем их определяемые: Ноокат, нп. в результате строительства новых домов старая часть села получила имя Эски-Ноокат, новая — Жаңы-Ноокат; Сарыбай-Турган, мест., от него верхняя ее часть стала называться Чоң-Сарыбай-Турган, нижняя — Кичи-Сарыбай-Турган и др.

В прилагательном ничке/ичке отмечается неустойчивость звука *н* в начале слова, например, Ничке-Арык, лр., нп.; Ничке, узг., сов., нп., лог, ложб.; Ничке-Сай, фр., нп.; Тоголок-Ичке-Сай, жжол., р.; Ичке-Сай, токт., р.; Ичке, чатк., р. и др.

¹ Приведены современные их значения.

² См. также: Койчубаев Е. Алып таулар тарыхы. — Маданият жөнө турмыс, 1963, № 8, (на каз. яз.).

Числительные в составе топонимии

В топонимии Южной Киргизии встречаются следующие количественные и собирательные числительные: *бир, эки, үч, төрт, беш, алты, тогуз, он, отуз, кырк, алтымыш, токсон, миң, жалгыз, кош, сан*. Кроме того, иногда в состав топонимов входят порядковые числительные: *биринчи* — «первый» (например, Биринчи-Май). Сохранилось русское слово *семь* в составе топонима Семихатка, суз., нп.

Проиллюстрируем это следующими примерами.

Алты — «шесть»: Алты-Курук, батк., р.;

алтымыш — «шестьдесят»: Алтымыш-Ат, жжол., р.;

беш — «пять»: Беш-Таш, токт., пер., мест., р.; Беш-Арал, чатк., пер.; Беш-Башат, чатк., р.; Бешкол, алб., мест.; Беш-Таш-Ата, алб., р.; Беш-Жыгач, лр., мест., р.; Беш-Мойнок, алк., мест., р.; Беш-Терек, сов., узг., р.; Беш-Кошун, ал., р., г.; Беш-Арча, жжол., нп.; Беш-Бадам, Беш-Кыштак, лр., нп.; Беш-Коргон, Беш-Тал, ноок., нп.; Беш-Мэхэллэ, фр., нп.;

жети — «семь»: Жети-Сандак, чатк., г.; Жети-Сандык, чатк., р.;

бир — «один»: Бир-Суу, ал., р.;

жалгыз/жаңгыз — «один»: Жалгыз-Кыр, токт., г., хр.; Жалгыз-Арча, Жалгыз-Өрүк, алб., р.; Жалгыз-Булак, алк., мест.;

кош — «двойной», «два»: Кош-Мойнок, ал., пер.; Кош-Бел, ал., пер.; Кош-Алмурут, Кош-Терек, жжол., нп.; Кош-Дөбө, жжол., нп.; Кош-Көл, Кош-Өтөк, фр., нп.; Кош-Кара, фр., нп.;

кырк — «сорок»: Кырк-Күңгөй, лр., мест.; Кырк-Кечик, ар., пер., р.; Кырк-Каракчы, лйк., г.; Кырк-Булак, Кырк-Жылга, лйк., р.; Кырк-Казык, токт., нп.;

миң — «тысяча»: Миң-Теке, токт., нп., мест., р.; Миң-Тукум, чатк., р.; Миң-Жылкы-Сай, алб., р.; Миң-Теке, жжол., г.; Миң-Бугу, жжол., р.; Миң-Төр, узг., мест.; Миң-Жылга, Миң-Жар, ал., мест., р., нп.; Миң-Өрүк, суз., нп.;

он — «десять»: Он-Тамчы, лр., пер., мест.;

отуз — «тридцать»: Отуз-Адыр, ксуу, нп.; Отуз-Арт, лр., пер., р.;

сан — «несчетный»: Сан-Таш, токт., г.; Сан-Таш-Сай, алб., р.; Сан-Кыр, узг., хр.;

тогуз — «девять»: Тогуз-Тарак, алб., р.; Тогуз-Булак, лр., г.; Тогуз-Күңгөй, ал., мест., р.; Тогуз-Орток, фр., нп.;

токсон — «десяносто»: Токсон-Кемпир, сов., р.;

төрт — «четыре»: Төрт-Күл, узг., г., р.; Төрт-Кала, батк., г.; Төрт-Күл, батк., мест., водохранилище; Төрт-Сырдуу, лйк., пик; Төрт-Бел, ал. пер.;

үч — «три»: Үч-Курт, Үч-Кыр, жжол., р.; Үч-Коргон, лр., мест.; Үч-Булак, Үч-Бызыл, Үч-Эмчек, лр., мест., р.; Үч-Моло, суз., р.; Үч-Сейит, узг., г.; Үчкол, Үч-Кул, узг., г., р.; Үч-Котон, лйк., г., пик; Үч-Бай, ноок., нп.; Үч-Кемпир, ноок., нп.; Үч-Көчө, узг., нп.; Үч-Малай, суз., нп.; Үч-Терек, токт., нп.;

эки — «два»: Эки-Кошкон, лр., нп.

В топонимии Южной Киргизии сохранились некоторые географические имена, в состав которых входят числительные. В данном случае имеются в виду следующие числительные: *үч* — «три», *беш* — «пять», *тогуз* — «девять», *отуз* — «тридцать», *кырк* — «сорок», *миң* — «тысяча», которые помимо принадлежащих им современных значений означают еще собирательное «много».

Это доказывается следующими фактами.

В собранном и классифицированном нами материале имеется около 50 названий родников, рек, сел, холмов, перевалов, пастбищ с компонентом *беш*. В тюркских языках слово *беш* употребляется как количественное числительное «пять», однако топонимические данные располагают еще и другим значением этого слова, сохранившимся только в топонимах.

Туркменский топонимист С. Атанязов пишет о топониме *Бишчыкыр* (*чыкыр* — орудие для подъема воды): «смысл первого слова *биш* не совсем ясен: оно или от туркменского *бәш* — пять или же от персидско-таджикского *биш* — много... топоним имеет смысл пять чигирей, либо много чигирей: старожилы помнят то время, когда в селе работало много чигирей» [18, 169]. У авторов-топонимистов, писавших о тюркских топонимах с компонентом *беш*, он этимологизируется как количественное числительное «*беш* — пять» [84, 26; 162, 26; 102, 31—32; 98, 64—66]. В топонимических названиях компонент *беш*, по нашему мнению, имеет два значения: 1) как количественное числительное «пять» и 2) как собирательное числительное «много». Причем второе значение слова *беш*, как полагает С. Атанязов, либо восходит к иранским (персидско-таджикским) языкам, либо является реликтом, сохранившим древнее собирательное значение тюркского *беш* — «много». Об этом свидетельствуют, как нам кажется, следующие факты:

1. В узбекских (Бешбала, Бешкал, Бештентек, Бешкала, Бешкашка), киргизских (Беш-Бөрү, Беш-Бажа) и казахских (Бескемпир, Бескене, Бескара) этнотопонимах первый компонент *беш/бес* означает тюркское *беш* — «пять».

В Южной Киргизии есть топоним *Беш-Жыгач* — буквально «пять деревьев». Здесь компонент *беш* употребляется в значении «пять», а *жыгач* означает меру длины (около

6 км) [19, 10]. Значит, Беш-Жыгач — «пять жыгачей», т. е. расстояние в 35—40 километров. Как известно, подобное исчисление когда-то широко практиковалось.

2. В географических названиях Беш-Бадам, Беш-Тал, Беш-Терек, Беш-Булак, Беш-Арал, Беш-Төр, Беш-Мойнок, Беш-Таш и др. компонент *беш* означает не «пять», а «много». Эти названия своим возникновением обязаны народу, который, кочуя в этих районах, пас свои отары, табуны или занимался земледелием. Видимо, при таких условиях жизни возникла необходимость дать название определенному объекту, который имел хозяйственно важное значение. Несомненно, толчком к называнию был количественный природный признак объекта. В названных объектах количество холмов, перешейков, родников и т. д. намного превосходило пять. Такое же явление наблюдается и в топонимах, связанных с названиями растений. Отсюда и вывод, что *беш* в данных названиях означает «много».

В Южной Киргизии и некоторых районах Средней Азии часто встречается топоним *Беишкент*. Он заимствован из иранского языка и этимологизируется как «дом», «много домов», «много кварталов», «много селений» [84, 26].

Определенную часть топонимии Южной Киргизии составляют топонимы с компонентом *тогуз*. В основном они даны местам, где количество родников либо не доходит до девяти, либо намного больше, чем девять. Точное число «девять» как количественный признак гидронима не встречается. Кроме того, в таких названиях, как *Тогуз-Күңгөй*, *Тогуз-Орток* также не получается число девять. Солнечных склонов гор или горных выступов намного больше или меньше девяти. Такие же количественные несоответствия между названиями и признаками географических объектов наблюдаются в топонимах, в состав которых входят количественные числительные: *отуз* — «тридцать», *кырк* — «сорок», *миң* — «тысяча». Отсюда ясно, что эти числительные употреблялись в значении «много». И действительно, они в составе топонимов как атрибут означают «много», а не пять, девять, тридцать, сорок, тысячу.

Подобные «парадоксы» тюркских числительных нашли отражение в работах тюркологов, где приведены факты тюркских языков, доказывающие несоответствия значений числительных *үч* — «три», *жетти* — «семь», *тогуз* — «девять», *отуз* — «тридцать», *кырк* — «сорок», *миң* — «тысяча»¹.

Указанные киргизские числительные в составе топонимии, вероятно, реликты чисел древних тюрков, когда они еще не умели определенно считать предметы. У многих народов некоторые числа (например, русское число *сорок*) означали неопределенно большое количество [45, 55], множество. Природе такого счета в палеолите посвящено исследование Б. А. Фролова, в котором на основе данных археологии показывается рождение и развитие числа. Он пишет, что «с материальной достоверностью частично сохранившихся до нашего времени следов раннего палеолита можно представить некоторые этапы операций, а возможно также представлений и понятий, которые лягут в основание математики. Таковыми были:

разделение целого на части (первая стадия обработки орудий, раздел добычи);

составление нового целого из частей (составные орудия, жилища);

установление однозначного соответствия (орудие — тип, шаблон);

единообразное повторение сходных элементов в пространстве и времени (симметрия и ритм в орудиях);

замена конкретного множества другим, более абстрагированным от качественных особенностей (прямые параллельные нарезки);

простейшие парные соотношения (руки, день и ночь, тепло и холод, восток и запад и т. д.)» [203, 146—147]. Далее он продолжает, что «...эти новые возможности деятельности открывались долго и трудно при освоении новых источников пищи, энергии, минерального сырья, т. е. и объектов, и процессов окружающего мира, с усложнением технических возможностей общества. С этими первыми шагами естественного и техники начиналась предистория математики, математических понятий, формы, величины, числа» [203, 146—147]. Как видно, конкретное множество у древних заменялось другим, более абстрагированным от качественных особенностей, т. е. в топонимике конкретные сходные географические объекты, или их признаки (например, родник, дерево, камень и т. п.) получали имена не от конкретных количественных числительных, а от собирательных (например, *үч*, *беш*, *тогуз*, *отуз*, *кырк*, *миң* в значении «много» в топонимии).

Из изложенного следует, что географическое название — результат общественной потребности, которая является главным критерием при номинации. Топонимия Южной Киргизии связана со всеми сферами жизни и деятельности киргизского и других народов, живших на территории современной Киргизии или населяющих ее теперь. Помимо этого геогра-

¹ Подробно о них см. в работах [48, 87, 88, 96; 116, 38—44; 211; 214].

фические имена дают различные сведения о природе Южной Киргизии, что и определяет задачи лексико-семантического анализа географических названий.

Топонимы отражают непосредственную и опосредствованную связь географических объектов с практической деятельностью человека.

Топонимы отражают непосредственную связь географических объектов с практической деятельностью человека, дают различные сведения: 1) о главном занятии киргизов в прошлом — скотоводстве; 2) о кочевом образе жизни киргизов; 3) о земледельческом хозяйстве местных жителей; 4) о бытовой и общественной жизни населения; 5) об ориентировке человека; 6) об охотничьем промысле; 7) о жителях Южной Киргизии; 8) о жизни киргизов в советский период.

Топонимы отражают опосредствованную связь географических объектов с названиями, т. е. дают различные сведения о признаках реальных: цвете, размере, форме, местоположении, количестве.

ГЛАВА III

СТРУКТУРА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Под структурой топонима понимается морфологический и словообразовательный состав географических имен. При этом имеется в виду не историческая, а современная морфология, проявляющаяся в способности слова изменяться, сочетаться с аффиксами и служить основой для определения типов словообразования [178, 70].

Киргизские топонимы по структуре можно разделить на две основные модели: простые и сложные [74, 19]. Кроме того, в топонимии Киргизии используются собственно топонимические форманты (-ты, -лы, -лыг, -луу), исследуемые киргизскими языковедами [154, 71—91; 74, 19], а также некоторые словообразовательные аффиксы киргизского языка. Они будут рассмотрены ниже в составе простых и сложных топонимов, как это было сделано на материале русского [178] и киргизского [74] языков.

ПРОСТЫЕ ТОПОНИМЫ

Простые топонимы в южнокиргизской топонимии образуются из существительных без аффикса и с его участием. Основа — апеллятив в первом случае остается без особых формальных изменений, лишь прежние значения слова, апеллятива осложняются семантикой топонима.

Простые топонимы делятся на непронизводные и производные (аффиксальные).

Непроизводные простые топонимы

Под непронизводными простыми топонимами мы понимаем топонимы, образованные из основы существительного без формальных изменений [83, 17]. Непронизводные простые топонимы образуются из разных по тематике групп слов и терминов: 1) географических и 2) социально-экономических терминов; 3) простых этнонимов; 4) антропонимов; 5) наз-

ваний животных и растений; 6) геологических терминов.

Рассмотрим каждый из них в отдельности:

1) географические термины — простые топонимы: Орток, Чалка, Кол, Найза («пикообразная скала») и др.;

2) социально-экономические термины — простые топонимы: Чанач, Тепши и др.;

3) этнонимы — простые топонимы: Бугу, Төлөйкөн, Бөжөй, Мамай, Баргы, Савай, Жоош, Маңгыт, Бостон, Найман, Кутчу, Жору, Бөрү и др.;

4) антропонимы — простые топонимы: Алдаяр, Кулмамбет и др. Имена собственные у киргизов обычно осложненные. Здесь они рассмотрены как целая единица — собственное имя человека. Поэтому топонимы, образованные от антропонима — простые, производные;

5) названия животных и растений — простые топонимы: Кулун, Чыйырчык, Куран, Кекилик и др.;

6) геологические термины — простые топонимы: Жошо, Калай, Зер, Алтын, Сымап и др.

Кроме приведенных топонимов с чистой основой к ним можно отнести некоторые прилагательные, например, Тар, Туук, Ичке, Улан (<монг. *улан* — «красный»), Белый и другие. В составе топонимической лексики немало субстантивированных существительных типа *кайрак*, *какыр*, *кайкы*, *сыйдам*, *мойнок* и т. п. Мы не вправе отнести их к прилагательным, так как они имеют определенные терминологические значения. Эти географические термины обозначают не признаки, свойственные прилагательным, а конкретные географические объекты. Признак является существенным лишь тогда, когда нужно найти слово, обобщающее все однородные признаки при номинации.

Производные (аффиксальные) топонимы

Производные простые топонимы образуются с помощью следующих аффиксов.

-лар: в киргизской топонимии встречается в вариантах -лөр, -дар, -тар, -төр, например, Мөнгүлөр («ледники»), Кыздар (букв. «девушки», вероятно, это огуздар — «огузы»), Пограничниктер («пограничники»). В топонимии Южной Киргизии, а также в киргизском [113, 54—58] и других тюркских языках, например, турецком [107, 67—70] этот аффикс означает множественное число.

-луу (-туу): Алмалуу, Уларлуу, Жолборстуу, Кымыздыктуу. В топонимах, как и в языке киргизов, означает наличие чего-либо [113, 125]. Особенность таких производных географических имен в том, что определяемая часть всегда реду-

цирована, а названия, образованные с помощью аффикса -луу, характеризуют обилие чего-либо, т. е. определяющее слово превращается таким образом в собственное топоним, словом, обратно субстантивируется. В сложных географических именах сохранилась древняя форма современного киргизского аффикса -луу < -лыг (см. топонимы на -лык).

-чил образует прилагательное от именных основ [113, 126], ср. Эмгекчил («трудолюбивый»). В сложных топонимах встречается в некоторых названиях: Ленинчил-Жаш.

-лы (-ли, -лу, -ды, -ди, -ду, -ты, -ту). Природа аффикса -лы в топонимах Киргизии достаточно хорошо освещена в работах Б. О. Орузбаевой [154, 71—91] и Д. Исаева [73, 57—60]. Поэтому мы ограничимся примерами на -лы: Карагайлы, Уларлы; -ли: Шилбили, Текели; -лу: Жошолу; -ды: Куранды, Чалканды; -ди: Четинди, Эрменди; -ду: Борду, Корумду; -ты: Табылгыты, Балыкты, Чабыкты, Карагатты, Шырыкты; -ту: Сулукту. Так же, как в простых топонимах, образованных с помощью -луу, в данной группе названий редуцированы аппеллятивы.

-чы (-чи, -чу): Тамчы, Кашкарчы, Чайырчы, Кочкорчу. В южнокиргизских топонимах аффикс -чы, образуя существительные, присоединяется к глагольной основе (там — «капать» + чы — «капля»), к существительным (кочкор — «баран» + чу — «чабан»), к этнонимическим образованиям (кашкар + чы — «люди из Кашкара»), (чайырчы — «чокающие»), т. е. в Баткенском районе в отличие от других районов Киргизии в языке местных жителей сохранились чоканье и цоканье.

-ек: аффикс уменьшительности, но он в киргизском языке встречается только в словах *коёнек*, *кыргыек*. Из топонимов можно привести следующие: Дүкөнөк (основа неясна), Кепенек (основа неясна), Ак-Төбөк (от *төбө* — «холм»).

-жын: ср. с тюрко-монг. -жын, означающим самок домашних животных: *кунажын*, *дөнөлжүн*, *мегелжын* [113, 95] и с топонимом Кылоожун (*кылоо* — «возглас, которым подзывают телят-сосунков», «название болезни телят», южн. «ящур у верблюдов», «песня-оберег, исполняемая после рождения теленка») [216, 478].

-гер: ср. Зергер («ювелир»).

-ак, -к (-ык, -ук). Этот аффикс в киргизском языке, как и в других тюркских языках, образует существительные от глагольных основ [113, 100]. Ср. в топонимии: Торук, Толук (вероятно, это варианты *тур*, *турук* — «стоять», «становище»), Шалдырак и др.

-ыш (-еш, -уш, -иш, -үш): значение аффикса [113, 99],

ср. в топонимах: Өзгөрүш, Эриш, Жеңиш, Ирилеш, Каргыш и др.

-лык (варианты -лук, -лик, -лык, -дук, -тук). В тюркских языках аффикс -лык имеет различные значения [113, 91—92; 107, 106—111]. В киргизской топонимии он имеет значение места, изобилующего предметами природы, также образует этнотопонимы, связанные с местожительством, каким-либо городом, населенным пунктом. В последнем значении он синонимичен с аффиксом -ли [107, 104—105; 116, 126—127]. Примеры: 1). Булгандык («Соболиный»), Арпалык («Ячменные»), Чымындык («место, где много мух») и др. Все эти топонимы указывают на местность, изобилующую чем-то; но в подобных простых топонимах апеллятив редуцирован, поэтому формально они являются субстантивированными прилагательными. 2). Кокондук («люди из Коканда»), Чекелик («люди из чеке, т. е. с окраины или из нп. Чеке») и др. Кроме того, в советское время появились некоторые населенные пункты, в основу которых легли слова, образованные с помощью аффикса -лык: Бирлик, Ййгилик [73, 60].

-лак: этот аффикс образует имена отымненных основ, одним из отмеченных Э. В. Севортьяном значений его является «местность, место, на которых имеются предметы природы или предметы, созданные трудом человека» [171, 50]. Это значение сохранилось в орониме Төр-Жайлак («высокогорное летнее пастбище»). Этот аффикс в такой форме отсутствует в современном киргизском языке. Однако имеются его варианты, ср. таштак — «каменистый», кумдак — «песчаный» и т. п.; подробнее о нем см. [113, 104—105].

-чак: в топонимии он присоединяется к существительному (напр. Чуңкурчак < чуңкур — «впадина» + чак — «небольшая впадина») и глаголу (напр., Чаңырчак < чаңыр — «брат», «кричать» + чак — «шумная река») — означает уменьшительность [113, 105].

-ма (варианты -мо, -мө, иногда -па) является одним из продуктивных аффиксов в топонимии Киргизии, образуя от глагольных основ существительные [113, 98]. Проиллюстрируем это примерами: Шаркыратма («водопад»), Артылма («перевал»), Чапчыма («недоступная скала, склон, перевал»), Айлампа («водоворот»), Дүңгүрөмө («шум»), Эшме («груды мелкого щебня, выветрившейся мягкой породы») и т. д.

СЛОЖНЫЕ ТОПОНИМЫ

Двух- и трехкомпонентные географические имена в топонимии Киргизии составляют по данным предварительного подсчета, около 70%. Важность изучения их структуры несомненна, так как в них веками сохраняются сложившиеся синтаксические единицы языка. В данном подразделе освещается структура так называемых сложных топонимов Южной Киргизии. Изучение этого вопроса было начато Д. Исаевым [73, 62—75].

Сложные южнокиргизские топонимы по морфологическим признакам делятся на двух-, трех- и реже четырехкомпонентные названия.

Двухкомпонентные топонимы

Главный признак двухкомпонентных топонимов — атрибутивная, т. е. непредикативная синтагма, состоящая из определения и определяемого слова¹. Нередко в редуцированных глагольных топонимах встречается и предикативная синтагма (в большинстве случаев лишь формально).

Компоненты киргизских двухкомпонентных сложных топонимов представляют собой слова, относящиеся к различным частям речи. И к первому, и ко второму компонентам топонима могут присоединяться различные словообразовательные аффиксы. Двухкомпонентные сложные топонимы можно разделить на 7 морфологических типов [74, 20].

1. Атрибутивная синтагма типа «существительное + существительное». По этому типу образуются топонимы двух видов: а) безаффиксальные сложные топонимы, компоненты которых состоят из существительных — первый в роли определяющего, второй определяемого; б) аффиксальные сложные топонимы, т. е. топонимы-словосочетания, оформленные двумя (вторым и третьим) типами тюркского изафета [31, 98; 46, 106—123; 12, 12—23].

Безаффиксальные сложные топонимы (I тип тюркского изафета)

Такие топонимы грамматически оформляются как приимы, и порядок расположения слов (структура топонима) в них имеет существенное значение [73, 63—64], так как определенный географический объект называется не потому, что он просто объект, а потому, что он важен для человека в

¹ Подробно конструкция словосочетаний изложена в работе Н. А. Баскакова [31, 129—178].

его жизни. Для называния этого объекта человек находил характеризующий его главный признак. Это осуществлялось средствами языка, т. е. географический объект оформляется термином, а главный признак — другими существительными, апеллятивами, характеризующими этот объект. Так как эта группа двухкомпонентных топонимов представляет собой I тип тюркского изафета, то нужно «учитывать и содержательную сторону — наряду с грамматическим и логический аспект» [46, 108].

Таким образом, расположение топонимов в топониме, как это было правильно показано Д. Исаевым, составляет одну из языковых особенностей безаффиксальных сложных названий Киргизии.

В составе безаффиксальных сложных топонимов Южной Киргизии выделяются некоторые группы признаков определяющего (атрибута, первого компонента), которые указывают на различные семантические особенности географического объекта. В таких географических именах можно выделить семантические (тематические) группы по значению первого определяющего компонента, ибо значение атрибута — главный признак, элемент при выявлении значения топонима. Кроме того, получим определенную информацию о природе I типа тюркского изафета в киргизском синтаксисе:

а) первый компонент топонимов-антропонимов, в которых содержится информация о принадлежности географического объекта к определенному лицу, либо какой-нибудь причастности человека к нему: Токтобек-Сай (букв. «сай Токтобека»), Каныш-Кыя («косогор Каныша»), Кожо-Жайлоо («летовка ходжи») и т. д. Кроме того, первый компонент указывает на принадлежность или причастность племени, народа к объекту: Черик-Көл («озера племени черик»), Тажик-Кыштак («селение таджиков»), Ёзбек-Гава, Кыргыз-Гава («лог узбека», «лог киргиза») и т. д.;

б) первый компонент топонимов указывает на местоположение, начало и т. п. географического объекта: Рабат-Сай («река, которая протекает около Рабата»), Жол-Колот («лог с дорогой»), Даңги-Булак («родник в теснине») и т. д.;

в) атрибут в сложных топонимах указывает на отличительный характер поверхности географического объекта: Темир-Жон («горный хребет с железной рудой»), Таш-Жайлоо («каменная летовка») и т. д.;

г) атрибут в сложных топонимах указывает на животных и растения в географических объектах: Четин-Кабак («впадина, где растет рябина»), Чыйырчык-Таңги («теснина, на которой гнездятся скворцы») и т. д.;

д) атрибут в сложных топонимах указывает объект, наз-

ванный по аналогии с каким-либо предметом: Кереге-Таш («каменная гряда, похожая на *кереге*», деревянную решетку цилиндрической части юрты), Уй-Таш («камень, похожий на корову»), Чатыр-Таш («камень, похожий на шатер») и т. д.;

е) атрибут в сложных топонимах отражает количество апеллятивов: Алты-Курук (букв. «шесть высохших»), Жалгыз-Кыр («одиноким горный хребет») и т. д.;

ж) атрибут в сложных топонимах информирует об общественно-социальных и других явлениях в жизни населения: Мектеп-Сай («школа в речной долине»), Мазар-Арык («священный арык»), Ойрон-Жылга («ложбина, в которой произошла битва») и др.

Аффиксальные сложные топонимы

По типу «существительное+существительное» южнокиргизские аффиксальные сложные топонимы в зависимости от присоединения ко второму и первому компонентам (соответственно аффикс принадлежности *-ы* и родительного падежа *-нын*) делятся на две группы. Иначе, это топонимы-словосочетания II и III типов тюркского (киргизского) изафета [73, 65].

а). Топонимы-словосочетания II типа тюркского изафета. Особенностью таких топонимов является выпадение аффикса родительного падежа *-нын* в первом компоненте при сохранении аффикса принадлежности *-ы* во втором компоненте. Примеры: Көлдүк чаты («конец Колдука»), Коо чаты («конец Коо»), Базар башы («начало базара»), Тегирмен башы («начало Тегирмена») и т. д.

Этот тип, как показывают топонимические данные, более позднего происхождения, так как, во-первых, слова *баш* — «начало» и *чат* — «конец», указывающие на начало или конец, активно употребляются, во-вторых, аффикс *-ы* свидетельствует о принадлежности к третьему лицу или объекту.

б). Топонимы-словосочетания III типа тюркского изафета. Грамматические показатели *-нын* и *-ы* сохраняются, в отличие от изложенных типов сложных топонимов. Примеры: Коктунун оозу¹ («вход лога»), Калыгулдун көпүрөсү («мост Калыгула»), Байматтын үңкүрү («пещера Баймата») и т. д.

Обе группы аффиксальных сложных топонимов довольно

¹ Особенность орфографии этого типа топонимов состоит в том, что они пишутся без дефиса, второй компонент не пишется с прописной буквы, как в других сложных географических именах.

часто встречаются в топонимии киргизского языка, особенно много их в составе микротопонимии.

2. Атрибутивная синтагма типа «прилагательное+существительное». Географические имена этого типа наиболее распространены в топонимии Южной Киргизии.

По участию аффикса в топонимообразовании они делятся на безаффиксальные и аффиксальные сложные топонимы.

Безаффиксальные сложные топонимы

Атрибут в сложных топонимах указывает на различные качества (цвет, размер и т. п.), характеристики географического объекта (направление и т. п.): Жаңы-Жер («новая земля»), Ичке-Суу («узкая река»), Чет-Бейит («окраинное кладбище») и т. п.

Аффиксальные сложные топонимы

Атрибут в таких топонимах является производным. Аффиксы *-лыг*, *-луу*, *-ды* участвуют в топонимообразовании и образуют прилагательные от имен существительных. Сюда можно отнести следующие топонимы: Аюлуу-Бел («медвежий перевал»), Арчалуу-Төр («высокогорное пастбище, где много арчи»), Талды-Булак («ивовый, тальниковый родник») и др. Кроме того, сюда можно включить топонимы, оформленные с формой *-ыг*: Улук-Катын («старшая катын», «женщина»), Улуг-Таг («высокая гора»), Улук-Көл («высокогорное озеро») и т. д.

Атрибут-прилагательное в сложных топонимах указывает на различные качества, особенности географического объекта: 1) цвет (Улан-Булак — «красный родник», Ак-Төр — «белое высокогорное пастбище» и т. д.); 2) форму, облик (Ийри-Суу — «кривая река», Тегерек-Даван — «круглый перевал», и т. д.); 3) длину, ширину, высоту и т. д. (Узун-Айрык — «длинная долина», Чоң-Чек — «большая граница» и т. д.); 4) качества (Сасык-Булак — «вонючий родник», Жаман-Жайлоо — «плохая летовка» и т. д.); 5) наличие чего-нибудь (Талды-Суу — «тальниковая река», Чымынды-Сай — «речная долина, в которой много мух» и т. д.).

3. Атрибутивная синтагма типа «прилагательное+прилагательное». Такие топонимы появились в результате эллиптирования последнего компонента. К ним относятся номинации верхней или нижней, большой или малой и т. п. частей географических объектов от определенного объекта. Например, название летовки *Балгынды* в горной долине Терек, которая находится в Советском районе. Эту современную форму мы считаем эллиптированной, более позднего происхождения. В действительности это название небольшой горной

речной долины. По берегам протекающей здесь реки растет в изобилии *балгын* (вид кустарника), что послужило признаком при наминации. Первоначальное название — «*Балгынды-Сай*» («речная долина с балгыном»), что и подразумевают местные жители. Постепенно так стала называться равнина, используемая для стоянки аула (современное назначение топонима), затем появилась необходимость, вероятно, с расширением освоения этой речной долины, дать название верхним и нижним ее частям, пригодным для стоянки аула, выпаса скота. В результате появились топонимы *Чоң-Балгынды* и *Кичи-Балгынды* (соответственно «Большой и Малый Балгынды», после чего географический термин *сай*, неудобный для употребления, начал эллиптироваться. Здесь к внешним факторам экономии, эллиптирования относятся необходимость называть разные части определенного, уже имеющего имя географического объекта (в нашем примере — причины появления компонентов *чоң*, *кичине*); к внутренним — неудобство длинных названий типа *чоң балгынды сай*, наличие аффикса *-ды*, кроме того, несоответствие слова и денотата, т. е. несовпадение по названию речной долины Балгынды-Сай и других географических (стоянки аула, небольших горных равнин) объектов.

Как только у двухкомпонентного топонима появляется третий элемент, создается условие для эллиптирования: выпадает обязательно последний компонент — географический термин. В результате в подобных атрибутивных аффиксальных топонимах первоначальный определяющий субстантивизируется и становится определяемым компонентом. Это одна из особенностей тюркской топонимии [73, 67; 127, 9—10], что подтверждается и нашими данными.

Проиллюстрируем это следующими примерами: Кичи-Кайыңды, Чоң-Кайыңды, Кичи-Бүлөлү, Чоң-Бүлөлү, Көттө-Алчалуу и т. д.

4. Атрибутивная синтагма типа «числительное+существительное». В южнокиргизской топонимии в сложных топонимах в качестве атрибута используются определенные числительные. К ним относятся *алты* — «шесть», *алтымыш* — «шестьдесят», *беш* — «пять», «много», *бир* — «один», *жалгыз* / *жаңгыз* — «один», *кош* — «двойной», *кырк* — «сорок», «много», *миң* — «тысяча», «много», *он* — «десять», *отуз* — «тридцать», «много», *сан* — «несчетный», *тогуз* — «девять», «много», *токсон* — «девятьсот», *төрт* — «четыре», *үч* — «три», *эки* — «два». Примеры: Алты-Курук, Алтымыш-Ат, Беш-Таш, Беш-Жыгач, Бир-Суу, Жалгыз-Кыр, Жаңгыз-Жол, Кош-Мойнок, Кырк-Күңгөй, Миң-Теке, Он-Тамчы, Отуз-Арт, Сан-Таш,

Тогуз-Тарак, Токсон-Кемпир, Төрт-Кала, Үч-Курт, Эки-Кошкон.

5. **Предикативная синтагма.** В топонимии Киргизии встречаются два типа предикативной синтагмы: «существительное+причастие» и «причастие+существительное» [73, 72—73].

Предикативная синтагма типа «существительное+причастие». Этот тип сложных глагольных топонимов в зависимости от формы причастия делится на четыре группы. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

а). Причастия прошедшего-настоящего времени с аффиксом *-ган* (*-ген*, *-кан*). Причастие на *-ган* как в киргизском, так и во многих тюркских языках означает действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, свойство, проявляющееся вне строго определенного времени [107, 252]. В топонимии Киргизии он ничем не отличается, ср.: Жар-Казган, Төлөбай-Өлгөн, Кожо-Ашкан и др. Особенность только в том, что апеллятив в большинстве случаев редуцирован; ср. Бокой-Өлгөн, в самом деле это Бокой-Өлгөн-Журт—«летовка, на которой умер Бокой», или Орус-Өлгөн, в действительности — Орус-Өлгөн-Конуш — «летовка, где умер русский». Подобные (*журт*, *конуш*) слова-апеллятивы, обозначающие географические объекты, опускаются, редуцируются. Состав другой группы таких названий не редуцируется, ср. Сууган-Таш — «остывший камень»; Казган-Мазар — «выкопанный мазар» и др.

б). Причастия настоящего-будущего времени с аффиксом *-ар*. Аффикс причастия *-ар*, присоединившись к глагольным основам, как в киргизском языке [113, 279], так и в топонимии Киргизии, образует сложные топонимы полного предложения с опущенным конечным элементом и без него. Примеры: Ит-Агар («река, которая понесет собаку»), Ат-Чабар («местность, на которой проводятся скачки»), Из-Басар («гора, по которой идет след»), Качар-Ала-Төр [«убегающее (ала, вероятно, «высокий») высокогорное пастбище»] и т. д.

в). Причастия настоящего-будущего времени в отрицательной форме.

В составе некоторых топонимов встречается причастие на *-бес* (от отрицательной формы причастия *-бас*) [113, 280]. Топонимы с причастием *-бес* по структуре напоминают законченное полное предложение, но здесь по структуре неполное предложение, так как отсутствуют, т. е. опущены, редуцированы названия, означающие географические объекты. Например, в известном тюркском Барса-Келмес («пойдешь — не вернешься»), опущен термин *арал* — «остров», который местные жители само собой подразумевают. Здесь, по-видимому,

нужны некоторые коррективы. В топонимии Средней и Центральной Азии, как неоднократно отмечал Э. М. Мурзаев, действительно имеются топонимы, совпадающие по форме с полными предложениями [141, 26, 85 и др.]; эти топонимы выражают законченные мысли. Формально они представляют собой два типа: 1) топонимы полного предложения с опущенным термином и 2) топонимы полного предложения без опущенных терминов. Приведем несколько примеров.

1). *Улак-Эмбес* («гора, на которой козленок не сосет молоко»), *Кулун-Эмбес* («летовка, на которой жеребенок не сосет молоко»), *Бөрү-Көрбөс* («лог, которого волк не видит»), *Жел-Тийбес* («лог, в котором не дует ветер») и др. 2). *Күн-Тийбес-Сай* («речная долина, куда не падают солнечные лучи») и т. д.

г). Глаголы прошедшего определенного времени изъявительного наклонения. Топонимы этой группы образуются с помощью аффикса *-ды* (варианты *-ду*, *-дү*, *-ди*, *-ту*): этот аффикс встречается только в сложных топонимах и означает законченное в прошлом действие, ср. с примерами из южнокиргизской топонимии: *Кыз-Тууду*, *Кемпир-Өлдү*, *Токмок-Салды*, *Түлөө-Берди*, *Суук-Түштү* и т. д.

Предикативная синтагма типа «наречие+существительное». Сюда относятся следующие топонимы на *-ган*: *Турган-Сай*, *Куйган-Сай*, *Кескен-Бел* и др.

Трехкомпонентные сложные топонимы

Трехкомпонентных сложных топонимов в топонимии Южной Киргизии намного меньше, чем двухкомпонентных. Такие киргизские топонимы на материале топонимии Северной Киргизии проанализированы Д. Исаевым [73, 73—75].

Основными их особенностями являются определенные синтаксические признаки. В первую очередь следует отметить, что по структуре они делятся на две части: определяющее и определяемое, т. е. представляют собой тип антрибутивной синтагмы, как в двухкомпонентных топонимах. Но здесь вторую, определяемую часть составляет двухкомпонентный топоним, выступающий как неделимая синтаксическая единица, тогда как первая часть выполняет функцию определяющего. Например, *Баш-Ичке-Суу*: *баш* — определяющее, *ичке суу* — определяемое. Другую группу трехкомпонентных топонимов, напротив, составляют географические имена, первая часть которых состоит из двухкомпонентных топонимов, выступающих в роли определяющего, в то время как определяемая часть состоит из одного слова; например, *Кара-Булак-Төр*: *кара булак* — определяющее, *төр* — определяемое. Кроме

того, в трехкомпонентных топонимах встречаются топонимы III типа тюркского изафета, например, Арпанын Ала-Тоосу, Жунайдын Кыр-Чокусу [73, 73—74].

Прониллюстрируем вышесказанное на материале топонимии Южной Киргизии: Чоң-Кызыл-Жар, Чолок-Жарды-Суу, Чоң-Эшек-Өлдү, Кара-Башат-Сай, Кара-Арча-Сай, Талас Ала-Тоосу и т. д.

Четырехкомпонентные топонимы в микротопонимии встречаются очень редко. Нами зафиксировано одно такое название: Кожонун-Эшегин-Бөрү-Талаган («волк съел осла хаджи»), сов., лог.

Таким образом, сущность структуры южнокиргизских топонимов заключается в следующем:

1) по составу слов южнокиргизские топонимы — одно-, двух- и трехсоставные. Наибольшую часть топонимии Южной Киргизии составляют двухсоставные географические имена. Затем следуют одно- и трехсоставные, четырехсоставных названий мало;

2) в образовании и простых и сложных топонимов участвуют словообразовательные аффиксы *-луу*, *-лы*, *-лык* и *-ты* (с вариантами) и другие, также причастные формы на *-ган*, *-ар*, *-бас*, аффикс прошедшего определенного времени изъявительного наклонения *-ды*;

3) морфолого-синтаксический анализ топонимов показывает, что внутренние и внешние факторы создают условия для эллиптирования географического имени, в результате чего топонимы подвергаются действию закона языковой экономии. Нередко эллипсис-топоним субстантивируется и закрепляется как топоним;

4) двух- и трехкомпонентные топонимы могут быть в положении атрибутивной и предикативной синтагмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование современной топонимии Южной Киргизии тесно связано со становлением киргизского народа и его языка. Топонимия многослойна, она складывалась веками.

В ее составе имеются топонимические пласты иранских (согдийско-ягнобский, таджикский), тюркских [древне- и среднекиргизский, южносибирский (алтайский, тувинский), уйгурско-узбекский], арабского, монгольского и русского языков.

Географические названия — результат общественной потребности, которая является главным критерием при номинации. Топонимия Южной Киргизии связана со всеми сферами жизни и деятельности киргизского и других народов, живших прежде и населяющих Киргизию ныне. Помимо этого, географические имена дают различные сведения о природе Южной Киргизии.

По составу слов южнокиргизские топонимы одно-, двух- и трехкомпонентные. Наибольшую часть составляют двухкомпонентные географические имена. Затем следуют одно- и трехкомпонентные, доля четырехкомпонентных топонимов мала.

В образовании и простых, и сложных топонимов участвуют словообразовательные аффиксы *-луу*, *-лы*, *-лык*, *-ты* (с вариантами) и другие, также причастные формы на *-ган*, *-ар*, *-бас*, аффикс прошедшего определенного времени изъявительного наклонения *-ды*.

Морфолого-синтаксический анализ топонимов показывает, что внутренние и внешние факторы создают условия для эллиптирования географического имени, в результате чего топонимы подвергаются языковой экономии. Нередко эллипсис-топоним субстантивируется и закрепляется как топоним. Двух- и трехкомпонентные топонимы могут быть в положении атрибутивной и предикативной синтагмы в определенных языковых условиях.

Топонимы — прежде всего слова. Поэтому «они красно-

речиво свидетельствуют о языке тех, кто их дал. А так как они прикреплены к месту, то по ним можно восстановить древний язык на определенной территории и очертить границы распространения» [147, 11]. Нами установлено, что границы согдийско-ягнобских топонимов проходят по территории Ленинского, Ляйлякского, Баткенского, Фрунзенского, Ноокатского, Араванского районов и Алайской долины Ошской области. Кроме того, выявлены согдийские, ягнобские и таджикские слова, ныне не употребляемые (напр., *роут, каук, оут, бурс* и др.) и употребляемые — заимствованные (напр., *даңги/таңги, кутал, пас, келте/кэлтэ* и др.).

Стало известно, что некоторые аффиксы иранских языков входят в состав южнокиргизской топонимии.

При изучении тюркских названий получены весьма интересные сведения, относящиеся к истории киргизского языка. К ним относится тюркская топонимическая лексика, сохранившаяся в составе древне- и средневекового и киргизского подпластов (напр., *арт, кол, агач, агача, тамга, чаткал, богуз, жыл, кой, жаңак, кыпчак, созок, сунган, эгиз, жазы* и др.). Сохранены формы *-лы, -ты, -ыг, -лыг, -лак* и др.

Помимо этого, киргизские топонимические факты свидетельствуют о достоверности предположения Н. А. Баскакова о том, что III тюркский изафет является более древней формой, чем другая конструкция тюркского изафета [31, 100]. Киргизские топонимы — изафет II — появляются только в результате эллипсирования.

К тому же южнокиргизская топонимия отражает многочисленные лексические, звуковые элементы и семантические различия в употреблении слов, характерных для южного (юго-восточного и юго-западного) диалекта, которые не безынтересны при изучении истории киргизского языка.

Южносибирские и уйгурско-узбекские слова, звуковые чередования в составе южнокиргизской топонимии свидетельствуют о былых взаимосвязях киргизов с южносибирскими тюркскими народами, уйгурами и узбеками.

Иранская топонимия является, по нашему мнению, субстратным пластом. Появление остальных пластов в составе южнокиргизской топонимии имеет свои особенности. Например, арабская топонимия связана только с распространением ислама. О монгольской топонимии можно сказать, что одна группа отражает или родственную, или заимствованную, причем восходящую к глубокой древности, другая же группа связана с появлением монгольских племен и народов на территории Южной Киргизии. Время появления этих топонимов можно установить лишь опираясь на исторические и языковые свидетельства в совокупности. Южносибирская топонимия

в составе киргизской топонимии появилась в результате миграции киргизских племен из Южной Сибири и др.

Одной из особенностей киргизской топонимии является отсутствие собственно киргизских (тюркских) слов, апеллятивов для обозначения города, улицы, квартала, деревни, поселка. Для их обозначения в киргизской топонимии употребляются иранские или русские слова: кирг. *село*, русск. *село, селение*, кирг. *шаар*, ир. *шахар* («город»), кирг. *поселок*, русск. *поселок*, кирг. *көчө*, ир. *куча* («улица»), кирг. *мээлэ*, ир. *махалла* («квартал»), что говорит о кочевом образе жизни киргизов в прошлом. Появление же указанных понятий связано с оседлым образом жизни. На это обратил свое внимание Н. К. Дмитриев: «Историку и этнографу тюркских племен полезно будет задуматься над тем, что все термины, обозначающие город и деревню, в этих языках заимствованные» [55, 506].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

КРАТКИЙ ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

В словарь включены географические имена, представляющие наибольший интерес для исторической лексикологии, диалектологии, фонетики и морфологии киргизского языка.

Цель краткого словаря — установление языковой принадлежности географических названий, хронологии их возникновения и выявление звуковых, лексических и других лингвистических закономерностей.

В словарной статье материал расположен в следующем порядке: 1) наименование объекта на основе киргизской орфографии, 2) диалектный вариант (главным образом в местной форме) или русская общепринятая транскрипция (отмечено пометкой *русс.*) топонима в скобках, 3) лингвистический анализ. Принятые условные сокращения характерны для всей работы в целом.

В словаре содержится 145 статей на материале топонимии Южной Киргизии, лингвистическая интерпретация которых в определенной степени восполнит пробел в топонимии Киргизии.

Агач-Арт. Слова, легшие в основу этого топонима, понятны не всем киргизам. *Агач* в топониме Агач-Арт является сохранившейся древнетюркской формой современного киргизского *жыгач*. Компонент *арт* также является древнетюркской формой, дошедшей до нас в составе топонимов (Кызыл-Арт, Эшек-Арт, Көк-Арт, Торугарт и др.) и в говоре киргизов Памира [133, 123].

Изложенные данные помогают раскрыть значение топонима Агач-Арт. Наиболее вероятны два его значения: «перевал, где много *агач'ей*», либо «перевал, где растет *агач* (в данном случае одно или несколько деревьев)». Поскольку перевалы в Памиро-Алайских горах безлесные, можно утверждать, что истинно последнее значение и номинальным признаком таких перевалов могли быть одно или несколько *агач'ей*.

Агача. В основе топонима лежит слово *агача* — «распадающаяся на две части река»; «ложе ручья», «ложбина»,

«лог», «узкая долина», что зафиксировано в говоре киргизов Джерге-Тала [133, 14].

Агача-Кол. Топоним образован от слов: *агача* — «текущая вода», «ложе ручья», «горная долина» и *кол* (<тюрко-монгольская тополексема, обозначающая «река», «русло реки», «речная долина»). См.: *Агача*.

Ажык. В основе топонима лежит южносибирский географический термин *ажу* — «перевал». Ср.: *Ажык* с алт. *ажу* — «горный перевал», «место, где переезжают через гору»; на диалекте черневых татар (туба-кижи) алтайского языка *ажуу/ажык* — «перевал» [28, 98]; тув. *ажыг* — «перевал»; хак. *азыг* — «горный перевал»; шор. *ажык* — «перевал». С этим же термином мы связываем название летовки и перевала *Ажыке*, которые находятся в Советском районе Ошской области. *Ажык* — перевал.

Ажыке (Эжике). См.: *Ажык*.

Ак-Богуз. Река Ак-Богуз — правый приток р. Тар. Местность, где сливаются реки Тар и Ак-Богуз, называется Ак-Богуз чаты. В основе второго компонента топонима лежит древнетюркское *богаз*, *богуз*, букв. «горло», «глотка» [59, 109, 110], топонимическое значение которого — проход в горах, проток, пролив [141, 129, 134]. Этот топонимический термин-метафора употребляется в топонимии ряда тюркских языков, напр., узб. *богуз* — «пролив», «горловина», кирг. *богаз*, *богоз* — «ложбина», «место, где сходятся две или несколько ложбин» [216, 137; 133, 359] и др.

Ак-Богуз — ущелье, проход или ложбина с белыми камнями.

Ак-Суур. Определяющие прилагательные *ак* — «белый», *кара* — «черный» в сочетании со словом *суур* вызывают сомнения в значениях названий Ак-Суур, Кара-Суур. В действительности слово *суур* в указанных топонимах объясняется тувинским словом *суур* — «сопка», «пик», «заостренная вершина горы» [189, 379], которое, как мы считаем, сохранилось в анализируемых названиях. Значение тувинского местного термина подтверждается рельефом, антонимичными (*ак*, *кара*) видами поверхностей, находящихся вблизи названных, расположенных недалеко друг от друга объектов и одинаковым цветовым фоном покрывающих трав. Е. Койчубаев с этим словом связывает казахский топоним *Сугур*. Он пишет, что «*Сугур* — гора в Алма-Атинской области (изредка *Таусугуур* — „гора *сугур*“). От тюркского «сопка, пик, заостренная вершина горы», букв. «острый, конусообразный, заостренный» [98, 197].

Таким образом, топонимы *Ак-Суур* и *Кара-Суур* обозначают соответственно «белая и черная заостренная сопка или

тора». Вероятно, *суур* — древнетюркское слово, впоследствии развившееся во вторичный долгий звук в тувинском и киргизском, сохранившееся в древней форме в казахском языке, причем в казахском и киргизском языках — только в топонимах.

Ана-Кызыл (Кеңеш). Ср.: *анна* — «глубокий, большой яр». Встречается в лаялякском говоре [133, 94]. *Ана-Кызыл* — красный, большой яр, что подтверждается действительностью.

Апшир-Сай (*Әпшир-Сай*). Апшир — скала, из которой бьет сильный поток воды. Апшир-Сай — название ущелья, где протекает такой поток. Апшир — таджикский топоним, состоящий из словосочетания *оби ши́р* — «горный поток, вода которого цветом похожа на молоко» [209, 49]. Апшир-Сай — бурный поток, бьющий из скалы, цвет воды которого напоминает молочный из-за сильного вспенивания. Последнее явилось причиной такого метафорического названия. Возможно и другое происхождение: компонент Апшир восходит к иранским словам *абшар*, *абшир*, *абшор* в значении «водопад», «поток».

Аркыт. Топоним образован, по-видимому, из санскритского *архант*, *рхант* — «архат — святой, тот, кто достиг последней ступени на пути к успокоению, нирване» [59, 58, 478]. В подтверждение санскритского происхождения топонима можно привести объяснение местных жителей о том, что «это земля святая, нет такого красивого места, чтобы можно было сравнить с Аркытом». Конечно, у современных киргизов нет того понятия, которое имело санскритское слово. Местные жители под названием *Аркыт* подразумевают не только указательное, адресное значение топонима, но и природу: красивые горы, реки, леса.

Аук. Ср.: тадж. *ау* (<об) — «река» + *-ак* (суфф. уменьшительности) — *Аук* — «речка».

Аустан. *Аустан* — ср.: *ау* (ягн. *ау* — «тот») + *стан* (тадж. *-стон*, суффикс, образующий слова со значением): а) название страны, места жительства какого-либо народа или племени; б) места изобилия чего-либо [161, 542] — «то место»; «та страна, область». Ср.: ягнобский топоним *Ау гузар* — «тот квартал» [209, 24]; *Кыргызстан*, от *кыргыз*.

Ачы. Местные жители объясняют так: «бул жердин суусу ачы, аты да Ачы» — «у этой местности вода мутная и солоповатая, т. е. *ачы*, название тоже *Ачы*». Этим именем названа болотистая местность с мутной, солоноватой водой [133, 155]. *Ачы* является усеченной формой общетюркского *ачык*, *ачуу* — «горький», которое сохранилось в говоре киргизов Сузакского района и нашло отражение в топониме *Ачы*. Пе-

реход *у/ы* имеет место в ряде тюркских языков, напр., ср.: каз. *торы*/кирг. *тору* — «гнедой» и др.

Бант. Топоним Бант, возможно, восходит к слову *банд* — «гора», которое сохранилось как топоним [217, 164].

Баястан (Байастан) — ср.: *байа* (<тадж. *поя*) — «стель» + тадж. *стан* — «место изобилующее поя».

Берик-Суу. Ср.: тадж. *борик* — «узкий» + кирг. *суу* — «река» — «узкая река».

Беш-Белчир, *Боз-Белчир*. Эти названия выделяются как единичные случаи в топонимии Киргизии.

В древнетюркском языке *белчир* употреблялось в форме *белтир* со значениями «скрещение дорог, перекресток, место слияния рек» [59, 94]. Киргизские названия с компонентом *белчир* по происхождению южносибирские и данный компонент восходит к енисейскому периоду развития киргизского языка. По мнению Н. А. Баскакова, между монгольскими и тюркским *белчир*, *белтир*, *белчээр* возможна этимологическая связь [29, 69]. Названия *Беш-Белчир*, *Боз-Белчир*, вероятно, перенесены киргизами в период их миграции из Южной Сибири и обозначают, соответственно, «пять русел рек» (возможно, *беш* в значении не «пять», а «много»); «сухая степь», «пастбище».

Бидона. Топоним образован от ягнобского *бидон* — «средина» + *-а* (<ягн. суфф. *-а*; используется только в микро-топонимии) [209, 13].

Боз-Белчир, см.: *Беш-Белчир*.

Бордун жону, восходит к монгольскому *боржин* — «гранит», «гранитный» [131, 77]. Киргизская форма топонима является результатом адаптации. Это доказывается тем, что *Бордун жону* — букв. «хребет мела», «меловой хребет», что в киргизском языке не употребительно. На горе, называемой Бордун жону, имеются каменные россыпи, скалы, образованные из беловатых камней.

Борзой. Вероятно, восходит к согдийскому и ягнобскому языкам, ср.: согд. *пор* — «через», «напротив» [175, 102], *зух* — «земля», «страна» [90, 11]. Слова *пор*, *зой* встречаются как в памирских и ягнобском языках, так и в их топонимии. Что касается перехода звуков *п/б*, *з/ж*, то эти явления вполне могли произойти в процессе адаптации.

Бөлөк-Дөбө. В переводе на русский язык буквально означает «чужой холм», «часть холма». Компонент *бөлөк* в составе данного топонима употреблен в значении «выделяющийся», так как холм, называемый Бөлөк-Дөбө, представляет собой конусообразное возвышение, высотой отличающееся от остальных окружающих его объектов. Бөлөк-Дөбө — одиноко возвышающийся холм, бугор.

Беру-Токой. Образовано от слов: *беру* — «склон», «скат», «спуск горы» и *токой* — «берег реки, выдающийся полукругом», которые сохранились в современных монгольском и алтайском языках [80, 16; 150, 151]. Местность, называемая *Беру-Токой*, расположена на правом берегу р. Көк-Арт в долине Алай-Куу и по форме напоминает выдающийся полукругом берег реки. Вероятно, по этой причине в прошлом ей и было присвоено такое название.

Бужум. В основе топонима лежит узбекское *бужун* — «вяз Андросова (вид карагача с крепкой древесиной, идущей на ступицы арб [191, 88]. Встречается в разных вариантах и значениях в говорах узбекского и киргизского языков. Ср.: *гужун, гужум* (Хорезм, Ургенч) — «густой раскидистый карагач с пышной кроной» [192, 70], *бужум/бужун* в этом же значении в говоре киргизов Баткенского, Ляйлякского районов.

Буйга. В словаре К. К. Юдахина приводится целый ряд слов, близких по форме к топониму Буйга, ср.: *буй, буйга, буйгаал, буйтка* — «укромное место», «прикрытие», «укрытие»; *буйгат* — «ложбина на склоне горы (ближе к ее вершине)»; «верхние разветвления», *буйтоот жер* — «укромное место в стороне от дороги» [216, 155—156]. Буйга — это ложбина, укромное, не бросающееся в глаза место, совсем не видное с главной дороги, которая идет по берегам р. Тар; поэтому ложбина названа местным термином *буйга*.

Будалык. Топоним образован от монгольского *буудал* — «стоянка», «стан»; «становище» [131, 90] и древнетюркского уменьшительного аффикса *-ык* [59, 660]. *Будалык* — небольшая стоянка, становище.

Булгандык. Название образовано от монголо-уйгурского *булган* — «соболь» [131, 85; 193, 44] с прибавлением *-лык* (<-лыг), др.-тюрк. аффикса, образующего слова со значением места изобилия чего-либо). Булгандык — «местность, изобилующая соболями».

Бурса. Ср.: тадж. *бурс* «арча»+*-а*. Бурса — «арча».

Бүлөлү. Топоним происходит от киргизского *бүлө* — «брус (точильный)» [216, 167] и *-лү* (<-лыг). Бүлөлү — место, где имеется много точильных камней. Возможна этимологическая связь с монгольским *билүүдэх* — «точить» [131, 70].

Вахум-Чартак. Ср.: ягн. *векхун* — «дальняя летовка», также ягнобские топонимы *Вехун, Векхун* [209, 27]. *Вахум-Чартак* — «летовка за пределами ущелья Чартак».

Газ. Ср.: ягн.-тадж. *газ* — «камыш» также ягнобские топонимы *Газ, Газароут* [209, 74].

Гаузен. Гаузен — ср.: *гауз* (тадж. *хавд, хавз*+суфф. *-ен*

(<-он) — «место, где находится множество водоемов со стоячей водой».

Гөңдү. В основе топонима лежит диалектное слово *гөңдү* — «чернозем», «черноземная земля» [133, 467]. Такое же название зафиксировано в Каратегине [133, 467]. Это слово — производное от *көң* — «сухой помет».

Гүлчө (русс. Гульча). Ср.: этноним *гүлчө*, ныне сохранившееся название урука (небольшой родовой группы) в Джанги-Джольском районе [133, 489]. Возможна связь с этнической группой таджикских *галча*.

Даргаз. Восстанавливаемая таджикская форма *Дари газ* ср.: тадж. *дара* — «ущелье»+*газ* — «камыш». *Даргаз* — «ущелье, где растет газ».

Дароот-Коргон (русс. Дараут-Коргон). Топоним состоит из трех компонентов: *дара+овут/или ровут, роут+коргон*. Первые два компонента, вероятно, восходят к согдийскому языку. Слово *дара* (в киргизских топонимах встречается в разных вариантах *дара, дөрө, дере*) означает в топонимии Таджикистана «ущелье», «небольшая долина». Компонент *оот*, вероятно, согд. *рвт* — «река», ягн. *раут, роут* — «река» [208, 96] или согд. *от* — «место», «селение» [176, 19, 191]. *Коргон*, по-видимому, более позднее вскрапление, возможно сделанное киргизами, так как в период Кокандского ханства на территории Киргизстана было построено множество курганов, крепостей. Такие курганы были построены и на территории современного Алайского района. Ныне от них остались лишь названия, например, Кызыл-Коргон, Сопу-Коргон. Значения первых двух компонентов топонима объясняются двояко: «река в ущелье» или «горная река»; «селение, местность в ущелье».

Дашман. Ср. тадж. *даш* — «степь», «поле»+*ман* (<-манд суффикс, обозначающий обладание каким-либо предметом или качеством и образующий прилагательные и существительные) [161, 542] — «степь», «степной».

Дебге. Ср.: тув. *девээ* — «тенистое место» [189, 139]. Местность *Дебге* в действительности — тенистое место у подножья горы Кара-Тума. Это название можно поставить в один ряд с топонимом *Дөбөгө* в Алайском районе, где тувинское *девээ* сохранилось в разных формах как географические названия *Дебге* и *Дөбөгө* в современном киргизском языке. Нам представляются допустимыми фонетические различия в словах *девээ, дебге, дөбөгө*, где тувинская форма является более поздней, чем форма в киргизских названиях, законсервировавших в себе не изменившиеся по форме, и не принявшие неразвитые во вторичную долготу древние звуко сочетания *-eg(e), -өг(ө)*.

Жай-Терек. В компоненте *жай*, находим ягнобское *зой* — «земельный участок»; ягнобское *зой*, даже весь топоним, представляет собой структуру образования иранских географических названий. Киргизский топоним, на наш взгляд, является приспособленной формой ягнобского топонима в киргизском языке. Значит, Жай-Терек < *Зой* и *дирахт*, или *Зойи терек* — «земельный участок, где растут тополя».

Жойбөлөнт. Ср.: ягн. *зой* — «земельный участок» + тадж. *баланд* — «высокий, верхний участок земли».

Жуука. Название восходит к алтайскому *дьуука* — «овраг», «ров» [150, 59].

Жүркүн. Ойконим происходит от русского антропонима *Юркин*. В конце 20-х годов в бою с басмачами был ранен красноармеец Александр Юркин, которого оставляют лечить рану у местных жителей. После выздоровления он организует колхоз, долгие годы работает его председателем. По рассказам местных жителей вокруг дома, построенного А. Юркиным, выросло село *Жүркүн*.

Жылкол. Ср.: др.-тюрк. *йул* — «источник», «ручей», *йулак* — «ручей», «поток» [59, 277, 278] и *кол* — «долина» [59, 453]. Эти слова и по форме, и по значению раскрывают «тайны» наименования. *Жылкол* — «долина, где много родников, источников, или родниковая долина».

Жыл-Куу. Первый компонент топонима восходит к древнетюркскому *йул* — «источник» [59, 277]. Компонент *куу* — киргизская адаптация таджикского *кух* — «гора» [181, 200]. *Жыл-Куу* — «родниковая гора или гора, где есть источник». Ср. с *Жылкол*.

Зергер (Зэргер, Зэргар). По происхождению восходит к иранским языкам, возможно, к таджикскому. Вероятны три толкования его значения: 1) топоним могли назвать по прозвищу *зергера* — «ювелира» (местные жители придерживаются этой версии); 2) в иранских языках слово *зар* означает «золото» и есть слово *гар* — «гора», восходящее к согдийскому языку (*гр* — «гора») [176, 19]; следовательно, «золотая гора»; 3) в составе топонимии Таджикистана часто встречается географический термин *зер* — «низ», «низина», «нижняя часть чего-либо» [209, 34; 181, 153] и указанное слово *гар* — «гора» — «низина у горы».

Исфара. Компонент *-фара*, возможно, ягн. *-вара*. Интересно, что топонимы на *-вара* встречаются лишь в Фалъгаре и Ягнобе, а в Матче им соответствуют таджикские топонимы на *-зор* (ср.: ягн. Торонзара и матч. Торонзор) [208, 25]. Неясность компонента *ис-*, распространенного только в ареале *-вара/-бара*, затрудняет решение вопроса, несмотря на формальное тождество ягнобского *-вара* и киргизского

-пара (< *-фара* возникло в результате его передачи с помощью русской орфографии, причем местные жители, как выяснилось после неоднократных проверок, произносят его не через *ф*, а через *п*).

Кадамжай. Восходит к арабо-иранским языкам и связано с религией. *Кадамжай* означает «место, где ступала нога святого» или «пророка»; «могила святого»; «святое место» [216, 313].

Казык, Чоң-Казык, Кичи-Казык, Казык чаты, Кара-Казык. Компонент *казык* в составе географических наименований трудно объяснить исходя из кирг. *казык* — «кол», «клин», «прикол».

Не исключена возможность, что *казык* является звуковым вариантом древнетюркского этнонима *азык* [24, 533], на что обратил внимание Е. Койчубаев. Казахский топоним *Казык* он считает происшедшим от тюрк. *азык* [98, 130], что более правдоподобно.

Кроме того, в основе этих южнокиргизских названий, вероятно, лежит сарыг-югурское слово *кузук* (с вариантами) — «берег, край» [121, 62, 63; 183, 201].

Кайың-Арт. Букв. «береза» + «перевал». Обычно перевалы киргизских гор бывают каменистыми или травянистыми. Такие топонимы, как *Агач-Арт*, *Кайың-Арт* составляют исключение. По всей вероятности, там в прошлом росли деревья и в частности березы, что и послужило признаком названия.

Кандава. Топоним ягнобско-таджикского происхождения. Ср.: Кандава, ягн., тадж. *канта*, *канда* — «рытвина» + *ав* (< тадж. *об* — «река») + *-а* (ягнобско-таджикский топоформант) — «следы или высохшее русло реки».

Канцык. Топоним, вероятно, согдийского происхождения. Ср.: «канск — название места, ...напр., ягнобское селение *Канси*, или в значении «город», или «городской» [176, 104, 19; 209, 37—38].

Каравшан. Ср.: структуры топонимов Каравшан в Киргизии, Зеравшан в Таджикистане; обе реки берут начало вблизи Туркестанского хребта. Каравшан, вероятно, восходит к согд., ягн. *гар* — «гора» + *ав* (< *n*, *оп* — «вода», «река») + *шан* (< *-шан*, ср.: тадж. непродуктивный суффикс, образующий слова со значением места, изобилия чего-либо) [161, 542] — «река, текущая в горах», или «горная река».

Карагуз. Есть основания полагать, что *гуз* образован от древнетюркского *куз* — «часть горы, неосвещаемая солнцем» [59, 475]. Компонент *кара* — «не покрытое снегом место в горах» [216, 346] употребляется в южном диалекте киргизского языка. *Карагуз* — частично неосвещаемое солнцем, не покрытое снегом место, ложбина в горах.

Кара-Кабак. Ср. *кара* — «черный» или «большой» и *кабак* — «рытвина», «впадина» — «большая или черная впадина».

Кара-Суур — см. *Ак-Суур*.

Кара-Чукур. В киргизском языке буквально означает черную впадину, углубление. Но это не соответствует рельефу названного объекта, так как там нет никакой впадины, которая могла бы служить признаком для номинации в прошлом. Наоборот летовка, перевал, так называемый Кара-Чукур характеризуется куполообразной огромной горой, сплошь покрытой горами камней. Правда, немного ниже, справа от каменного пика, находится перевал, связывающий горные долины *Узун-Айрык* и *Терек* в их верховьях. Первоначально, вероятно, был назван описанный перевал. Это подтверждается наличием древнетюркского оронима Кара-Шыкур, зафиксированного в Подкуниинской рунической надписи, найденной на берегу р. Енисей в 25—27 км от г. Минусинск. Древнетюркское название Кара-Шыкур переведено Э. Р. Рыгдылоном как «черный перевал» [165, 60]. Мы полагаем, что киргизский топоним *Кара-Чукур* тождествен древнетюркскому орониму.

Кары-Жыгач. В современном киргизском языке слово *кары* — «старый» почти не употребляется по отношению к неодушевленным предметам, в частности, к старым деревьям. Такие понятия, как *кары жыгач* — «старое дерево», *кары чынар* — «старый чинар» архаичны, поэтому название *Кары-Жыгач* представляет интерес.

Качуура. Название происходит из монгольского *гачуур* — «ель» [131, 116] и -а (?). Горы и ущелье, которые носят это название, покрыты тяньшанскими елями.

Кирбөө. Топоним образован от местного термина *кирбөө* — «берег», «укромное место на берегу реки». Вероятно, оно заимствовано из уйгурского языка, ср.: уйг. *гирвэк* — «берег», «край», «грань чего-нибудь» [193, 54].

Ковсубар. Ср. тадж. *гов* — «корова» + *чубар* — «ручей», «канал» > Ковсубар букв. «коровий ручей».

Кой-Булак. Компонент топонима *кой* восходит к древнетюркскому *кой* — «дно долины» [59, 453]. *Кой-Булак* — «родник в горной долине». Ср. *Сары-Кой*.

Кош-Агыл. Ср. др.-тюрк. *агыл* — «загон для скота» [59, 18], кирг. (узг., пам., жерг., батк., суз.) *агыл* имеет то же значение [133, 15]. *Кош-Агыл* — «двойной загон, сарай».

Көк-Айдар. Второй компонент образован от устаревшего слова *айдар* — «чуб, коса у мужчины», например, *аркасында айдары* — *тору айгырдын жалындай*, фолькл.: «сзади у него коса, как грива у гнедого жеребца» [216, 30]. *Көк-Айдар* —

метафорическое название со значением «зеленый холм». Ср. каз. *Айдарлы* — названия поселков в южных районах Казахстана, а также ур., г., бугор. *Айдар* — «хохол» + афф. -лы, т. е. «холм в виде хохолка» [98, 18].

Көк-Жаңак (лит. *Көк-Жаңгак*). Местная форма топонима *Көк-Жаңак* — букв. «зеленый орех», по нашему мнению, не совсем соответствует истине. *Көк-Жаңак* — древнетюркское название, значение которого местные киргизы связывают по аналогии со сходными по форме словами *көк* — «зеленый» и *жаңак/жаңгак* — «орех». В действительности в основе топонима лежат слова *көк*, *жаңак/жаңгак* со значениями «зеленый», «синий» и «сторона».

Көк-Жаңак — «зеленая сторона горы», «зеленый склон». Это подтверждается следующими фактами. В ряде древнетюркских письменных памятников встречается слово *йаңак* (с вариантами) — «сторона», «направление» [59, 233, 237, 267, 641], которое и лежит в основе второго компонента рассматриваемого названия.

В основе топонима лежит, вероятно, и другое древнетюркское слово. Ср. *йаңрак* — «складка», «изгиб горы» [59, 234]. Тогда *Көк-Жаңак* — «складка, изгиб в горе, склоне»; *Көк-Жаңак* в действительности именно такая местность.

Кураш. Ср.: согд. *п* — «вода» [176, 20]. Исходя из компонента *ап* — «вода», «река» и ранних упоминаний топонима в источниках, можно предположить, что это название согдийское.

Кууганды-Сай. Компонент *кууган* восходит к монгольскому *хухан* — «береза» [131, 543; 74, 16]. *Кууганды-Сай* — «река, берег которой покрыт березой».

Кыз-Арт. Букв. «девичий перевал». Этот топоним неоднократно встречается в разных местах Киргизии, и вполне вероятно, что *кыз* — не современное тюркское слово со значением «девочка», а слово, связанное с этнонимом *огуз*, являющееся результатом эллипсиса в киргизских географических названиях. *Кыз-Арт* — «перевал огузов».

Кызыл-Аңгел. Ср. *аңгел* — «овраг»; «глубокая широкая промоина» [216, 58; 133, 97]. *Кызыл-Аңгел* — «красный ангел».

Кызыл-Сеңир. Название произошло из киргизского *кызыл* — «красный», *сеңир* — «покрытый травой, высокий гребень горы». Слово *сеңир* ср. с др.-тюрк. *сеңир*, *сенир* — «мыс горы» [59, 495].

Кыпчакей. В основе топонима лежит древнетюркское слово *капчак* — «место слияния реки с притоком» [59, 420]. Местность, называемая *Кыпчакей*, находится у слияния правого притока, носящего это же название, с р. Терек, которая, сое-

динившись с р. Көк-Арт, составляет р. Тар. -кей является топоформантом, так как этот аффикс сохранился только в нескольких географических терминах и топонимах: ср. *күңгөй* — «солнечная сторона»; *тескей* (по-казахски *терискей*) — «тенивая, северная сторона»; *беткей* — «склон горы», *Кыпчакей*, *Тескей-Ала-Тоо*, *Күңгөй-Ала-Тоо*. Чередование звуков *а/ы* в первом слове (как это наблюдается *капчак/Кыпчакей*) лишний раз подтверждает наше предположение; ср. напр., *ташта/тышта*, *чакыр/чыкыр* и др.

Кыштут. Вероятно, топоним согдийский. Ср. «*кбштбт* — название владений и их центра... В настоящее время название *Кыштут* носит левый приток Зеравшана выше Магйан-Дарьи...» [176, 104—105]. Ареал распространения топонимов на *кыш* в разных вариантах (*кыш*, *куш*, *киш*) представляет определенный интерес, так как топоформант *кыш* кроме верховьев Зеравшанской долины отмечен в южных районах Ошской области, граничащих с северными районами Таджикской ССР. Ср. топонимы верховьев Зеравшана: *Кыштут*, *Кишировут*, *Кишироват*, *Кушировут*, *Харкишировут*, *Киширобут*; топонимы Южной Киргизии: *Кыштут*, *Бала-Кыш*, *Маркуш*, *Чакуш*, *Куш*, *Кишемиш* (?). Указанные топонимы зафиксированы лишь в замкнутом ареале, т. е. только на территориях Фрунзенского, Баткенского, Ляйлякского районов.

Лаглан. Компонент *лаг* можно сравнить со словом *лагж/лагч* — «скользкое место». Данное слово встречается в топонимии Таджикистана: *Лагж*, *Лагч* [209, 42—43]. Значение тополексемы *лан* не выяснено.

Лайли. Топоним образован от ирано-тюркского *лай* — «грязь»+афф. -*ли* — «место, где много грязи, муть».

Лейлек (*Лэйлак*, русск. *Ляйляк*). В основе топонима лежит таджикское слово *лайлак* — «анис».

Мады. Ср. согд. «*мдм* — селение в Фальгаре. ...Современный Мадм лежит в горах левобережья Зеравшана на одноименной речке в 5 км от места впадения в Зеравшан...» [176, 105]. Согдийский *Мадм* вполне мог адаптироваться к киргизскому *Мады*.

Маргун. Таджикская форма *Марггун*, ср. тадж. *марг* — «луг»+*гун* (суфф., обозначающий подобие, образует прилагательные) [161, 542]>*Маргун* — «подобный лугу».

Матча, *Матча-Суу*. Ср. согд. «*мтч* — селение в верховьях Зеравшана, ...сейчас Матча» [176, 105]. Этимология не известна.

Муздак. Название образовано от древнетюркского *муз* — «лед»+*даг* — «гора». *Муздак* — «ледниковая гора».

Мур. В основе оронима лежит таджикский географический термин *мур* — «ложбина» [205, 19].

Мустан. Ср. кирг. *муз* — «лед»+тадж. *стан* — «место, гора, изобилующие льдом».

Мырзаке. Ср. тадж. *Мирзо* — «господин» или «имя собственное»+*аки* [суффикс, образующий прилагательное и существительные (имена деятеля) от именных основ] [161, 542].

Миязды. Название образовано от кирг. *мияз*—«лук»+*-ды* (<-лы). Следовательно, оно обозначает место, изобилующее луком. Ср. *бийаз*, *мийаз*, *бийаз*, *мыйаз* в северном диалекте [133, 334], *пияз* в южном диалекте и в литературном киргизском языке. Вероятно, это следы древнекыпчакского, древнеогузского чередования звуков *м/б* (?) [27, 122, 278], сохранившиеся в топонимах.

Ноокат (селение делится на *Эски-Ноокат* и *Жаңы-Ноокат*, соответственно — «старый» и «новый»; русск. *Наукат*, *Иски-Наукат*, *Жаны-Наукат*). Компонент *ноо* восходит к таджикско-ягнобскому географическому термину *нов*, *ноу* — «лощина», «небольшая долина» [209, 15, 19]. Компонент *кат* в разных фонетических вариантах распространен на обширной территории Европы и Азии. Это тополексема в топонимах имеет значение «селение», «квартал», «город». Многие ученые считают, что *кат* восходит к согдийскому *кт* — «селение», «квартал», «город» [176, 19; 1, 579]. В составе южнокиргизской топонимии *кат* встречается в топонимах *Өзгөн*, *Ноокент*, *Торкент*, *Мункент*, *Темиркент*, *Ноокат*. Значит, *Ноокат* — «селение в ложбине, в небольшой долине»; такое объяснение местоположения нп. *Ноокат* вполне правдоподобно.

Охна. Ныне носит имя А. Орозбекова. Топоним восходит к таджикскому *Оби хана* — «место, изобилующее водой». Кроме того, в диалектах таджикского языка употребляется слово *овхуна* с указанным значением. О первоначальной таджикской форме топонима писал А. П. Федченко: «в конце лощины... было ...селение *Оби хана* (разрядка наша. — К. К.) или, по искаженному произношению живущих там киргизов, *Охна*» [202, 99]. Таким образом, еще сто лет тому назад таджикское *Обихана* или *овхуна* в речи киргизов адаптировалось в *Охна*.

Өзгөн (русс. *Узген*). Вероятно, это древнетюркское название, ср. *өз* — «долина» (по словарю Махмуда Кашгарского) [59, 395] и ир. *кент*—«город»; следовательно, *Өзгөн*—«город в долине».

Пада-Күңгөй. Ср. ягн. *пада* — «место», «местность». *Пада-Күңгөй* — «местность, куда падают солнечные лучи, солнечная сторона».

Пайзиват. Ср. тадж. *файз* — «изобилие», «обилие»+тадж.

обод — «заселенный», «цветущий», «благоустроенный» *Пай-зават* — «место, цветущее, изобилующее, благоустроенное».

Палал-Ооз (Палал-Овуз). Ср.: ягн. *палол* (вид растения) ягнобским топонимом Палалвара — «местность, где растет *палол*» [209, 50]. Палал-Ооз, ягн.-кирг. «местность, точнее, селение при выходе из ущелья Палал».

Параканда. Ср.: тадж. *парра* — «сторона», «край» + тадж. *канда* — «рытвина» > *Параканда* — «край рытвины» или «сторона рытвины».

Падкул. А. Л. Хромов выделяет следующие топонимы на *пад-* (*пат-*): Падро, Падрок, Падрохин (сел.), Патхур, Падруш, Падраса, Патхен. «Возможно, — пишет он, — что *пад-* < согд. *пт* — (префикс со значением «в», «внутри», «на»). Отсюда: Падрог «местность на лугу» [208, 96]. Компонент *кул* — ягнобское слово со значением «пастбище». Киргизский топоним Паткул, по-видимому, согдийского происхождения.

Пача-Ата. Ср. с гидронимом «Пача, притоком правого р. Томь (ср.: камасинск. *пха* — «дрова», «лес»; юрак.-сам. *пеа* — «дерево», «лес», т. е. «лесная, залесная» [33, 185].

Пидау. Ср.: ягн. *пид*, *пит* — «передняя часть» + ягн. *ау* (< об) — «река» > *Пидау* — «передняя часть реки».

Пулгөн (русс. *Пульген*). Ср.: чук. *пильгин* — «устье реки, приток, пролив» [141, 131].

Роут-Коут. Ср.: ягн. *кабуд/кабут* — «зеленый», а также компонент *ровут/роут* — «боковое ущелье» [209, 36, 15].

Роут-Коут — «ущелье, где растет сочная зеленая трава». Ср. с ягнобскими топонимами *Иагроут* — «ледяное ущелье», *Роут* — «ущелье», *Роутак* — «небольшое ущелье» и др.

Саңги-Таш (Сәңги-Таш). Название образовано путем полукальки из иранского *санги моло* — «надмогильный камень» [216, 634]. *Саңги-Таш* — «надмогильный камень».

Сары-Бээ. Название образовано от монгольских *саруу* — «кривой», «косой» и *гувээ* — «бугор», «холм» [131, 128, 351]. С течением времени в результате адаптации в киргизском языке это название стало звучать как *сары* — «желтый», *бээ* — «кобыла». С указанными словами, конечно, трудно связать данный ороним. На местности, носящей название *Сары-Бээ*, находится большая гора, холм, которую путники вынуждены были обходить. *Сары-Бээ* — «кривой бугор, холм, гора».

Сары-Кой. Ср.: второй компонент с *кой* в составе топонима Кой-Булак. *Сары-Кой* дословно означает «желтая горная долина, ложбина; вероятно, большая горная долина, ложбина или верхняя ложбина» [74, 13, 12]. Ср.: *Кой-Булак*.

Сары-Талаа. В данном названии компонент *сары* означает «большой». Ср.: *сары карын*, *сары таман ат*, *сары төр*,

сары оозон и др. [69, 86—91]. *Сары-Талаа* — «большая степь, равнина».

Сары-Чачма. В основе таких киргизских топонимов лежат иранские (таджикско-ягнобские, а возможно, и согдийские) слова *сар* — «верхняя часть», «верх» и «*чашма* — «источник», «родник» [209, 15, 19; 2, 125—128]. Настоящая форма топонимов приспособлена к особенностям киргизского языка, где первоначальная иранская форма *сар чашма* подвергнута звуковым изменениям. Топоним означает «верхний источник».

Сох. Ср.: ягн. *Сухта* — «обгоревшее место», *Сухта бурс* — «обгорелая арча» [209, 62]. *Сохом* называют выжженную солицем долину, пустыню.

Сугут. Топоним образован из тюрк. (кирг.) *сугут* — «талышник, ива». Это слово в киргизском языке и в топонимии Киргизии часто встречается еще в форме *сөгөт*.

Сузак (совр. лит. кирг. и русск. *Сузак*). В прошлом употреблялось в форме *Созок*, а не *Сузак*. Впрочем старожилы произносят его как *Созок* и в настоящее время. Ареал топонима *Сузак* довольно обширен. Он встречается в различных вариантах на территории Казахстана (*Созак*, пос.) [98, 196], Туркменистана (ип. *Созак*, *Сузак*). Во всех этих топонимах, по нашему мнению, наблюдается одна основа, образовавшая название *Сузак* в Средней Азии.

В древнетюркском языке (X в., памятник «Алтын Яруг») встречается слово *созак* (*азу созакларта*, «или в поселениях») — «поселение» [59, 509], которое и сохранилось как топоним. Это слово, по мнению Е. Койчубаева, лежит в основе казахского топонима. Не отрицая его мнения об основе топонима *Сузак*, мы предлагаем другое возможное толкование.

В джангиджольском говоре киргизского языка употребляется слово *созок*, означающее долину с обширной ровной нижней частью и, наоборот, узкой верхней, или долину между двух гор. Кроме этого слово *сусак* — «сопка», «холм» в башкирском языке [109, 121; 159, 278]. Значение киргизского топонима *Сузак* (< *Созок*) соответствует указанным значениям киргизского и башкирского слов: *созок*, *сусак* — и то, и другое подтверждается географической действительностью названного объекта.

Сулайман тоосу (Сулайман-Так, Так-Сулайман). Это название горы — одно из свидетельств распространения в прошлом на территории Южной Киргизии ислама. Причем возникло оно после XVI века, до этого времени гора называлась *Баро-Кух*, что в переводе с персидского, таджикского языков означало «красивая гора» (< *баррок* — «чистый», «красивый», и *кух* — «гора»). Об этой горе и ее названии

писал в своей книге Захреддин Бабур: «На юго-востоке крепости расположена красивая гора под названием *Барокух*. На вершине этой горы Султан Махмуд хан построил хужру (*хужра* — «дом»), немного ниже в 902 [1496—1497] году построил хужру с айваном» [20, 60]. Это древнее название дошло до нас благодаря Бабуру и после бабуровского периода было забыто местным населением (киргизами и узбеками). В связи с распространением ислама мусульманские фанатики, превратив эту гору, пещеру в ней и маленькие домики, построенные Султан Махмуд ханом и Бабуrom, в место поклонения, присвоили им другое название, связанное с именем пророка Сулеймана. Впрочем в странах, где исповедуют ислам, это название очень распространено. Ср. Такт-и Мадер-и Сулейман — развалины древней крепости в долине Пульвара; Такт-и Сулейман — название летнего дворца шаха Сулеймана (1667—1694) у подножия горы Кух-и Суффа, что к югу от Исфахана; Такт-и Сулейман — название развалин главного храма огнепоклонников в южной части Азербайджана; Такт-и Сулейман — развалины города к юго-востоку от Мераги, в Азербайджане; Тахт-и Сулейман — развалины к югу от озера Урмии в Азербайджане [25, 153, 175, 199, 203, 265]; а также Сулейманова гора (название горы в Афганистане) [25, 94, 96].

Сунганды. Топоним восходит к древнетюркскому *сынчган* (бот.—лиций), *сынчган каты* — «ягоды лиция» [59, 504]. Это слово не встречается в киргизском языке.

Тагап. Топоним образован от тадж. *тагоб* — «ущелье» [209, 19, 62]. Значение топонима тождественно значению таджикского географического термина.

Тамга. В основе топонима лежит древнетюркское слово *тамга* — «рукав, приток реки»; «небольшая речка, ручей, залив» [59, 530]. В действительности местность под названием *Тамга* является одним из больших заливов озера Иссык-Куль, в который впадает речка, носящая это же название. Этот древнетюркский географический термин сохранился лишь как топоним.

Тамга-Терек. Название образовано из таджикских слов: *дамга* — «место, где отдыхают путники» [209, 30] и *терек* (<ир. *дирак* — «тополь») [144, 163]. Значит Тамга-Терек — «место отдыха путников, где растет тополь».

Таркол. Образовано от кирг. *тар* — «тесный», «узкий» [216, 706; 114, 578] и др.-тюрк. *кол* — «долина» [59, 453]. Таркол — «узкая долина, урочище». Такое объяснение подтверждается рельефом местности.

Тасыркай. Ср.: тув. *дазыр*, *дазыргай* — «голый (о местнос-

ти)»; «голое место без растительности» [189, 131]. *Тасыркай* — «голое место, лишенное растительности».

Татыр, *Ак-Татыр*, *Дөбө-Татыр*. Мы полагаем, что в основе данного топонима и других географических названий с компонентом *татыр* лежит тюркский местный термин *татыр/тактыр/какыр*. *Такыр*, *татыр* как географический термин широко распространен в Средней Азии, на Алтае и участвует в топонимобразовании, напр., урочище *Татыр*, в Казахстане [102, 111; 98, 213], *Татыр*, *Ак-Татыр*, *Дөбө-Татыр* в Киргизии. Термин *татыр* известен со времен Махмуда Кашгарского: *татыр йер* — «ровное глинистое место, лишенное растительности» [59, 542]. В такой же форме оно употребляется в казахском языке: *татыр* — «солончак», «солончаковая местность» [81, 337]. По мнению М. Гельдыханова, общетюркский термин *такыр* — «гладкая, твердая, голая, глинистая поверхность» — является современной формой древнего *татыр* [49, 15]. В этом плане интересно сравнить слова *татыр/тактыр/какыр*, в которых находим звуковые соответствия *т/к* в анлауте. Причем все они имеют одинаковое значение («место, лишенное растительности», «солончак») в тюркских языках.

Следовательно, киргизские названия образованы от тюркского географического термина *татыр* и означают «место, лишенное растительности» (такое объяснение вполне отражает характер местности *Татыр* в Советском районе), «солончак», «солончаковая местность».

Таиш-Акур. Ср.: компонент *акур* с литературной его формой *акыр* — «ясли для скота» [216, 42]. К. К. Юдахин поместил это слово как иранское. Слово *акур* употребляется в Узгенском, Джанги-Джольском, Карасуйском, Баткенском районах, а также в Таласе и Замине [133, 55]. Кроме того, оно также встречается в форме *авгыр* в Баткенском районе [133, 10]. Это южнокиргизское слово нашло отражение в топонимии *Таиш-Акур* — «каменный акур».

Тес-Күңгөй. Образовано от *тес* (*тескей* + *күңгөй*). Следовательно, дословно оно означает «несолнечная, теневая сторона» + «солнечная сторона». Нам представляется, что *Тес-Күңгөй* — реликт того далекого времени, когда мышление людей было еще примитивным. Для того, чтобы обозначить несолнечную, теневую сторону, вероятно, и употреблялось словосложение *тескей-күңгөй*, означающее теневую сторону напротив кунгея, т. е. солнечной стороны.

Тоготой (совр. с. Киров). Это селение расположено на левом берегу р. Кара-Дарья, в месте слияния рек Тар и Кара-Кулжа. Значение названия неясно. Можно лишь сравнить его с алтайским топонимом *Тоотой* [150, 204] и казах-

ским названием Тогатай, которое Е. Койчубаев связывает с казахским этнонимом [98, 218]. Киргизский топоним сохранил более древнюю форму, чем алтайский. Ср.: *Тоготой/Тоотой*.

Толук, Торук, Торук-Сай, Турук-Сай. Мы убеждены, что эти киргизские названия образованы от др.-тюрк. *турук* — «жилище», «стоянка», «пастбище» [59, 588]. Ламдаизм (толук) и ротацизм (торук, турук) объясняются из др.-тюрк. *р/л* [27, 115], а чередования звуков *о/у* — допустимое явление, напр., кирг. лит. *топурак/южн. турпак* — «земля», «глина», кирг. лит. *томолок/южн. тумалак* — «круглый», «шар».

Урум-Башы. Первый компонент и, вероятно, все название образованы от тув. *урем, урема* — «прибрежная углубленная полоса речной поймы в горах» [125, 93]. Н. К. Дмитриев считал, что русское *урема* произошло от поволжско-татарского и башкирского *эремэ* — «перелесок, мелкие лесные заросли» [55, 513]. Д. Исаев при анализе происхождения северокиргизского топонима *Урмарал* связывает первый компонент данного названия *урм* с указанными тувинскими, поволжско-татарскими и башкирскими местными терминами. При этом он пишет, что «значение этих топонимов (*Урум-Башы, Урөм*—К. К.) на данном этапе современного киргизского языка объяснить пока не удалось» [74, 12].

Географический термин, как правильно замечает Д. Исаев, в составе топонимии Киргизии встречается в названиях трижды: *Урмарал, Урум-Башы, Урөм*. И это, на наш взгляд, не случайно. Указанные названия были перенесены киргизами из Южной Сибири, и хотя местные жители в Сузаке не знают значения этого термина, о нем можно легко догадаться, наблюдая за местностью, называемой *Урум-Башы*, которая сплошь покрыта мелкими лесными орехами, фисташковыми и другими зарослями. На небольшой долине этого района у поймы р. *Урум-Башы* расположено маленькое село с таким же названием. Последнее относится к верховьям реки и долины, остальные получены от него.

Таким образом, *Урум-Башы* по значению вполне созвучно тувинскому термину.

Чаңгыр-Таш. Топоним состоит из слов *чаңгыр* (<тадж. *сангбур* — «место, где дробятся камни» [209, 56] и кирг. *таш* — «камень»). Превращение таджикского слова *сангбур* в *чаңгыр* вполне возможно. Подобных топонимов иноязычного происхождения немало в топонимии Киргизии.

Чарбак. Ср. ир. *чарбак* — «крепость», «населенный пункт, обнесенный крепостной стеной»; «фруктовый сад» [216, 848]. Ныне более употребительным является последнее значение

слова. *Чарбак* — фруктовый сад. Не исключена связь с согд. *срвд* — «дворец» [*«Алтун-Яруг»* по 59, 490]).

Ташты-Калан. Ср.: тадж. *дашт+и+калон* — «большая степь».

Чарку-Лейлек. Название образовано из таджикских слов: *чарг* — «горная птица из породы орлов, приручаемая для охоты на куропадок» [181, 439] и *лайлак* — «аист» [181, 202]. Первоначально топоним, вероятно, имел форму *Чарг* и *лайлак*. Современная форма — результат адаптации в киргизском языке.

Чартак-Сай. Ср.: ягн. *чор* — «узкое ущелье», «теснина»+ягн. *так* — «низ», «низина»+тюрк. *сай* — «река»>*Чартак-Сай* — «низина у ущелья или низ у ущелья», «река, текущая в Чартак».

Чаткал. Известны два совершенно различных толкования его значения. Х. Х. Хасанов, ссылаясь на словарь Шайх Сулаймана Бухарий, пишет, что *чаткол* означает «неровную, высокую теснину высокого перевала», и этот местный термин лег в основу топонима *Чаткал*, который хорошо отражает географическую действительность места [207, 56]. Г. К. Конкашпаев возводит *Чаткал* к казахскому географическому термину *чаткал, шаткал*, имеющему значение «каменистая возвышенность, изрезанная многочисленными глубокими ущельями» [100, 40]. М. С. Андреев пишет, что «Чаткал в дарвазских говорах — береза, которой много в долине этой реки [11, 154]. Его поддерживает узбекский топонимист С. К. Караев [84, 135]. Э. М. Мурзаев в своей книге приводит мнение М. С. Андреева и Г. К. Конкашпаева о топониме *Чаткал* [136, 257].

Топоним образован от слова *чаткал* — «впадина между двух гор, долина» [216, 851], восходящего, возможно, к древнетюркскому периоду.

Чекей. Ср.: тув. *чегей* — «скудный», «редкий» [189, 502]. Местность *Чекей* покрыта редкой растительностью, за что и получила такое название. Ср.: Сары-Чекей, жжол., ип.

Чогон. Ср.: кирг. *согон* — «дикий лук» [216, 649], а также топоним *Согонду* в Алайском районе. Отмечается соответствие *с/ч* в анлауте, как, например, узб. *сачтарах/кирг. чачтарах* — «парикмахерская», кирг. *сагыз/узб. чагиз* — «сера жевательная»; *сыз/чыз* — «черти», *сөз/чөз* — «слово» и т. д. *Согон, Согонду* — «места, где растет согон».

Чоң-Нават. Название образовано от тюркско (киргизско)-иранских слов: *чоң* — «большой»+нав (<ягн., тадж. *нов, ноу*) — «лощина»+а+т (-а, -т — топоформанты). Значение топонима: «большая, или широкая лощина».

Чук-Терек. Значение первого компонента названия непо-

нятно местным жителям. Вероятно, это алтайское: *чук* — «густой», «скупенный»; *чук бөлөк* — «густой кустарник»; *чук агац* — «густой лес» [150, 181]. Следовательно, *Чук-Терек* — «густой тополь». Возможно и другое объяснение. В словаре К. К. Юдахина *чук терек* — дерево, растущее, по народным преданиям, за Аягузом вокруг могилы Баян-Сулу и Козу-Корпеша [216, 278]. Интересно, что местные киргизы связывают топоним *Чук-Терек* с героями киргизского эпоса «Олжобай и Кишимжан», якобы погибшими в этом месте, о чем говорится и в эпосе.

Чуянги. Ср.: тадж. *чу* — «ручей», «канал» + тюрк. (узб.) *янги* — «новый» — «новый канал».

Шибели. Значение топонима непонятно местному населению. Оно образовано от алтайско-тувинского *шибе*¹, *чиби*, *шиви* — «ель», «еловый» [150, 179, 189, 545]. К. М. Мусаев пишет, что в тувинском и алтайском языках название имеет одинаковое обозначение: тув. *шиви*; тув. *шивилиг аьрга* — «еловый лес», *шиви чочагайлары* — «еловые шишки»; алт. *чиби*. Кроме ели означает также пихту [144, 173]. Значит, киргизский ороним Шибели — «место, изобилующее елью».

Шырыкты. Образовано от кирг. *шырык* — «тонкая молодая ель», «тонкая и длинная сухая ель» и *-ты* (<-лыг). *Шырыкты* — «гора, поросшая в изобилии молодой елью».

Ызар. Название перенесено киргизами от Гисара и претерпело ряд изменений. Иранский *Гисар* в процессе адаптации превратился в *Ызар*, в результате регрессивной ассимиляции анлаутный *и* — в *ы*. Иранский *с* дал звук *з*, отражая особенности джанги-джольского и чаткальского говоров киргизского языка.

Эгиз-Булак. В основе первого компонента топонима лежит слово *егиз*, *едиз* — «высота», «высокое место», восходящее к древнетюркскому языку [59, 163, 165]. *Эгиз-Булак* — «родник на высоте». Ср. *Эгизек*, *Эгиз-Төр*.

Эгизек. Топоним восходит к др.-тюрк. *егиз*, *едиз* — «высота», «высокое место» [59, 163, 165] и *+ек* (аффикс уменьшительности) [59, 650]. Этот аффикс встречается в словах *кыргыек*, *коенек*, *коделек* в киргизском языке [113, 95]. *Эгизек* — «невысокое место».

Эгиз-Төр. В основе первого компонента лежит слово, восходящее к древнетюркскому языку. *Эгиз-Төр* — «высокогорное пастбище». Подробно см. *Эгиз-Булак*.

Эски-Аучу. Ср. тадж. *ау* (<об) — «река» + *чу* — «ручей»,

«канал» > *Эски-Аучу* первоначально «река+канал» (?), затем по-тюркски (киргизски) — «старый канал».

Эшек-Арт. Дословно «ослиный перевал». В прошлом по этому перевалу шли караваны, средством передвижения, по рассказам старожилов, были ослы.

Як-Писта (Як-Пистэ). Ср. тадж. *йак* — «один» + *писта* — «фисташка» — «одинокая фисташка».

Ярван. Ср.: тюрк. узб.) *яр* — «обрыв» + ягн. *ван* — «длинный» — «длинный обрыв».

Яссы (местное произношение *Жасы*, *Жаасы*). Название происходит от др.-тюрк. *йазы* — «степь», «равнина» [59, 251]. В современных тюркских языках оно имеет разные звуковые варианты: кирг. *жазы*, каз., ккалп. *жазык*, тат. *яссы*, баш. *ясы* — «обширный», «просторный»; узб. *ясси* — «плоский» и др. Слово употребляется в топонимообразованиях Киргизии: *Жазы-Сай*, *Жазы-Токой*, *Жазы-Бел*, *Асы*, а также Средней Азии: *Ясси*, нп. близ г. Туркестан в Казахстане [207, 78]; *Ясыдепе*, нп., с./совет в Чарджоуском районе Туркменистана [190, 31]; нп. *Язы-Ярван*, *Акьези*, *Язтепе* в Ферганской области Узбекистана [52, 179] и др.

Яссы является одним из названий Киргизии, засвидетельствованных в арабо-персидских источниках. В форме *Яазы*, *Яасы*, *Яаси* оно зафиксировано в сочинениях средневековых авторов Ибн ал-Асира, Низам ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина Али Йезди, Абд ар-Раззака Самарканди, в сочинениях «Аноним Искандара», «Маджму ат-таварик» [122, 104, 203, 205]. *Яссы* — «равнина, степь».

¹ Этот вариант слова употребляется в диалекте кумандинцев (куманди-кижи). См. об этом [30, 278].

Приложение 2

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ДРУГИХ СЛОВ, НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ В ТОПОНИМИИ КИРГИЗИИ

В словаре содержится 450 географических терминов и других слов, наиболее часто встречающихся в топонимии.

В начале строки приводятся географические термины на киргизском языке. Узко локальные термины, т. е. диалектные и говорные, даны в транскрипции, используемой в киргизской диалектологии. Далее идут сокращения географических названий, указывающие на место (районы, диалект, говор) употребления термина. Термины, при которых отсутствуют указания на место их распространения, являются общими для киргизского языка. Последним приводится толкование значений апеллятивов.

В словаре включены лишь те из собранных нами 700 терминов, которые необходимы для специалистов при изучении топонимии Киргизии.

При составлении словаря были использованы «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина, «Толковый словарь киргизского языка» под ред. Э. Абдулдаева и Д. Исаева, «Диалектологический словарь киргизского языка» Дж. Мукамбаева, а также работы киргизских диалектологов Б. М. Юнусалиева, Э. Абдулдаева, Дж. Мукамбаева, Г. Бакиновой, Н. Бейшекеева и др.

Словарь не претендует на полноту охватываемого материала, так как изучение топонимии исследуемого региона, в том числе географической терминологии, находится в начальной стадии.

А

<i>абат</i>	<i>абат жер</i> — заселенное, благоустроенное место
<i>авак</i>	пам. место замкнутое, не имеющее выхода (напр., начало яра, горная тропа, ущелье, упирающееся в скалу)
<i>авга</i>	тадж., зам. высокий перевал

авет
авторув
агача

агба
агын
агыш
адыр
адырмак
айдарым
айдовш
айдың

айлак
айлама
айлампа
аймак
айрык

айыл
алайтөш
алайы

алкым
алыш

анна
аңгар
аңсек
аңгел

апай
аптоо
апторой
ар

арал
арашан
арашух

арка
арт
артув
арык
асаба
аска

батк. дорожка на краю пахоты
тадж., жерг. кунгей, солнечная сторона
жерг. река, распадающаяся на две части, длинная впадина, ложбина, балка
тадж., жерг. перевал
бурный весенний горный поток
ляйк., то же, что *алыш*
холмистая местность
то же, что *адыр*
легкий ветерок (чаще утренний и вечерний)
слегка отлогий, пологий склон
лунный свет; место, освещенное лунным светом; *айдың талаа* — безлюдная ровная степь
жерг. летнее пастбище
батк. то же *айлампа*
водоворот
страна, край, территория
горная ложбина; место слияния двух горных рек
аул
тал. склон
батк. место, удобное для скота, изобилующее травой
предгорье
отводной оросительный канал; большой арык
См. *агыш*
ляйк. глубокий, большой яр
пам. яма, впадина, обрыв
то же, что *аңгар*
чуй. пахота, вспаханное поле; узг., сов. яр, берег, или яма, подмытые водой
сев. то же, что *төш*
суз. кунгей; место, где много солища
ичк. то же, что *аптоо*. Ср. *Куңгей*
пам. то же, что *аңгел* в Узгенском, Советском районах
остров, *жарым арал* — полуостров
целебный или теплый ключ, источник
жерг. конусообразные близлежащие скалы, небольшие пики
северная сторона
пам. перевал
жерг. перевал
арык
асаба тоо — огромная гора
высокая неприступная скалистая гора

аскар	аскар тоо—снеговая гора, высочайшая гора
ач	ач бел—необитаемый пустынный горный перевал, ач талаа — пустыня
ача	ал. широкая ложбина, долина
ачы	суз. мутная, солончаковая вода, вытекающая из болотистой местности
ашуу	перевал (любой)
ашырык	жерг. восток

Б

баа	узг. безлюдная степь
баар	южн. ранняя весна; весна
бадал	заросли; мелколесье
байтак	батк. место, удобное для зимовки скота в предгорье или в горах; пастбище; чуй. узкая, еле заметная тропа
балант	южн. высокий (о местности)
балкан	сев. балкан тоо — гора
баткак	грязь, топкое место
баткал	впадина сбоку от холма, горы
батыш	запад
батуу	впадина, низина
башат	родничок (вода которого впитывается в землю недалеко от выхода)
бейит	могила
бел	горный хребет; горный перевал
белес	отрог (плоский)
белесек	жжол. песчаная степь, поле с маленькими бугорками
белесче	небольшой отрог
бет	склон горы
бийаван	южн. пустынная степь
бийик	высокий (о горе, холме и т. д.)
богаз	пам. то же, что богоз
богоз	ичк. место слияния двух или нескольких ложбин
богуздок	пам. предгорье долины, ложбины
богут	ккирг. солнечная сторона горы
бодур	холм, бугор; адыр-будур, или будур-будур — холмистая местность
боз	сухая степь, покрытая ковылем, полынью и т. п.
боор	склон горы
борчук	небольшая острая скала на гребне горы
босток	тяньш. место, лишенное растительности, куда не доходит вода

бөгөт	запруда; преграда
бөйрөк	впадина на склоне горы
бөк	холм, возвышенность
бөксө	предгорье; весеннее пастбище
бөктөр	холмы (главным образом в предгорьях)
бөңгү	южн. то же, что мөңгү
бөөт	отдельный, выделяющийся из других кусочек, клочок; бөөт-бөөт бел — отдельные горные перевалы
будурмак	бугор, холм куполообразной формы
бузук	ал. место слияния двух рек
булак	родник (в болотистом месте, на берегу реки); ручеек. Ср. башат
булан	ичк. степь, поле, где много травы
булуң	залив
бурана	жжол. красноватое, песчаное место, где под действием ветра и воды образовались разные силуэты; чуй. минарет
бурул	жерг., батк., узг., сов. извилистая река
бурчук	каменистый выступ
бүйүз	эта сторона, этот берег
быткыл	1) небольшая впадина, выемка, углубление; 2) южн. холм с плоским или впадым верхом

Г

гадув	пам. наискось, кыя жол—дорога или тропинка, ведущая на гору
гадуу	сов. то же, что гадув
гадыма	ичк. то же, что гадув, гадуу
галчагөчөк	жерг. родник, с силой бьющий из-под земли
ганда	узг. большой арык, от которого идут более мелкие к посевам
гар	батк., пам., ал., жерг. яр, подмытый водой; зам., ичк. пещера, грот, глубокая вымоина
гэз	зам. хребет горы
гэзэ	жерг. лощина, впадина
гэң	южн. широкая равнина
гэргэ	узг. то же, что быткыл
гардов	жерг. водоворот реки
гэри	жерг. подножие горы
гозок	батк. низменность, впадина
голдав	южн. глубокое место реки
гопо	сов. место, изобилующее травой
гор	ляйк. пещера, грот

гөңдү
губор
гузор

жерг. черноземная местность
южн. то же, что *кокту*
южн. квартал (часть города, селения), не-
большой базар

Д

дабан
дайра
даңги
дара
дарат
дарыя
даш
делбак
деңиз
депсен
дере
дөбө
дөбөчө
дөбөчүк
дөлвөлөң
дөмбүл

горный перевал
то же, что *дарыя*
южн. (дэңги) теснина
южн. (дэрэ) то же, что *дере*
южн. ложбина
река (большая); фольк. море, река
южн. пустыня; ровная степь
южн. то же, что *кокту*
море
южн. небольшая ровная впадина в горах
теснина; *көр дере* — замкнутая теснина
холм
холмик
то же, что *дөбөчө*
южн. ровная степь. Ср. *даш*
бугристый (о рельефе) *өмбүл-дөмбүл* — бу-
горки и кочки
кочка на болоте
горка, бугор
возвышение, холм
бугор, холмик; *өңгөк-дөңгөк талаа* — степь
с неровностями

дөңгүл
дөңсөө
дөш
дың

бугорок
небольшая возвышенность
южн. то же, что *төш*
целина

Ж

жаз
жаздоо
жазы

весна
весеннее пастбище, весеннее стойбище
широкий, просторный (о поле, о перевале);
степь, равнина

жазык
жай
жайкана
жайлак
жайлоо
жайпак

равнина; простор
лето
место погребения, могила
пастбище, летнее пастбище
летнее пастбище
плоский (о местности)

жайпаң
жайык
жайыт
жак

узг., сов. то же, что *жайпак*
поляна (широкая) (в горах)
пастба, пастбище, простор
в разных зн. сторона: *түн жак*—юг, *кыбла*
жак — запад

жака
жалак
жалама

край, берег, предгорье
чуй. высокая сторона скалы
ляйк. солончак гладкий, ровный без шерохо-
ватостей; *жалама зоо* — высокая и гладкая
скала; *жалама боор* — гладкий склон горы
южн. место без растительного покрова; пам.
открытая местность

жалаң

жалпак
жанбоор
жандоо
жантайма

плоский (о местности, обычно плоский склон)
то же, что *жантайма*
склон горы
косогор

жантак
жантак
жануур

чатк., батк., жерг. предгорье
наклонный (о местности)

жаңгел
жапкак
жапыз

тон., сов. предгорье, взгорье
южн. джунгли, лес, лесная чаща
жапкак таш — большая нависшая скала
низкий, невысокий, плоский (о холме)

жар
жарык
жая

яр, обрыв, крутой берег; *жар таш* — утес
щель, трещина (о земле)
перен. пологий горный выступ

желпиниш
жер
жергуй

запад
земля, место, местность
тяньш. глубокая яма, глубокая вымoinна
дорога, путь

жол
жон

гребень горы; *туу жон* — гребень горного
хребта

жонокчо
жонос

гребень невысокой горы
южн. край оврага; место, поросшее высокой
травой, осокой

жото
жошо
жөлөнүм
журут
жүз

хребет, гребень горы
сурук, красная глина
небольшой склон, небольшое возвышение
страна; южн. селение, населенный пункт
поверхность; *жер жүзү* — земная поверхность,
по всей земле

жүрөкчө

небольшой холм, небольшая возвышенность в
горной местности

жыбыт

небольшой овраг, небольшая ложбина, впа-
дина; русло, ложе ручья

жыкма

место отвода арыка

<i>жылга</i>	ложе ручья, длинная впадина, ложбина, балка
<i>жыра</i>	промоина, вымоина (больших размеров), подмытый водой обрыв; небольшое ущелье
<i>жээк</i>	берег арыка, реки, край; кайма

З

<i>забилке</i>	иск. переулоч
<i>завир</i>	южн. дренажная канава, рывина, промоина
<i>заңгел</i>	огромная скала; <i>заңгел тоо</i> — скалистая гора
<i>зоңкок</i>	вершина, возвышающаяся над окружающими горами
<i>зоо</i>	непреступная скалистая гора
<i>зынгыр</i>	южн. <i>зынгыр тов</i> — величественная голая гора
<i>зымын</i>	южн. то же, что <i>мөңгү</i>

К

<i>кабак</i>	рывина, впадина (примерно в рост человека)
<i>кабыр</i>	могила; надгробие; мавзолей
<i>кабыш</i>	«слияние» двух гор
<i>кагын</i>	место, с которого ветер сдул снег
<i>кадамжай</i>	южн. место, где ступала нога святого или пророка; могила святого; святое место
<i>кадуу</i>	дорога на склоне горы; склон горы
<i>кадыма</i>	южн. тропинка
<i>кайкаң</i>	небольшая горная седловина
<i>кайкы</i>	небольшая впадина между гор; <i>кайкылуу бел</i> — горный перевал в виде седловины
<i>кайнар</i>	<i>кайнар булак</i> — ключ, источник
<i>кайрак</i>	неполивной, богарный (о пахоте)
<i>кайы</i>	ичк. то же, что <i>кокту, колот</i>
<i>каксоо</i>	каменистое (покрытое галькой) или песчаное, сухое место
<i>какшаал</i>	суровый, дикий (гл. образом о местности, природе)
<i>какыр</i>	сухое место, куда не доходит вода
<i>какырдуу</i>	<i>какырдуу чөл</i> — безводная степь, пустыня
<i>калаа</i>	город
<i>калкагар</i>	нависший утес, обрыв горы; высокая скалистая гора
<i>камал</i>	крепостная стена

<i>канак</i>	оросительный канал, арык мощностью в один кулак ¹
<i>канал</i>	канал
<i>кандек</i>	тяньш., тал. 1) трещина в земле, яма; 2) ист. крепостной ров
<i>капка</i>	ущелье; <i>капка таш</i> — узкое каменистое ущелье
<i>каптал</i>	склон горы
<i>капчыгай</i>	горное ущелье, горный проход, узкая и длинная горная долина
<i>кара</i>	южн. место в горах непокрытое снегом
<i>кароол</i>	<i>кароол дөбө</i> — холм (караульный)
<i>касаба</i>	снежный сугроб с подветренной стороны, спускающийся обрывом
<i>кашага</i>	южн. подмытый берег; сов. то же, что <i>касаба</i>
<i>кашат</i>	высокий берег
<i>кашка</i>	<i>кашка суу</i> — прозрачная вода
<i>кемер</i>	подмытый водой берег, круча; вымоина, промоина
<i>кен</i>	рудник
<i>кент</i>	пункт оседлости, селение, город
<i>кентеш</i>	горная ложбина (то же, что <i>салаа</i> , но глубже и с отвесными берегами, заканчивающаяся тупиком)
<i>керүү</i>	верх горы или склон высокой горы, покрытый травой
<i>килпото</i>	ичк. глина, земля
<i>кокту</i>	лог, горная ложбина; впадина в предгорье, горах
<i>кол</i>	(самостоятельно не употребляется, встречается только в составе географических названий) русло реки, долина реки
<i>колот</i>	лог, продолговатая впадина между двумя возвышенностями, узкая горная долина
<i>колтук</i>	предгорье
<i>конуш</i>	место расположения аула
<i>коңул</i>	небольшое углубление, впадина
<i>корук</i>	южн. места по берегам рек, речек, поросшие кустарником; заповедник
<i>корум</i>	груда больших камней, отвалившихся от скал
<i>котон</i>	южн. хлев
<i>котур</i>	сев., ист. хутор
<i>көв</i>	южн. яма

¹ Кулак — единица меры проточной воды (около ста литров в секунду).

<i>көйкап</i>	(или <i>кой тоосу</i>) миф. горы, окружающие по краям землю; перен. край света, дальние страны
<i>көктөм</i>	ранняя весна
<i>көктөө</i>	весеннее пастбище
<i>көл</i>	озеро; пруд, бассейн
<i>көлмө</i>	стоячая вода, пруд
<i>көлмөк</i>	то же, что <i>көлмө</i>
<i>көлчөк</i>	озерцо, лужа, лужица
<i>көрүстөн</i>	кладбище
<i>көтөрмө</i>	дамба, запруда
<i>көчө</i>	улица
<i>кудук</i>	колодец
<i>кудума</i>	крутой склон горы, холма
<i>куй</i>	(или <i>кургуй</i> или <i>жергуй</i>) глубокий овраг, расщелина с крытыми высокими берегами в предгорьях, у подножья гор; расщелина, образовавшаяся вследствие землетрясения
<i>кумдак</i>	песчаное место
<i>курдум</i>	бурная вода во время половодья
<i>куу</i>	<i>куу талаа</i> — совершенно безжизненная пустыня, <i>куу түз</i> — пустынная равнина; <i>куу какыр</i> — сухая-сухая местность; тьянш. <i>куу найза</i> — островерхние пики типа «обелиск»
<i>кууш</i>	горная теснина
<i>кубур</i>	попыньа, покрытая тонким льдом
<i>күдүр</i>	мелкие бугры; равнина, покрытая небольшими буграми, извилинами
<i>күз</i>	осень
<i>күздөө</i>	осеннее пастбище
<i>күмбөз</i>	купол; надгробие; мавзолей
<i>күнөс</i>	сторона, обращенная к солнцу; солнечная сторона, <i>күнөс жер</i> — место, освещенное солнцем; место, куда падают солнечные лучи
<i>күңгөй</i>	кунгей; сторона, обращенная к солнцу; солнечная сторона
<i>күрткү</i>	сугроб; снежный запас; наносный снег в ямах и впадинах
<i>кылаа</i>	берег, край
<i>кынтык</i>	<i>кынтык жер</i> — место с наклоном
<i>кыр</i>	горный хребет; гребень горы; холмистая степь; возвышенность
<i>кыраң</i>	то же, что, <i>кыр</i>
<i>кыраңча</i>	верх небольшого хребта
<i>кыркуу</i>	ряд горных хребтов, расположенных один за другим

<i>кырым</i>	даль, дальняя страна
<i>кыш</i>	зима
<i>кыштак</i>	южн. кышлак/кишлак (селение узбекское, таджикское, уйгурское, киргизское)
<i>кыштоо</i>	зимовка, зимнее стойбище, зимнее пастбище, зимнее жилище
<i>кыя</i>	косогор

М

<i>маала</i>	квартал города, селение
<i>мазар</i>	священное место, место паломничества
<i>майдан</i>	южн. сад; площадь
<i>марча</i>	солончаковая почва (в горах, в предгорьях)
<i>машат</i>	родник, ключ (обычно в каменистой почве). Ср. <i>башат</i>
<i>мейкин</i>	<i>мейкин талаа</i> — широкая степь
<i>миз</i>	<i>миздей сары талаа</i> — ровная-ровная и широкая степь
<i>мойнок</i>	крутой горный перевал
<i>моло</i>	надгробие, могила
<i>мөңгү</i>	горный ледник, вечный снег
<i>мөндүр</i>	град
<i>музapat</i>	южн. страна, область

Н

<i>накыс</i>	небольшая горная седловина
<i>нов</i>	ичк. то же, что <i>кокту</i>
<i>нук</i>	русло, тьянш. следы старого строения

О

<i>обо</i>	небо
<i>обоо</i>	холм из камней, гряда камней (обычно на вершине перевала во время перекочевков мужчины слезали с коней и бросали в кучу по пять-шесть камней, со временем из них образовался холм — жертва духу горы); редко, межевой холмик
<i>обочо</i>	бугор, холм, курган
<i>ой</i>	низина, впадина, котловина
<i>ойбут</i>	яр с отвесными стенами
<i>ойдуң</i>	низменность, впадина, котловина
<i>ойпоң</i>	впадина
<i>ооз</i>	вход в ущелье

<i>опурук</i>	чатк. обрыв, размывтый водой
<i>ормон</i>	лес
<i>орто</i>	середина местности
<i>орток</i>	место «слияния» двух горных долин
<i>отор</i>	отдаленное зимнее пастбище, где мало выпадает снега; дальние страны
<i>оттоок</i>	место, где пасутся дикие козы
<i>оюлма</i>	южн. горная дорога, тропа идущая вверх

Ө

<i>өдө</i>	южн. то же, что <i>өйдө</i>
<i>өзөн</i>	русло, ложе речки; речка; побережье речки, горная долина с речкой
<i>өйдө</i>	верх; <i>чалк өйдө</i> или <i>чарк өйдө</i> — отвесно вверх <i>өйдө жак</i> — верхняя сторона, см. <i>өдө</i>
<i>өйүз</i>	сторона, берег
<i>өлкө</i>	край, страна; местность; теплое, защищенное от ветра, место (удобное для скота)
<i>өндүр</i>	ложбина; долина реки
<i>өр</i>	подъем (пологий, некрутой)
<i>өрдөш</i>	ложбина в верховьях горной реки
<i>өрө</i>	возвышенность
<i>өрөөн</i>	долина
<i>өрүш</i>	пастбище близ аула (обычно горное)
<i>өстөн</i>	оросительный канал, большой арык (который разделяется на более мелкие)
<i>өткүн</i>	кратковременный дождь
<i>өтөк</i>	горная впадина, ровное место в горах, на склоне горы; южн. зимовье, место большой стоянки аула

С

<i>саар</i>	рассвет, раннее утро; южн. утро
<i>сагаса</i>	хвойный лес
<i>саз</i>	болото, мочажина, мокрые луга
<i>сай</i>	высохшее или подсыхающее русло реки;
<i>салаа</i>	ложбина или ложбинка в горах по которой стекает талая или дождевая вода
<i>салгар</i>	<i>салгар жол</i> — большая горная дорога (не тропинка)
<i>салкын</i>	южн. ветер
<i>саңгил</i>	южн. высокий (о горе)

<i>сап</i>	ложбина
<i>секи</i>	небольшой плоский выступ в горе
<i>секиртме</i>	<i>секиртме ашуу</i> — горный перевал с труднопроходимыми уступами, обрывами
<i>сел</i>	наводнение, бурные потоки дождевых или талых вод; сель; селевой поток; перен. поток, лавина
<i>селение</i>	селение
<i>село</i>	село
<i>сеңир</i>	высокий гребень горы, покрытый травой
<i>сере</i>	тяньш. перен. небольшой холм
<i>сол</i>	уст. часто <i>сол туштук жак</i> — север; северный; <i>сол желкелик жак</i> — северо-восток
<i>сормо</i>	трясина
<i>сугарма</i>	<i>сугарма жер</i> — орошаемые поливные земли, поля
<i>сугул</i>	горная впадина, заросшая густым лесом (обычно служит пастбищем)
<i>суу</i>	вода; река, речная долина
<i>сырт</i>	периферия; местность, отстоящая далеко от столицы, города; сырты (высокогорное плато, высокогорная долина)

Т

<i>тава</i>	южн. мелкие ответвления головного арыка
<i>тайпагай</i>	то же, что <i>тайпаң</i> ; <i>тайпагай жылга</i> — широкая впадина
<i>тайпак</i>	то же, что <i>тайпаң</i> ; <i>тайпак жер</i> — ровная плоская поверхность
<i>тайпаң</i>	горное плато
<i>такыр</i>	голый, лишенный растительности (или <i>такыр жер</i>) (голое, без растительности место, покрытое наносной глинистой коркой)
<i>талаа</i>	степь; поле; геогр. уст. долина, <i>Алай талаасы</i> — Алайская долина
<i>таңги</i>	южн. (тэңги) ущелье, горная теснина
<i>тарагай</i>	местность, где не растет ель; безлесная местность
<i>тарам</i>	ответвление, разветвление (долины, ложбины)
<i>тараша</i>	невысокий гребень горы с отвесными склонами
<i>ташкын</i>	наводнение; прилив
<i>таштак</i>	каменистое место
<i>тегерек</i>	окружность, круг

тек	южн. (тэк) <i>товдун теги</i> то же, что <i>төш</i>
теңиз	южн. море
теңир	небо
тескей	терской, несолнечная, теневая сторона
тоз	вода, текущая поверх льда
токой	лес; тугай (заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озер, на болотистых местах)
тологой	часть горы между снеговой вершиной и возделываемой полосой
томпок	то же, что <i>домпок</i>
тоң	мерзлота
тоо	гора, горы; <i>ала тоо</i> — снеговые горы, горы с вечным снегом; <i>кара тоо</i> — горы с которых летом сходит снежный покров; <i>кар жатпаган кара тоо</i> — горы, на которых не держится снег
топон	(или <i>топон суу</i>) бурный поток; страшное наводнение
торку	каменистый склон горы
тебө	южн. то же, что <i>дөбө</i>
төр	высокогорное пастбище
төрткүл	крепость, городище (развалины древнего населенного пункта)
төтө	<i>төтө жол</i> — прямая ближайшая дорога
төш	часть горы выше подошвы, нижняя часть склона, угорье, склон горы
тук	тал. место отвода, запруды в начале арыка
түмшүк	спускающийся вниз продолговатый выступ предгорья
турак	местожительство, обиталище; стоянка, становище, стойбище
турук	то же, что <i>турак</i>
түз	равнина
түзөң	равнина, поляна
түндүк	север
түшкөлөй	южн. то же, что <i>тескей</i>
түштүк	(или <i>оң түштүк</i>) юг; (<i>сол түштүк</i>) уст. север

У

урунт	<i>урунт жер</i> — выступ горы
урунчук	выступ, уступ
урчук	отрог горы; спускающийся узкой полосой
учма	крутой склон горы, покрытый снегом

У

уйөр	бурный весенний горный поток
уңкур	пещера, грот

Ч

чагат	южн. то же, что <i>куңгей</i> (солнечная и каменная местность)
чада	южн. граница; межа
чалк	парн. <i>чалк өйдө</i> — крутой (о склоне горы)
чалкагай	(о пологой местности) широко раскинувшийся; <i>чалкагай ашуу</i> — величественный горный перевал
чалкай	(о пологой местности) широко, величественно раскинувшаяся
чалкак	широко раскинувшийся пологий склон горы; <i>чалкак төр</i> — раскинувшееся высокогорное пастбище, <i>өндүрлүү чалкак</i> — узкая долина между двух гор, перерезанная вдоль речкой; <i>чалкак тоо</i> — величественно раскинувшаяся гора
чалкар	<i>чалкар көл</i> — огромное озеро; <i>чалкар бел</i> — высокий перевал
чалма	сухой комок глины; <i>ак чалма</i> или <i>боз чалма</i> — глинистая вода (в половодье)
чалчык	жижа, грязь; болото
чап	небольшой каменистый или песчаный склон горы без растительности; <i>яд</i> с отлогими берегами (в зависимости от цвета и состава породы называются различно: <i>ак чап</i> , <i>көк чап</i> , <i>кызыл чап</i> , <i>кумдуу чап</i>)
чарбак	крепость; населенный пункт, обнесенный крепостной стеной
чат	пространство между двумя реками перед их слиянием; название части горы
чек	граница
чекер	берег реки, где много леса
чер	густой, дремучий лес, чаща, непроходимые заросли
чөкөлөк	вершина горы, холма
чоку	шикан, мар (горный рельеф), вершина, макушка
чоно	глина, земля
чөбөт	то же, что <i>чөөт</i>
чөл	пустыня; степь, равнина

<i>чөлкө/чөлкөм</i>	окрестность, округ
<i>чөөлчүк</i>	лужица
<i>чөнөк</i>	впадинка, в которой задерживается вода от атмосферных осадков
<i>чөңгөк</i>	сев. большая кочка на болоте; кочковатое болото (гл. образом в горах)
<i>чөөлмөк</i>	лужа
<i>чөөт</i>	лужа
<i>чубурма</i>	узкая тропинка, по которой можно двигаться только гуськом
<i>чук</i>	чуй. впадина, в которой задерживается вода
<i>чукур</i>	впадина, углубление, котловина
<i>чулук</i>	южн. то же, что <i>шалбаа</i>
<i>чуңкур</i>	яма, впадина
<i>чуңкурчак</i>	углубление, впадина, котловина
<i>чыбыр</i>	холмик; местность, покрытая мелкими холмами (считается хорошим местом для выпаса скота)
<i>чыгаан</i>	<i>кечуунун чыгааны</i> — вход на берег, место брода
<i>чыгыш</i>	восток
<i>чийыр</i>	тропа, след
<i>чыкыроон</i>	сильный, трескучий мороз
<i>чың</i>	крутой горный обрыв; неприступная гора; неприступное из-за крутизны место в горах; неприступное место
<i>чыргай</i>	тяньш., сов. лесная чаща, заросли кустарника
<i>чытырман</i>	чаща, густые заросли
<i>чээн</i>	место зимней спячки; нора; берлога

Ш

<i>шаар</i>	город
<i>шагыл</i>	щебень (крупный)
<i>шалбаа</i>	луг; сырое место, поросшее густой высокой травой
<i>шамал</i>	сильный ветер
<i>шаңшаар</i>	тяньш., сов. узкое у-образное ущелье в горах
<i>шапшаал</i>	<i>шапшаал кокту</i> — непроходимый горный овраг
<i>шапшап</i>	<i>шапшап жар</i> южн. — овраг с крутыми склонами, из которого нет выхода
<i>шар</i>	быстрое, бурное течение, быстрина
<i>шаркыратма</i>	водопад
<i>шарык</i>	южн. восток

<i>ширенди</i>	сметенный ветром и сильно затвердевший снег
<i>шор</i>	солончак
<i>шоро</i>	то же, что <i>шор</i>

Ы

<i>ылай</i>	муть; глина (жидкая)
-------------	----------------------

Э

<i>эгиз</i>	южн., тяньш. высокий (о горе, местности)
<i>элет</i>	места, отдаленные от культурных центров, глушь
<i>эңим</i>	склон (горы)
<i>эңкуу</i>	скат, склон (горы)
<i>эрме</i>	<i>эрме чөл</i> — пустыня, дикая степь
<i>этек</i>	предгорье
<i>эшилме</i>	<i>эшилме тоо</i> — гора из выветрившейся мягкой породы

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) названия говоров, диалектов и языков

азерб.	— азербайджанский язык
алт.	— алтайский язык
ар.	— арабский язык
башк.	— башкирский язык
варт.	— вартангский язык
др.-тюрк.	— древнетюркский язык
др.-уйг.	— древнеуйгурский язык
жерг.	— говор киргизов Джерге-Тальского района Таджикистана
зам.	— говор киргизов Заминского района Узбекистана
ир.	— иранские языки
ичк.	— ичкиликский говор или юго-западный диалект киргизского языка
каз.	— казахский язык
ккалп.	— каракалпакский язык
калм.	— калмыцкий язык
кирг.	— киргизский язык
ккирг.	— говор киргизов Казахстана
монг.	— монгольский язык

ног. — ногойский язык
 пам. — говор памирских киргизов
 перс. — персидский язык
 русск. — русский язык
 руш. — рушанский язык
 сарыгол. — сарыгольский язык
 сев. — северный диалект киргизского языка
 согд. — согдийский язык
 тадж. — таджикский язык
 тал. — таласский говор киргизского языка
 тув. — тувинский язык
 турецк. — турецкий язык
 тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурские языки
 тяньш. — тяньшанский говор киргизского языка
 узб. — узбекский язык
 уйг. — уйгурский язык
 хак. — хакасский язык
 шор. — шорский язык
 шугн. — шугнанский язык
 южн. — южный диалект киргизского языка
 ягн. — ягнобский язык
 язг. — язгулямский язык

б) названия районов, областей

ал. — Алайский район
 алб. — Ала-Букинский район
 алк. — долина Алай-Куу Советского района
 ар. — Араванский район
 батк. — Баткенский район
 жжол. — Джанги-Джольский район
 иск. — Иссык-Кульская область
 ксуу. — Кара-Суйский район
 лр. — Ленинский район
 ляйк. — Ляйлякский район
 нарын. — Нарынская область
 ноок. — Ноокатский район
 сов. — Советский район
 суз. — Сузакский район
 токт. — Токтогульский район
 тон. — Тонский район
 узг. — Узгенский район
 фр. — Фрунзенский район
 чатк. — Чаткальская долина
 чуй. — Чуйская долина

в) другие сокращения

букв. — буквально
 вм. — вместо
 г. — гора
 геогр. — географический
 гор. — город
 дол. — долина
 ист. — историзм
 кол. — колодец
 кан. — канал
 лит. — литературный
 ложб. — ложбина
 ледн. — ледник
 лет. — летовка, джайляу
 нп. — населенный пункт
 нпгт. — населенный пункт городского типа
 низм. — низина, низменность
 о. — остров
 обл. — область
 оз. — озеро
 пер. — перевал
 пос. — поселок
 прил. — приложение
 р. — река
 равн. — равнина
 реч. — речка
 родн. — родник, источник
 руч. — ручей
 см. — смотрите
 ср. — сравните
 спк. — сопка
 ур. — урочище
 уст. — устный, разговорный
 ущ. — ущелье
 хр. — хребет

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1.—М., 1948; т. 2.—Л., 1973.
2. Абаев В. И. Персидский топоним Хунсар. — В сб.: Топонимика Востока. — М., 1969.
3. Абдрахманов А. Некоторые вопросы топонимики Казахстана. Автореф. канд. дисс. — Алма-Ата, 1955.
4. Абдрахманов А. Казахстанның жер-су аттары. — Алматы, 1959.
5. Абдрахманов А. Отражение этнонимов в топонимике Казахстана.—Всесоюз. конф. по топонимике СССР. (Тез. докл. и сообщ.) — Л., 1965.
6. Абдрахманов М. А., Бонюхов А. А. Топонимические названия Шории. — В сб.: Языки и топонимия Сибири, 1.—Томск, 1966.
7. Абдулдаев Э. Кыргыз говорлору. — Фрунзе, 1966.
8. Абдулдаев Э. Кыргыз тилинин Чаткал говору. — Фрунзе, 1956.
9. Абдулдаев Э., Мукамбаев Ж. Кыргыз диалектологиясынын очерктери.—Фрунзе, 1959.
10. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Л., 1971.
11. Андреев М. С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения.—В сб.: Таджикистан. — Ташкент, 1925.
12. Аракин В. Д. К истории изафета в тюркских языках. — В сб.: Тюркологические исследования. — М., 1976.
13. Архангельский Н. П. Среднеазиатские вопросы географической терминологии и транскрипции. — Ташкент, 1935.
14. Асаналиев У. Суусамыр. — Кыргызстан маданияты, 1973, 23 февраля.
15. Асланов В. И. Историческая лексикология азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс.—Баку, 1973.
16. Атаниязов С. Топонимика Юго-Восточного Туркменистана. Автореф. канд. дисс. — Ашхабад, 1966.
17. Атаниязов С. Туркменистанын топонимик сөзлиги.—Ашхабад, 1970.
18. Атаниязов С. Отражение в топонимике природно-хозяйственных условий Туркменистана. — В сб.: Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.—Л., 1973.
19. Бабур Захреддин. Бабурнаме./Пер. со староузбекского М. Салье.—Ташкент, 1948.
20. Бабур Захреддин. Бабурнаме. — Ташкент, 1958.
21. Баженов Л. Б. Древние авторы о Средней Азии. — Ташкент, 1940.
22. Байгуттиев С. Б. О проекте словаря географических названий Киргизии и принципах его составления. — Всесоюз. конф. по топонимике СССР. (Тез. докл. и сообщ.). — Л., 1965.
23. Бакинова Г. Кыргыз тилинин Ош говорлору. — Фрунзе, 1956.
24. Бартольд В. В. Соч., т. I; т. 2, ч. 1.—М., 1963.
25. Бартольд В. В. Соч., т. VII.—М., 1971.
26. Баскаков Н. А. Диалекты алтайского языка. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, вып. 1. — Горно-Алтайск, 1956.
27. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. — М., 1962.
28. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь.—М., 1966.
29. Баскаков Н. А. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. — В сб.: Топонимика Востока. — М., 1969.
30. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. — М., 1972.
31. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. — М., 1975.
32. Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов.—Фрунзе, 1973.
33. Беккер Э. Г. Южносамодийские гидронимы Томской области.—В сб.: Топонимика Востока.—М., 1969.
34. Белецкий А. А. Этимологична структура основных географических терминов. — Друга Республиканська ономастична народа (Тез. докл.).—Киев, 1962.
35. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика). — Киев, 1972.
36. Бернштам А. Н. Культура древнего Киргизстана. — Фрунзе, 1942.
37. Биялиев А. Киргизско-русский словарь терминов промысловой охоты (Проект). — Фрунзе, 1967.
38. Благова Г. Ф. В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем.—В сб.: Тюркологический сборник, 1971.—М., 1972.
39. Боченкова Ю. И. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Горно-Алтайской автономной области.—М., 1969.
40. Бутенко Н. П. Об изучении русской ономастики в Киргизии.—Первая республиканская межвузовская лингвистическая конференция (Тез. докл.).—Фрунзе, 1966.
41. Бутенко Н. П. Русские отантропонимические топонимы в Киргизии. — В кн.: Вопросы географии Киргизии.—Фрунзе, 1966.
42. Бутенко Н. П. Русские собственные имена в Киргизии и некоторые вопросы взаимодействия языков. Автореф. канд. дисс. — Минск, 1967.
43. Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. — Казань, 1884.
44. Владимирцев Б. Я. Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам. — Докл. АН СССР. — Л., 1929.
45. Выгодский М. Я. Справочник по элементарной математике. Изд. 23-е. — М., 1974.
46. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков.—М., 1973.
47. Гаджиева Н. З. Проблемы ареальной лингвистики (среднеазиатский ареал).—М., 1975.
48. Гордлевский В. А. Числительное 50 в турецком языке. — Известия ОЛЯ АН СССР, т. IV, вып. 3—4, 1945.
49. Гельдыханов М. Местные географические термины Туркменистана. Автореф. канд. дисс.—Баку, 1973.

50. Грамматика хакасского языка. /Под ред. проф. Н. А. Баскакова.— М., 1975.
51. Гриценко К. Ф. Избранные якутские географические термины.— В сб.: Местные географические термины. Серия Вопросы географии, сб. 81.— М., 1970.
52. Губаева С. С. Бабур и топонимия.— В сб.: Этнография имен.— М., 1970.
53. Губаева С. С. Этнонимы в топонимии Ферганской долины. Автореф. канд. дисс.— М., 1973.
54. Данилова Л. В. Метеорологическая лексика тюркских языков. Автореф. канд. дисс.— Ташкент, 1972.
55. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков.— М., 1962.
56. Донидзе Г. И. Гидронимические термины в тюркских языках.— В сб.: Ономастика.— М., 1969.
57. Доржиев Ж. Д., Кондратов А. М. Путь в Тибет.— М., 1973.
58. Дорофеев И. П. На заоблачных высотах.— М., 1976.
59. Древнетюркский словарь.— Л., 1969.
60. Дусимов З. Топонимы Северного Хорезма. Автореф. канд. дисс.— Ташкент, 1970.
61. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка.— М., 1940.
62. Жапаров Ш. Лексические особенности лйлякского говора киргизского языка. Автореф. канд. дисс.— Фрунзе, 1969.
63. Ибрагимов К. Древнетюркские названия животных в лексике современных тюркских языков. Автореф. канд. дисс.— М., 1975.
64. Идрисов А. Ош деген аттын мааниси.— Ленин жолу, 1964, 16 июня.
65. Идрисов А. Талас (Тарыхый жана лингвистикалык очерк).— Кыргызстан маданияты, 1970, 27 мая.
66. Идрисов А. Кыргыз тилиндеги ысымдар.— Фрунзе, 1971.
67. Ильясов С. И. Пережитки шаманизма у киргизов.— Тр. ИЯЛИ, вып. 1.— Фрунзе, 1945.
68. Иманалиев К. И., Мукамбаев Ж. Памирдик-каратегиндик кыргыздарда.— Фрунзе, 1966.
69. Исаев Д. О слове «сары» в киргизских топонимах.— Известия АН Киргизской ССР, 1970, № 3 (на кирг. яз.).
70. Исаев Д. Жети-Өгүз топоним жөнүндө.— В сб.: Кыргыз тили боюнча изилдөөлөр.— Фрунзе, 1970.
71. Исаев Д. Эмне учун ак карды сары кар дейбиз.— Кыргызстан маданияты, 1970, 20 мая.
72. Исаев Д. Топонимы монгольского происхождения на территории Киргизии.— Известия АН Киргизской ССР, 1971, № 1 (на кирг. яз.).
73. Исаев Д. Жер-суу аттарынын сыры.— Фрунзе, 1977.
74. Исаев Д. Топонимика Северной Киргизии. Автореф. канд. дисс.— Фрунзе, 1972.
75. Исаев Д. И., Токомбаев Ш. Т., Алиев З. А., Мурза-ахметов С. М. Словарь географических названий Киргизии (Проект).— Фрунзе, 1962.
76. Исаев Д. Жер-суу аттарын бурмалабайлы.— Кыргызстан маданияты, 1970, 8 июля.
77. История Киргизской ССР, т. 1.— Фрунзе, 1968.
78. Исхаков Ф. И. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках.— В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков.— М., 1961.
79. Кадырова Ш. М. Микропонимы Ташкента. Автореф. канд. дисс.— Ташкент, 1970.
80. Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика.— Л., 1934.

81. Казахско-русский словарь.— М., 1954.
82. Каракалпакско-русский словарь.— М., 1958.
83. Караев С. Опыт изучения топонимии Узбекистана. Автореф. канд. дисс.— Ташкент, 1969.
84. Караев С. Географик номлар маънасини биласизми? — Ташкент, 1970.
85. Караев С. Географические термины в зоне контактирования узбекского, киргизского и таджикского населения.— В сб.: Местные географические термины. Серия Вопросы географии, сб. 81.— М., 1970.
86. Каримова Л. Г. Топонимы в североузбекских говорах. Автореф. канд. дисс.— Ташкент, 1972.
87. Кенесбаев С. К. Жети, үш, тогуз, кырык — пен байланысты угымдар.— Известия АН Каз. ССР, серия филологическая, вып. 4 (29), 1946.
88. Кенесбаев С. К. О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке.— Известия АН Каз. ССР, серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2, 1954.
89. Киргизская ССР. Административно-территориальное деление.— Фрунзе, 1966.
90. Климчицкий С. И. Название Согдианы в топонимике Таджикистана.— Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР, VI.— М.—Л., 1937.
91. Кляшторный С. Г. Яксарт-Сыр-Дарья.— Советская этнография, 1953, № 3.
92. Книга Марко Поло.— М., 1956.
93. Койшубаев Е. Писпек атаунына тарихы этимологик толдау.— Казак ССР Ғылым акад. кабарлары, 1963, № 12.
94. Койчубаев Е. Нецветовая сущность топонимических компонентов ак, кара, көк, сары.— Всесоюз. конф. по топонимике СССР. (Тез. докл. и сообщ.).— Л., 1965.
95. Койчубаев Е. Основные типы топонимов Семиречья. Автореф. канд. дисс.— Алма-Ата, 1967.
96. Койчубаев Е. О семантике ведущих имен числительных в фразеологических оборотах, этнических и топонимических образованиях казахского языка.— В сб.: Исследования по тюркологии. Сборник, посвященный 60-летию со дня рождения С. К. Кенесбаева.— Алма-Ата, 1969.
97. Койчубаев Е. К. Казахские географические названия с формантами -ты и -сы.— В сб.: Топонимика Востока.— М., 1969.
98. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана.— Алма-Ата, 1974.
99. Коков Дж. Н. Адыгская (черкасская) топонимия.— Нальчик, 1974.
100. Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины.— Известия АН Каз. ССР, серия географическая, вып. 3, 1951.
101. Конкашпаев Г. К. Некоторые малопонятные географические названия в Казахстане.— В сб.: Вопросы географии Казахстана, вып. 9.— Алма-Ата, 1962.
102. Конкашпаев Г. К. Словарь казахских географических названий.— Алма-Ата, 1963.
103. Конкашпаев Г. К. Цветовые слова в тюркских топонимах.— В сб.: Географические науки (Тематический сборник научных трудов Казахского гос. пед. ин-та им. Абая).— Алма-Ата, 1969.
104. Конкашпаев Г. К. Общие особенности тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана.— В сб.: Местные географические термины. Серия Вопросы географии, сб. 81.— М., 1970.
105. Конкобаев К. О киргизских топонимах с компонентом беи.— Тез. конф. аспирантов и молодых сотрудников Ин-та востоковедения АН СССР.— М., 1975.

106. Кононов А. Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР, вып. V, 1954.
107. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М., 1956.
108. Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. — Л., 1969.
109. Корнилов Г. Е. О типах топонимов в агглютинативных языках. — Вопросы языкознания, 1967, № 1.
110. Корнилов Г. Е. Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике. Автореф. канд. дисс. — Л., 1966.
111. Краткий русско-калмыцкий словарь. — М., 1969.
112. Кудайберген С. Материалы о киргизско-монгольских лексико-грамматических параллелях. — Известия АН Кирг. ССР, Серия общественных наук, т. VI, вып. 1 (лингвистика). — Фрунзе, 1964, 41—46.
113. Кыргыз тилинин грамматикасы. Морфология. — Фрунзе, 1964.
114. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. — Фрунзе, 1969.
115. Левитская Л. С. Заметки о чувашском консонантизме. 2. Чередование т/к.—Уч. зап. Чувашского НИИЯЛИ, XXVIII. — Чебоксары, 1965.
116. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. — М., 1976.
117. Лунин Б. А. О происхождении и распространении географического названия Тянь-Шань. — Известия АН СССР, серия географическая, 1959, № 2.
118. Лунин Б. А. Географические названия Тянь-Шаня в трудах П. П. Семенова-Тян-Шанского. — Вопросы физической географии Тянь-Шаня. Труды географического ф-та КГУ, вып. 3, 1959.
119. Лунин Б. А., Карасаев Х. Географиялык терминдердин сөздүгү. — Фрунзе, 1939.
120. Маллицкий Н. Г. О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии. — Известия ВГО, т. 77, вып. 5, 1945.
121. Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. — Алма-Ата, 1957.
122. Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. 1. — М., 1973.
123. Матикеев К. Жер тарыхы — эл тарыхы. — Кыргызстан маданияты, 1972, 26 октября.
124. Махмуд Кошгарий. Девони лугат-ит турк, т. I, II, III. — Ташкент, 1960—1963.
125. Мельхеев М. Н. Местные географические термины Восточной Сибири. — Труды Иркутского государственного университета, т. 24. — Иркутск, 1958.
126. Мельхеев М. Н. Географические имена. — М., 1961.
127. Молчанова О. Т. Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области (лингвистический анализ). Автореф. канд. дисс. — Томск, 1968.
128. Молчанова О. Т. Топонимия Горного Алтая — источник древней истории Южной Сибири. — В сб.: Ономастика. — М., 1969.
129. Молчанова О. Т. Пробные статьи к этимологическому словарю географических названий Горно-Алтайской автономной области. Буквы а, б, в, г, д. — В сб.: Лингвистика и методика, вып. 1. — Ярославль, 1975.
130. Монгольская народная республика. Карта. — М., 1975.
131. Монгольско-русский словарь. — М., 1957.

132. Мукамбаев Ж. Жер-суу аттары — тарыхтын күбөсү. — Кыргызстан маданияты, 1970, 8 апреля.
133. Мукамбаев Ж. Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү, т. 1. — Фрунзе, 1972.
134. Мурзаев Э. М. К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня. — Изв. ВГО, т. 72, вып. 3, 1940.
135. Мурзаев Э. М. О происхождении географических названий. — Природа, 1956, № 7.
136. Мурзаев Э. М. Средняя Азия. — М., 1957.
137. Мурзаев Э. М. Задачи топонимического изучения Средней Азии. — Известия Киргизского географического общества, вып. 8. — Фрунзе, 1970.
138. Мурзаев Э. М. Местные географические термины и их роль в топонимии. — В сб.: Местные географические термины. Серия Вопросы географии, сб. 81. — М., 1970.
139. Мурзаев Э. М. Монгольские элементы в топонимике Киргизии. — В сб.: Географические исследования в Киргизии. — Фрунзе, 1970.
140. Мурзаев Э. М. Топонимика — популярная. — М., 1973.
141. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. — М., 1974.
142. Мурзаев Э. М., Умурзаков С. У. Гидронимы Иссык-Куль и Байкал. — Изв. АН СССР, серия географическая, 1974, № 6.
143. Мурзаев Э. и В. Словарь местных географических терминов. — М., 1959.
144. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. — М., 1975.
145. Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. — Ашхабад, 1960.
146. Нафасов Т. Топонимы Кашкадарьинской области. Автореф. канд. дисс. — Ташкент, 1968.
147. Никонов В. А. Пути топонимического исследования. — В сб.: Принципы топонимики. — М., 1964.
148. Никонов В. А. Введение в топонимику. — М., 1965.
149. Номинханов Ц. Д. Исследования по тюркским и монгольским языкам. Доклад об опубликованных и выпущенных работах по тюркским и монгольским языкам, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. — Алма-Ата, 1966.
150. Ойротско-русский словарь. /Под общ. ред. Н. А. Баскакова. — М., 1947.
151. Ономастика Средней Азии. — М., 1978.
152. Орозалиев С. Русско-киргизский словарь географических терминов. — Фрунзе, 1960.
153. Орозалиев С. Русско-киргизский словарь географических терминов. — Фрунзе, 1966.
154. Орузбаева Б. О. Словообразование в киргизском языке. — Фрунзе, 1964.
155. Орузбаева Б. О. Кыргыз адабий тилинин жалпы элдик негизи жөнүндө. — Фрунзе, 1968.
156. Орузбаева Б. О. О киргизских и монгольских лексических параллелях в топонимике. — Изв. АН Киргизской ССР, 1971, № 1.
157. Персидско-русский словарь. — М., 1960.
158. Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). — М.—Л., 1965.
159. Псянчин В. Ш. Словообразовательные модели оронимов Башкирии. — В сб.: Ономастика Поволжья, III. — Уфа, 1973.
160. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, II, III, IV, 1—8 книг. — М., 1963.

161. Расторгуева В. С. Краткий очерк грамматики таджикского языка. — Таджикско-русский словарь. — М., 1954.
162. Рахматов Т. Топонимия города Самарканда и его окрестностей. Автореф. канд. дисс. — М., 1973.
163. Ромодина В. А. Новые материалы по исторической топонимике Тянь-Шаня. — Всесоюз. конф. по топонимике СССР. (Тез. докл. и сообщ.). — Л., 1965.
164. Роспонд С. Перспективы развития славянской ономастики. — Вопросы языкознания, 1962, № 4.
165. Рыгдылон Э. Р. Подкуниинская руническая надпись. — В сб.: Эпиграфика Востока, XI. — 1956.
166. Садабаева К. С. Некоторые вопросы изучения географических названий Киргизии. — Тез. докл. X науч. конф. профессорско-преподавательского состава КГУ. — Фрунзе, 1961.
167. Садабаева К. С. Вопросы географических названий Киргизии. — Друга Республканска ономастична народа (Тез. докл. и сообщ.). — Киев, 1962.
168. Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины, ч. 2. — Алма-Ата, 1976.
169. Сартбаев К. К. Турк тилдеринин салыштырма грамматикасы. — Фрунзе, 1962.
170. Саттаров Г. Ф. Топонимия края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар. — В кн.: Татар тел белеммәсәлэләре, кн. III. — Казань, 1969.
171. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974.
172. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М., 1966.
173. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии. — В кн.: Избранные труды. — М., 1963.
174. Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий. — Вопросы языкознания, 1959, № 6.
175. Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма, чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. — М., 1962.
176. Согдийские документы с горы Муг, вып. III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. — М., 1963.
177. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. 1. — Л., 1975.
178. Суперанская А. В. Типы и структура географических названий. — В сб.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. — М., 1964.
179. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М., 1973.
180. Сыдыков С. Тюрко-монгольские параллели. — В кн.: Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. — Фрунзе, 1966.
181. Таджикско-русский словарь. — М., 1954.
182. Тащицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук. — Вопросы языкознания, 1961, № 2.
183. Тенишев Э. Р. Строй сарыг-югурского языка. — М., 1976.
184. Токомбаев Ш. Т. Об одной ошибке в топонимике Тянь-Шаня. — Изв. Киргизского географического общества, вып. 6. — Фрунзе, 1966.
185. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. — М., 1969.

186. Толстой Н. И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов. — В сб.: Местные географические термины. Серия Вопросы географии, сб. 81. — М., 1970.
187. Топоров В. Н. Из области теоретической топонимистики. — Вопросы языкознания, 1962, № 6.
188. Топоров В. Н., Трубаев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962.
189. Тувинско-русский словарь. /Под ред. А. А. Пальмбах. — М., 1955.
190. Туркменская ССР. Административно-территориальное деление. — Ашхабад, 1964.
191. Узбекско-русский словарь. — М., 1959.
192. Узбек халк шеваляри лугати. — Ташкент, 1971.
193. Уйгурско-русский словарь. — Алма-Ата, 1961.
194. Умурзаков С. У. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. — Фрунзе, 1959.
195. Умурзаков С. У. Состояние топонимического изучения Киргизии. — В сб.: Топонимика Востока. — М., 1962.
196. Умурзаков С. У. О киргизских географических терминах, обозначающих перевал. — Всесоюз. конф. по топонимике СССР. (Тез. докл. и сообщ.). — Л., 1965.
197. Умурзаков С. У. К этимологии названий Джеты-Огуз. — В сб.: Кыргыз терминологиясынын маселелери. — Фрунзе, 1968.
198. Умурзаков С. У. Топонимические заметки. — В сб.: Вопросы киргизской терминологии. — Фрунзе, 1971.
199. Умурзаков С. У., Ахматов Т. К., Жапаров Ш. Первая Среднеазиатская конференция по ономастике. — Изв. Киргизского географического общества. — Фрунзе, 1975, вып. 12.
200. Урду-русский словарь. — М., 1964.
201. Фазылов Э. И. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV века, т. II. — Ташкент, 1971.
202. Федченко А. Н. Путешествие в Туркестан. — Изв. Импер. общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии, вып. 7, т. XI, СПб. — М., 1975.
203. Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. — Новосибирск, 1974.
204. Хайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка, ч. I. — Алма-Ата, 1969.
205. Хакасско-русский словарь. Сост. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. /Под ред. Н. А. Баскакова. — М., 1953.
206. Хасанов Х. Х. Ценный источник по топонимике Средней Азии. — В сб.: Топонимика Востока. — М., 1962.
207. Хасанов Х. Урта Осие жой номлари тарихидан. — Ташкент, 1965.
208. Хромов А. Л. Согдийская топонимия Верховьев Зеравшана. — В сб.: Топонимика. Исследования и материалы. — М., 1969.
209. Хромов А. Л. Очерки по топонимии и микропонимии Таджикистана, вып. 1. — Душанбе, 1975.
210. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. — Орджоникидзе, 1971.
211. Чернышев В. И. О «стержневых» именах числительных в русском и казахском языках. — Изв. АН Каз. ССР, серия филологическая, 1946, вып. 4 (29).
212. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970.
213. Энциклопедический словарь географических названий. — М., 1973.
214. Юдахин К. К. Киргизское уч. «пять». — Труды Института востоковедения, сб. 2, 1940.

215. Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи. — Известия АН Каз. ССР, серия уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып. 1.
 216. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. — М., 1965.
 217. Юзбашев Р. М. Характеристика современной азербайджанской топонимии. — В сб.: Топонимика Востока. — М., 1969.
 218. Юнусалиев Б. М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. — Труды Ин-та языка и литературы, 1956, вып. VI.
 219. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология, ч. 1. — Фрунзе, 1959.
 220. Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы. — Фрунзе, 1971.
 221. Языки народов СССР, т. I. Индоевропейские языки. — М., 1966.
 222. Oguzbaeva B. O. Ethnonyme im Epos «Manas» und ihre Beziehung zu den späteren gentesstammigen Benennungen der Kirgisen. — Moskau, 1968, IIs. (Der VIII Intern. kongr. der Anthropologen und Ethnographen).
 223. Trager, George L., and John G. Muiriger. The linguistic structure of Mongolian Placenames. — Journal of the American oriental society. July — September, 1947, № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СТРАТИГРАФИЯ.	9
Иранский пласт	10
Согдийско-ягнобские топонимы	11
Таджикский подпласт	15
Согдийско-ягнобские и таджикские слова, образующие географические названия иранского пласта в составе топонимии Южной Киргизии	18
Иранские (по структуре) топонимы Южной Киргизии, не поддающиеся расшифровке при современном состоянии языкознания	20
Тюркский пласт	22
Древнетюркский (древне- и среднекиргизский) подслой	22
Киргизский подпласт	36
Южносибирский (алтайский, тувинский) подпласт	43
Уйгурско-узбекский подпласт	57
Арабский пласт	60
Монгольский пласт	62
Русский пласт	72
Тунгусо-маньчжурские наименования и географические названия, не поддающиеся анализу	77
ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.	80
Топонимы, отражающие непосредственную связь географических объектов с практической деятельностью человека	81
Географические имена, содержащие информацию об основном занятии киргизов — скотоводстве	82
Топонимы с информацией о кочевом образе жизни киргизов в прошлом	87
Топонимы, отражающие земледельческое хозяйство киргизов	88
Топонимы с информацией о бытовой и общественной жизни населения	89
Топонимы с информацией об ориентировке киргизов на местности через части тела человека и животных	92
Топонимы с информацией об охотничьем промысле	96
Этнотопонимы	97
Топонимы, отражающие жизнь киргизов в советский период	98
Топонимы, отражающие опосредствованную связь объектов с практической деятельностью человека	99

Прилагательные в составе топонимии	99
Числительные в составе топонимии	104
ГЛАВА III. СТРУКТУРА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.	109
Простые топонимы	109
Непроизводные простые топонимы	109
Производные (аффиксальные) топонимы	110
Сложные топонимы	113
Двухкомпонентные топонимы	113
Трехкомпонентные сложные топонимы	119
Заключенные	121
Приложения.	124
Приложение 1. Краткий топонимический словарь	124
Приложение 2. Краткий словарь географических терминов и других слов, наиболее употребительных в топонимии Киргизии	144
Список сокращений	159
Литература	162

Кадырали Конкобаев

ТОПОНИМИЯ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

Редакторы издательства *Т. В. Коваль, В. И. Клименко*

Обложка художника *В. Ф. Роека*

Технический редактор *Э. К. Гаврина*

Корректор *Т. П. Порфирьева*

ИБ № 575. Сдано в набор 26.06.80. Подписано к печати 2.12.80. Д — 03709. Формат 60×90 1/16. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Объем 10,75 п. л., 10,4 уч.-изд. л. Тираж 700 экз. Цена 1 руб. 70 коп. Заказ 165.

Издательство Академии наук Киргизской ССР
720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265а

Типография Академии наук Киргизской ССР
720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144